

Джордж Горман

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ КВАКЕРСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Впервые опубликовано в мае 1973

Переиздано в январе 1975

Переиздано в сентябре 1979

Переиздано в мае 1988 Переиздано в декабре 1993

Переиздано в январе 2008 издательством Квakerские Книги (Quaker Books)

Copyright George H Gorman 1979

ISBN 978 0 901689 84 9

Перевод на русский язык осуществлен в 2011 по изданию 2008 Quaker Books

Переводчик Наталья Журавенкова

Джордж Горман (9.12.1916 – 20.2.1982)

Джордж Горман был одним из нескольких квакеров, известных во всем Религиозном Обществе Друзей в своей стране. Его также знали многие в Европе и Северной Америке. На любом собрании квакеров он, наверняка, встречал немало своих личных друзей и знал многих по имени.

Джордж родился в Лондоне в 1916 году, но его более сознательные годы прошли в Ивенлоуде, в Глостершире (Великобритания), куда он переехал в возрасте девяти лет, когда его отец получил там должность приходского священника. Среднее образование Джордж получал в гимназии Чиппинг Кэмпден. С этими ранними впечатлениями была связана его неизменная любовь к холмам Котсуольдс [область в западно-центральной части Англии, которую иногда называют "Сердцем Англии", площадью 25 миль по горизонтали и 90 миль в длину, район исключительной природной красоты, - прим. перев.]. Предполагалось, что Джордж пойдет по стопам своего отца и станет священником, но у Джорджа были сомнения, и он полностью отказался от этой идеи после внезапной смерти отца, случившейся, когда Джорджу было 17 лет. Оставшись единственным кормильцем в семье, Джордж вместо того, чтобы стать священником, устроился на работу в страховую кампанию в Лондоне, но позже переехал в офис компании в Челтнеме.

Именно там он впервые встретился с Друзьями. Первые молитвенные собрания, в которых участвовал Джордж, трогательно описаны в заключительной главе этой книги. Он быстро включился в деятельность Молодых Друзей как на местном, так и на общенациональном уровне. Благодаря своим знаниям христианских идей и ценностей, волнующее повторное открытие которых он обнаружил в Обществе, а также благодаря остроумию и способности выступать публично, он стал путешествующим секретарем Молодых Друзей. Чтобы расширить собственные знания квакерства, Джордж переехал в Вудбрук, квакерский учебный центр в Бирмингеме. Здесь он встретил свою будущую жену Люси, и в 1945 году они поженились. В 1948 году они переехали в Лондон, где Джордж занял пост заместителя Секретаря Комитета Домашнего Служения Друзей в Доме Друзей, а спустя четыре года он стал Генеральным Секретарем этого комитета.

Невозможно исчерпывающе оценить 38 лет его служения Друзьям, но говорят, что без него Общество сегодня было бы другим Обществом и, вероятно, меньшим по размеру. У Джорджа был дар личного общения, и он часто говорил Друзьям: «Если вы хотите найти Друга [т.е. квакера, члена Религиозного Общества Друзей, - прим. перев.], сначала найдите друга». Способность к дружбе и улыбочивая приветливость, а также его умение записывать протоколы, с легкостью вести дела, его спонтанный юмор и вдохновляющие обращения – все это характеризовало его завершенную, состоявшуюся и бесконечно заботливую и любящую личность.

Джордж хорошо разбирался в современных течениях религиозной мысли. В своих выступлениях он никогда не использовал религиозных клише, высокопарных слов или сантиментов. Джордж жил в поворотный момент квакерской истории, и он это понимал. Можно сказать, что он предвосхитил дебаты шестидесятых годов о «Честности перед Богом». Разумеется, он оказался в состоянии растолковать их Друзьям и другим людям.

Он был успешным ведущим программ, появлялся на телевидении и работал в Центральном Религиозном Консультативном Комитете ВВС и ИВА. Он также какое-то время служил в Комитете своего местного Совета по Брачным Отношениям и в магистрате; был вице-председателем своего отделения суда и председателем комиссии по делам несовершеннолетних. Джордж считал, что все эти виды деятельности помогают ему оставаться в мире и не замыкаться в квакерстве.

Его первая книга - «Знакомство с квакерами», опубликованная в 1969 году, была кратким, но очень внятным представлением современного квакерства. Она не теряла своего огромного значения на протяжении многих лет и до сих пор является бестселлером, в общей сложности было напечатано 130 тысяч ее копий. Для квакерской прессы Джордж также написал бесчисленное количество статей, отчетов, обзоров книг, фильмов и спектаклей. Он обладал ораторским даром, сочетавшим юмор и серьезность, и всегда имел большой успех у своих слушателей.

Придя когда-то в Общество Друзей по квакерскому объявлению, он особенно заботился о тех, кто только открывал для себя Общество. Он развил практику квакерских объявлений и выступил инициатором встреч по выходным для интересующихся квакерством, проводившихся в Чарни Мэйнол, прекрасном старинном доме в Оксфордшире. Эти встречи до сих пор продолжают быть наиболее успешным способом распространения информации о квакерских убеждениях и практике, проходя в неформальной, непринужденной атмосфере.

В некотором смысле книга «Поразительный факт квакерского богослужения» может рассматриваться как продолжение более ранней работы, развивающей тему квакерского богослужения. Сам Джордж определенно считал эту книгу кульминацией своего опыта, полученного среди Друзей и при работе с теми, кто впервые пришел в Общество.

Джордж Горман умер в 1982 году во время отдыха в Сицилии через семь недель после ухода на пенсию, завершившего его квакерское служение. У него остались жена и трое взрослых детей.

Клиффорд Е. Барнард

Приведенный выше текст был написан через семь лет после смерти Джорджа для переиздания этого классического квакерского произведения в 1988 году. Меня очень радует то, что эта книга до сих пор пользуется значительным спросом, и что возникла необходимость следующего переиздания для еще одного поколения тех, кто открывает для себя Религиозное Общество

Друзей. На мой взгляд, книга остается такой же свежей и уместной, как это было, когда ее впервые напечатали двадцать лет назад.

К. Е. Б.

Январь 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Суортморская лекция предполагает два совершенно разных, хотя и взаимосвязанных, вида деятельности. Первый – написание небольшой книги на избранную тему; второй – пятидесятиминутное публичное выступление по этой теме во время проведения Лондонского Годового Собрания. Лектора просят объяснить Друзьям какой-нибудь из аспектов их веры и работы, а также представить публике что-то из фундаментальных принципов Религиозного Общества Друзей.

Тема квакерского богослужения была выбрана мной, потому что я убежден в том, что это наиболее драгоценный дар, которым Друзья могут поделиться с окружающими. Да и о нем также всегда бывает полезно поразмышлять самим квакерам. Начав работу, я сразу понял, что эта тема – самая простая и одновременно самая трудная для описания. Простота заключается в том, что каждый квакер знает ее по собственному опыту, это часть его жизни. Трудность в том, что богослужение затрагивает глубины самого сокровенного человеческого опыта.

Чтобы найти время писать, мне пришлось оставить свои обычные направления деятельности и поехать в Пендл Хилл, квакерский центр обучения и молитвы около Филадельфии. Мои надежды полностью оправдались. Поддерживающее тепло любви, с которым меня встретило сообщество Пендл Хилла, и постоянный стимул вдохновения обеспечили именно ту атмосферу для работы, которую я себе представлял. К этому добавлялась ежедневная возможность участия в квакерском богослужении, в его наилучшем проявлении. Именно во время этих молитвенных собраний я по-новому осознал поразительную природу квакерского богослужения, как основополагающего факта в жизни.

Я признателен своим друзьям в Пендл Хилле и также глубоко признателен бесчисленному количеству людей, о чьем опыте я узнал из общения и переписки. Ведь квакерское молитвенное собрание по сути – совместная деятельность, хотя своим описанием я и дал ей мою личную интерпретацию.

Невозможно назвать всех тех, кто помогал мне, но есть несколько человек, которым я должен выразить особую благодарность за их помощь. Первый вариант этой книги прочитали многие Друзья, в том числе Кеннет Барнс, Эллис Мэри Хэтфилд, Гарольд Лукс, Эдвард Х. Миллиган, Бен Винсент и Кэрол Уидс. Их конструктивные замечания и комментарии были неоценимы.

Мое отсутствие на работе возложило дополнительную ношу на плечи моих коллег, и я признателен за ту энергичность, с которой они эту ношу несли. Хочу выразить свою особенную благодарность Клиффорду Барнарду, не только за предоставление мне возможности отсутствовать на работе, но и за его полезные идеи по улучшению моей работы, а также за

педантичность и заботу, с которыми он отнесся к изданию книги. Моему секретарю, Раби Момбер, я благодарен за терпеливую расшифровку моей рукописи и работы по ее изданию.

Наконец, я благодарен за интерес и поддержку моей жены, которая не только предоставила мне возможность уехать на три месяца, но, которая, когда я вернулся, прочитала и обдумала каждое слово и черновик этой книги. У нее, в большей степени, нежели у кого-то еще, я научился истинной природе любви, и благодаря этому, начал понимать что-то в природе богослужения.

Джордж Горман

С благодарностью посвящается

Сообществу Пендл Хилла

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЗНАКОМСТВО С КВАКЕРСКИМ БОГОСЛУЖЕНИЕМ

Истоки богослужения. Современная критика. Открытость для всех. Интерпретация опыта. Типичное собрание. Простота процедуры. Совместное молчание. Высказывания на богослужении. Завершение собрания. Первая реакция.

2. РОЛЬ МОЛЧАНИЯ

Оскорбление молчания. Целительная сила тишины. Ложные ценности современного общества. Учиться быть тихим. Исследование внутренней жизни. Центр тишины и спокойствия. Роль личных взаимоотношений. Значение богослужения. Богослужение и личность. Совместное богослужение. Вхождение во внутренний центр. Сплоченное собрание. Относись к этому легко. Важность намерения.

3. КОМУ ИЛИ ЧЕМУ МЫ ПОКЛОНЯЕМСЯ?

Ранее квакерское богослужение. Религия семнадцатого века. Опыт двадцатого столетия. Начиная с человеческого опыта. Проблема религиозного языка. Влияние современной мысли. Зачем же притягивать сюда Бога? Отрицание религии. Интерпретация человеческого опыта. Квакерское отношение к Библии. Сигналы трансцендентности. Религия и личность. Потребность любить и быть любимым. Свидетельство Иисуса. Образ жизни. Водительства Бога. Святой Дух.

4. НАИЛУЧШЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ КВАКЕРСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

С подготовленными сердцем и умом. Структурированный подход. Размышление о жизни. Молитва. Молитва как любящее мышление. Преодоление агрессии. Медитация.

Неструктурированный подход. Жизнь как подготовка к богослужению. Квакеры и мистицизм. Индивидуальное и совместное богослужение. Совместное созерцание.

5. ГОВОРИТЬ ИЛИ НЕ ГОВОРИТЬ

Приветствие новым голосам. Опыт семнадцатого столетия. Период квиетизма. Восстановление баланса. Отвечая жизни собрания. Высказывания в начальный период собрания. Использование языка. Вопросы к себе. Говорить слишком много. Ловушка ролевой игры. Поучающее служение. Советы и вопросы. Поэзия и гимны. Побуждение говорить. Отложенное служение. Молитва вслух на собрании. Повторное открытие молчания.

6. КВАКЕРСКОЕ СООБЩЕСТВО

Взаимозависимость богослужения и жизни. Дружба. Общение. Квакерские группы. Углубление духовной жизни. Старейшины и наблюдатели. Маленькие собрания. Значение дома собраний. Участие в экуменическом движении. Типы богослужения. Дети на собрании. Квакерские свадьбы. Квакерские похороны. Квакерское деловое собрание.

7. ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ КВАКЕРСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Врата трансцендентности

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор и Комитет Домашнего Служения Друзей с радостью выражают свою признательность следующим писателям и издательствам за предоставленное ими разрешение цитировать облагаемые авторским правом источники: Associated Book Publishers Ltd. за цитату из «Психологии и религии» Стефана Спинкса (*Psychology and religion* by Stephen Spinks), The Boley Head за цитату из «Августа 1914» Александра Солженицына; The Bannisdale Press за цитаты из «Квакерского богослужения» Глэдис Уилсон (*Quaker Worship* by Gladys Wilson); Constable & Co. Ltd. за цитату из «Истинной пустыни» Гарри А. Уильямса (*The True Wilderness* by Harry A. Williams); Mitchell Beazley Ltd. за цитату из «Истинного Воскресения» Гарри А. Уильямса (*True Resurrection* by Harry A. Williams); James Nisbet & Co. Ltd. за цитату из «Богослужения» Эвелин Андерхилл (*Worship* by Evelyn Underhill); Pendle Hill (издательство Пендл Хилл) за цитаты из «Творческого богослужения и других эссе» Говарда Бринтона (*Creative Worship and other essays* by Howard Brinton) и «Квакерского послания – личного утверждения» (Quaker Message: a personal affirmation by L. Hugh Doncaster); Penguin Books Ltd. за цитаты из «Сплетен ангелов» Питера Бергера (*A Rumour of Angels* by Peter L. Berger) и «Пути трансцендентности» Алистара Ки (*The True Way of Transcendence* by Alistair Kee); литературным агентствам A. D. Peters & Co. за цитату из «Эссе гуманиста» Сэра Джулиана Хаксли (*Essays of a Humanist* by Sir Julian Huxley); Routledge & Kegan Paul Ltd. за цитату из «Главенства добра» Айрис Мёрдок (*Sovereignty of Good* by Iris Murdoch); C. A. Watts & Co. Ltd. за цитаты из «Будущего религии» (The Future of Religion by Kathleen Bliss); the SCM Press Ltd. за цитаты

из «Психологии богослужения» Р. С. Ли (*Psychology and Worship* by R. S. Lee) и «Путей в духовности» Джона Маккуорри (*Paths in Spirituality* by John Macquarrie); литературного душеприказчика Джеймса МакДжиббона (James MacGibbon) за поэму «Не машущий, а тонущий» Стиви Смита (*Not waving but drowning* by Stevie Smith); редактора журнала *The Friend* («Друг») и Энн Уилсон (Ann Wilson) за разрешение перепечатать ее письмо из журнала.

Любовь – самый трудный из уроков христианства; но, именно по этой причине,
нам следует особенно старательно усвоить его.

Difficilia quae Pulchra.

/Трудно – значит прекрасно, лат. – прим пер./

Плоды уединения (1690г.)

Уильям Пенн

1

ЗНАКОМСТВО С КВАКЕРСКИМ БОГОСЛУЖЕНИЕМ

Рассматривая квакеров в любой части света, во все моменты их истории, начиная с середины семнадцатого века до настоящего времени, нельзя не заметить один замечательный факт: их жизнь, как по отдельности, так и в общем, была основана на молитвенной деятельности. Подумайте об этом, и вы, вероятно, придете к заключению, что это не так уж удивительно, особенно если вспомнить, что принятым самими квакерами с конца восемнадцатого века самоназванием было «Религиозное Общество Друзей». Слово «религиозное» неизбежно предполагает такого рода опыт, который включал бы какую-то деятельность, определяемую как богослужение. Но это не всегда становится сразу ясно каждому. Несколько лет назад я слушал лекцию о квакерах иезуитского священника, который очевидно постарался очень серьезно подойти к предмету своей лекции. Несмотря на это, он пришел к странному выводу о том, что не сумел найти в квакерстве ничего, хотя бы отдаленно схожего с богослужением! Беседуя с ним впоследствии, я описал квакерское молитвенное собрание, и его глаза загорелись от удивления. В конце разговора он сказал загадочно: «Какой поразительный опыт!»

Что так поражает в квакерском богослужении? Поражает то, что более трехсот лет обычные люди собираются вместе в молчании, не прибегая к помощи специально обученного лидера или литургии, ритуала или внешних таинств. Неделью за неделей они участвуют в совместном эксперименте молчаливого и одновременно открытого для всех, богослужения. В нем они ощущают величие и трагичность жизни; ее поражения и триумфы. Они сознают нечто

ошеломительное: присутствие, истину, любовь Бога. Это осознание поддерживает их, одновременно и укрепляя, и возрождая. Так квакеры приходят к потрясающему утверждению об изначальном благе жизни и ее смысле, ибо они становятся настоящими людьми.

Одна из главных целей этой книги – настолько просто, насколько у меня получится, описать квакерский способ богослужения и как можно более объективно объяснить основные причины того, что оно так высоко ценится Друзьями. И я надеюсь, что некоторые из моих читателей смогут почувствовать, что принятое у Друзей богослужение может оказаться ценным и для них.

Этой книгой я также надеюсь осуществить вторую из главных целей – поощрить членов Общества Друзей по-новому взглянуть на свое богослужение, честно рассмотреть его сильные и слабые стороны, как в принципе, так и на практике. Я признаю в своем послушном доверии и любви к квакерскому богослужению. Я стремлюсь лучше использовать его и хочу увидеть его более эффективное применение в Обществе Друзей. Оно отвечает моим глубоким потребностям, и я знаю, что это столь же истинно для других Друзей. Я верю, что квакерское богослужение может также отвечать потребностям людей за пределами Общества, и это должно, по меньшей мере, пробудить в квакерах желание поделиться с окружающими своим достоянием в его лучших проявлениях.

Истоки богослужения

Сегодня уже само произнесение слов «религиозное» и «богослужение» способно оттолкнуть многих людей или, в некоторых случаях, вызвать решительный отпор. Причина в том, что подобные слова вызывают в современном уме ассоциацию с таким отношением к жизни, которое больше не считается здоровым или адекватным. Эти слова несут оттенок магии и суеверия – пережитков примитивных времен, когда человечество пыталось заслужить благосклонность или избежать гнева богов, которые, как представляли люди, по своему усмотрению вершили суд над их жизнью. Надеюсь, что те из читателей этой книги, кто склонен к подобному отклику на упоминание о богослужении, согласятся судить о принятом у Друзей богослужении в его современном виде, а не по готовым предрассудкам относительно примитивных истоков молитвенной деятельности. Эта моя надежда равно применима и ко всем современным проявлениям богослужения, ведь квакеры его не монополизировали.

Квакеры вполне сознают природу истоков религии, а также ее развития на протяжении всей долгой человеческой истории, в которой всегда присутствовал элемент богослужения. Мы можем со всей определенностью, хотя и с грустью, отметить, что слишком уж часто разнообразие способов проявления религиозного инстинкта было не просто разрушительным, но поистине пугающим. Эти способы включали такое поведение, которое должно быть без сомнений осуждено, как возмутительное.

В то же самое время, не ища способов оправдывать, сдерживать или объяснять негативные аспекты в истории и практике религии, квакеры также с благодарностью признают невероятную пользу для человечества, извлекаемую из религиозного отношения к жизни и молитвенной практики. Более того, мы не будем честными в отношении нашего сегодняшнего опыта, если с радостью не признаем, что взгляд на мир с религиозной точки зрения вместе с нашим

регулярным участием в богослужении являются для нас жизненно важными, фундаментальными и незаменимыми аспектами существования.

Мне известно, что для прояснения ума и оттачивания практики нет ничего лучше, чем попытки рассказывать о квакерстве тем людям, которые знают о нем мало или не знают вовсе ничего, а также могут быть лишь поверхностно знакомы с каким-либо религиозными идеями или, возможно, стойко им сопротивляются. Одним из препятствий в общении служит язык, который мы используем. Друзья очень любят «квакерский язык» за богатство отображаемого им опыта, однако можно без преувеличений сказать, что опыт важнее всего.

В данной вступительной части я буду, насколько это возможно, избегать использования слов, способных, из-за своего эмоционального характера, вызвать негативную реакцию именно у тех людей, к которым нам хочется обратиться. Позже, когда у нас будет возможность рассматривать эти слова более внимательно и в соотнесении с перспективой квакерского опыта в целом, мы, вероятно, обнаружим, что нет другого языка, который более адекватно передал бы то, что мы подразумеваем. Я имею в виду такие слова, как Бог, Христос, Святой Дух и молитва. Если возможно, мне хотелось бы добавить к этому перечню слова «богослужение» и «религиозный».

Я понимаю, что, пытаясь избежать их использования, я рискую вызвать критику читателей с религиозными убеждениями, потому что такие читатели справедливо заметят, что я сильно недооцениваю серьезную значимость и важное место богослужения в их опыте. С другой стороны, я также подвергаюсь риску вызвать критику со стороны склонных к агностицизму читателей за попытку «гуманизации» квакерского богослужения, сбрасывание со счета его религиозный элемент.

Современная критика

Одно из самых серьезных и настойчивых возражений против религиозного подхода в настоящее время исходит от социологов. В 1967 году Питер Бергер, выдающийся американский социолог, написал книгу, которую назвал *Священный Полог – элементы социологической теории религии*. (1) Он говорил, что это теоретическая работа, которую легко можно рассматривать в качестве обсуждения отчаянного положения религии в современном мире. Как социолог и как христианин он остался недоволен последствиями своей книги, и поэтому написал еще одну, «обращенную ко всем, кого интересуют религиозные вопросы, и кто готов думать о них систематически». Он назвал свою новую книгу «Сплетни ангелов – современное общество и повторное открытие сверхъестественного». В ней он не упускает ничего из представления силы социологической атаки на религию, но также указывает на многообразие факторов, которые он описывает, как «сигналы трансцендентности в эмпирически заданной человеческой ситуации». (2)

Он приглашает тех, кто интересуется теологической идеей, искать подобные «сигналы трансцендентности», потому что они – «феномены, которые должны быть найдены в пределах территории нашей естественной реальности, но которые указывают за пределы этой реальности». (3)

Он добавляет, что использует слово «трансцендентность» не в техническом, философском смысле, а в буквальном смысле – то, что находится за пределами обычного повседневного мира.

Позже мы рассмотрим пять сигналов трансцендентности, выбранных Питером Бергером. Для того, чтобы искать сигналы, указывающие на религиозную интерпретацию человеческой ситуации, Питер Бергер решает ставить акцент на подходе к вере, который он описывает, как индукцию. Под индукцией он подразумевает «любой мыслительный процесс, который начинается с опыта», (4) что противоположно обратному процессу - дедукции, которая начинается с идей, предшествующих опыту. Питер Бергер предполагает, что «индуктивная вера» - «это религиозный процесс мышления, который начинается с фактов человеческого опыта», (5) и движется от этого опыта к утверждениям о Боге. В свою очередь, «дедуктивная вера» начинается с определенных утверждений (особенно, утверждений о божественном откровении), которые не могут быть проверены опытом, (6) и движение идет от утверждений о Боге к интерпретации человеческого опыта.

В своем подходе к квакерскому богослужению я пытаюсь, по мере возможности, следовать приглашению Питера Бергера и рассматривать это богослужение, в первую очередь, как религиозную деятельность, но строго с точки зрения человеческого опыта. Поэтому я прошу всех моих читателей, насколько возможно, временно отложить все предвзятые идеи обо всем, что составляет квакерское богослужение, и попытаться сконцентрироваться на тех чертах, которые вероятнее всего будут очевидны для восприимчивого новичка, изначально относящегося к этому богослужению с позиций человеческого опыта.

Открытость для всех

К сожалению, за пределами Общества Друзей широко распространено представление о том, что участие в квакерском богослужении ограничено членством в Обществе. Могу со всей уверенностью утверждать, что это представление полностью ошибочно. Квакерские молитвенные собрания открыты для всех, кто хочет в них участвовать. Это приглашение в равной степени относится к членам других церквей или религиозных групп – к тем, кто может пожелать время от времени принимать участие в квакерском богослужении. Оно также относится к людям, которые по той или иной причине разочаровались в своем прежнем богослужении, но которые все еще чувствуют потребность в какой-то религиозной практике. Квакеры также приветствуют на своих собраниях тех, кто сильно сомневается в том, что их опыт вообще может быть назван религиозным, но кто все-таки ищет нечто, способное принести новое измерение в их жизнь, расширить их видение и поддержать их.

Открытость квакерского богослужения, подразумеваемая таким широким приглашением, является очевидным следствием толерантного отношения, глубоко укоренившегося в квакерстве. Оно отражает подлинную чуткость к мыслям, идеям и чувствам других людей. В то же самое время, их просят приходить на квакерское собрание с подобной же открытостью и уважением к убеждениям и опыту квакеров. Ведь Общество Друзей – это не бесформенная группа людей, которые, в общем, нравятся друг другу и разделяют схожие идеи, но в остальном «поступают по-своему» в вопросах веры и деятельности.

Интерпретация опыта

Напротив, это – сообщество людей, которые обращаются к своему восприятию мира и чувствуют себя обязанными интерпретировать его особым образом. Процесс интерпретации – не статичный, но динамичный и развивающийся. Он может быть таким же широким, как широко само многообразие жизни. Принимается во внимание то, что было истинным и реальным для Друзей и других верующих предшествующих поколений, таких как, например, библейские персонажи. Это также включает представления современных квакеров о глубинном значении жизни.

Предлагая свои интерпретации, Друзья признают, что, поскольку открывающееся видение потенциала и возможностей жизни несет отпечаток истины, это налагает определенные требования на них, на каждого в отдельности и на сообщество в целом, и вызывает необходимость отклика. Друзья поэтому стремятся посвятить себя этому видению и стараются жить в его свете. Так, на протяжении своей истории Общество Друзей радовалось совместному опыту, который, в то же самое время, предоставлял максимум свободы каждому отдельному члену.

Такую концепцию сильного поддерживающего группового опыта в соединении с индивидуальной свободой не всегда легко понять, но я надеюсь, что ее значение будет постепенно проясняться в данной книге. Это в совершенстве проявляется в квакерском способе богослужения и, поистине, понять квакерское богослужение – значит понять Общество Друзей. Здесь снова возникает проблема попытки выразить словами то, чего, на самом деле, не в силах описать слова. Ведь, в действительности, невозможно написать что-либо адекватное о квакерском богослужении, так же как невозможно описать во всей полноте внутреннюю значимость близких отношений между людьми или воздействие от прослушивания великой музыки. Постичь эти грани человеческого опыта можно, только действительно пережив его.

Трудность описания квакерского богослужения дополнительно увеличивается вследствие того, что оно, как и всякое богослужение, предполагает целостный отклик всего существа тех, кто в нем участвует. Попытка проанализировать богослужение приводит к обесцениванию опыта. В идеале, требуется единое непосредственное выражение всего, что нужно сказать. Но это, конечно, невозможно, и мы должны рассматривать богослужение шаг за шагом, не забывая о том, что цельный опыт богослужения всегда больше суммы его слагаемых.

Типичное собрание

Первый шаг в данном процессе – нарисовать словесный портрет типичного квакерского молитвенного собрания, каким оно, скорее всего, представится вновь прибывшему наблюдателю. Произнося это, я часто задаюсь вопросом, а существует ли такая вещь, как типичное квакерское собрание; ведь собрания, как семьи, состоят из принадлежащих к ним людей. Слово «семья» вызывает в воображении определенные базовые идеи о том, что это такое, но каждая конкретная семья создает свою собственную жизнь с присущими ей особенностями, просто потому что это – живой организм. И ни одна семья не похожа в точности ни на какую другую. Это также верно в отношении места проживания. Хотя все жилища созданы из схожих материалов, физическая материя каждого дома несет на себе характерный отпечаток тех, кто в нем обитает. Это также относится к квакерским домам собраний и семье Друзей, которая их использует.

Квакерское собрание может проводиться где угодно, так как оно не требует специального места, освящаемого для проведения богослужений. На самом деле, в начале квакерского движения, собрания часто проводились в сараях, на кухнях фермерских домов или под открытым небом. Сегодня большинство квакерских богослужений проходят в помещениях, принадлежащих Обществу Друзей. Некоторые из них – здания, возведенные в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках, представляющие типичные образцы архитектуры своего времени. Как следствие, им присущи красота и скромность дизайна, что отражает красоту и скромность квакерского богослужения. Не всегда столь же эстетически приятны те дома собраний, которые были построены в более поздний викторианский период или в начале двадцатого столетия. Совсем недавно стали появляться восхитительные новые дома собраний. Развивается практика использования самых разных зданий в качестве домов собраний Друзей. У многих недавно основанных собраний нет своей собственности, и они арендуют подходящие помещения в любом удобном и доступном месте. Здесь следует заметить, что Друзья принимают близко к сердцу современную широко распространенную проблему нехватки жилья, и позже в данной книге этому вопросу будет уделено внимание.

Моя главная забота на данном этапе – установить тот факт, что каждому квакерскому собранию необходима достаточно большая комната, в которой могли бы регулярно собираться люди.

Сама комната бывает обставлена просто – возможно, скамьями, если дом собраний – старое здание, или же стульями, если дом новый. Места для сидения расставлены по кругу или в виде квадрата, чтобы люди могли сесть лицом друг к другу. В центре обычно расположен стол, на котором, вероятно, стоят цветы и лежит Библия. Главная задача места собрания – дать людям возможность сидеть вместе естественно и достаточно комфортно. Первым, что вызовет удивление у новичка, будет, скорее всего, отсутствие обычной обстановки, которая ассоциируется с местами проведения богослужений. В комнате собраний отсутствует алтарь, кафедра проповедника, аналой, купель или орган.

Простота процедуры

Процедура квакерского собрания так же проста, как и комната, в которой оно проходит. Отсутствует литургия или запрограммированный порядок службы с гимнами, нет установленных молитв и чтений; а значит, молитвенники или книги гимнов не нужны. Нет священника или служителя, проводящего богослужение, поскольку эту обязанность выполняют все присутствующие. Нет внешних сигналов к началу богослужения: оно начинается, когда первый участник приходит или приезжает, заходит в комнату и садится в тишине. Один за другим входят другие, рассаживаются и присоединяются к молчанию. Многие собрания поручают одному или нескольким своим членам стоять у дверей, чтобы коротко приветствовать входящих. Если новичок почувствует неуверенность относительно того, где ему сесть, стоящий у дверей Друг будет рад помочь ему.

Так начинаются собрания. Они могут различаться по размеру – от очень маленьких групп, включающих несколько человек, до весьма больших групп. Большинство собраний проходят по воскресеньям и, как правило, утром, поскольку это – самое удобное время для участников. Но собрания могут проводиться в любой день недели и в любое время суток. Самым поразительным

аспектом для вновь пришедшего оказывается тот факт, что они проходят в молчании. Это одна из уникальных особенностей квакерского богослужения, и она настолько важна, что ее следует детально рассмотреть в следующей части; но невозможно не остановиться на ней и сейчас, ведь богослужение через ожидание в молчании – это самое драгоценное наследие нашего прошлого и самое значимое наше достояние сегодня.

Совместное молчание

В хорошем собрании, а не все собрания достигают этого идеала, присутствующие постепенно успокаиваются телом и душой, сидя в тишине. Входящие в комнату по отдельности, люди, раньше или позже, начинают сознавать, что воспринимают окружающих на более глубоком уровне, чем это происходит в обычном общении. Оставаясь полностью собой, они также становятся действительно единой группой; сообществом людей, связанных вместе в духе. Признаки этого состояния можно увидеть, когда, например, небольшая группа людей, собравшихся вместе ради какого-то общего интереса, трудится над решением конкретной проблемы. На протяжении некоторого времени решение ускользает от них, и вдруг происходит прорыв, достигается единство, и ощущение общности наполняет группу. Поразительно то, что на квакерском собрании намного более глубокое осознание единства может быть достигнуто без слов.

Никто не в состоянии сказать, в какой именно момент это происходит, но квакерам на протяжении всей их истории было известно, что такое возможно, и что это на самом деле случается. Единственным внешним признаком этого бывает более глубокое молчание, интенсивность которого можно в буквальном смысле почувствовать, когда стихает всякое волнение. Достигнув этой точки, группа становится «сплоченным собранием», и новое измерение окрашивает ее общую жизнь. Возникает более сильное ощущение того, что опыт, которым делится каждый, выходит за рамки повседневной жизни, оставаясь при этом прочно к ней привязанным. В нем есть вневременное качество, снимающее ограничения времени и пространства. С одной стороны, это создается присутствующими; с другой стороны, это бывает им дано. Позже мы рассмотрим значение этого опыта и то, каким образом квакеры пытаются его описывать и интерпретировать, как они на него реагируют.

На один момент мы должны сейчас вернуться к нашему новичку и его вероятным впечатлениям о квакерском собрании. Он может сразу почувствовать себя как дома в тишине, инстинктивно понять, что это – естественная для него форма богослужения. Другие могут ощутить, что им нравится молчать какое-то время, но бывают периоды, когда они беспокоятся и отвлекаются. Есть же и такие люди, которые, хотя их по-настоящему привлекает идея молчания в качестве основы богослужения, все же считают эту практику крайне трудной.

Можно сразу сказать несколько слов, чтобы успокоить таких людей. Их трудности могут быть вызваны тем, что само собрание не достаточно сплоченное, а в этом случае даже самым опытным Друзьям время от времени бывает трудно сохранять полную неподвижность в течение всего собрания. Многие Друзья также говорят, что им потребовались месяцы, чтобы привыкнуть к молчанию.

Трудностью, общей для новичка и для самих Друзей, будет переход из личной изоляции в общинную жизнь собрания. Для людей вполне приемлемо и полезно посещать квакерские собрания, привыкнуть к молчанию и использовать собрания как возможность для индивидуальной медитации. Но я чувствую, что люди упускают богатство, приходящее через отождествление с другими в единстве, которым является жизнь собрания. Большинство людей в самом начале своего участия в квакерском собрании улавливают, пусть мимолетные, проблески возможности полного соключения с другими в молчании, которые указывают на нечто, далеко превосходящее их обособленный опыт, и дающие надежду на то, что терпение и спокойствие позволит им испытывать это на квакерском богослужении регулярно.

Также следует сказать, что для многих квакеров происходит обратный описанному мной процесс. Они приходят на собрание с живым осознанием этого чувства трансцендентности, или, по крайней мере, с настроением на то, что они его ощутят. Их ощущение, конечно, усиливается собранием. Именно это позволяет им построить любящие взаимоотношения с присутствующими. Другие найдут более точное описание своего опыта в признании того, что он является смешением обоих этих подходов, и что они время от времени сменяют друг друга.

Высказывания на богослужении

До сих пор я писал только о молчании, которое будет такой явственной чертой для пришедшего впервые на квакерское собрание. Но есть другая важная особенность, которая его поразит. Хотя в некоторых случаях квакерское собрание проходит в полной тишине, иногда там бывают высказывания. Они, в идеале, должны происходить из сплоченной жизни собрания, их цель – углубление этой жизни и богослужения. Высказывания могут отличаться по форме. Чаще всего кто-то делится с собранием своим опытом или мыслью, которые осветили смысл жизни и цель, и которые помогут другим присутствующим обрести подобное осознание. Или же высказывание может быть чтением из Библии, а также из некоторых других книг. Предложение молитвы – третья форма, в которой слова могут быть произнесены на собрании, хотя сейчас это практикуется реже, чем в прежние времена.

Каждый мужчина или женщина, мальчик или девочка, квакер или не квакер, могут говорить на молитвенном собрании, при том обязательном условии, что высказывание отвечает духу в собрании. Невозможно предсказать как много, или как мало, будет высказываний, поскольку эта форма богослужения крайне гибка, и одной из ее главных характеристик является спонтанность. Произносимые слова, если они действительно зародились внутри жизни собрания, погрузятся в водоем собрания и помогут всем присутствующим усилить его глубину. Сказанное неизбежно влияет на развитие собрания в хорошую или плохую сторону. Вопросу о том, когда говорить, а когда не говорить, будет посвящен отдельный раздел, но кое-что следует сказать сейчас, чтобы дополнить нашу картину квакерского собрания.

Я предлагаю в настоящий момент сфокусировать внимание на том влиянии, которое произносимые на собрании слова, вероятно, окажут на новичка. Он заметит, что высказываниям уделяется пристальное внимание, и он может обнаружить, что глубоко взволнован и вдохновлен, возможно, как искренностью, с которой они произносятся, так и самими идеями или способом их подачи. На квакеров не производит большого впечатления ораторское искусство, поскольку они

встречаются не для того, чтобы слушать тщательно подготовленные и красиво поданные проповеди. По опыту видно, что некоторые из наиболее ценных высказываний были произнесены невнятно и без какой-либо явной последовательности. Конечно, некоторые из тех, кто высказывается, обладают естественным даром красноречия, и их приятно послушать. Но намного более важен опыт, который лежит в основе слов. Когда слова на собрании отражают то, что человек чувствует в глубине своего существа, равно как и то, что он знает своим разумом, тогда они способны «обращаться к состоянию» тех, кто слушает.

К сожалению, так бывает не всегда, высказывание может прерывать молчание и резать слух. Непосредственной и естественной реакцией будет сильное чувство раздражения, если не открытого гнева на то, что спокойствие и тишина нарушены. Это может быть вполне оправданной реакцией, но может быть и ошибочной. Общество Друзей издавна советует тем, кто проводит богослужение, как это принято у квакеров, слушать с сочувствием все, что говорится на собрании, и пытаться извлечь из слов их внутренний смысл и подлинную значимость.

Тем не менее, даже при самых лучших намерениях в мире и любой степени дисциплинированности и добросердечия, иногда бывает невозможно отчасти или полностью принять сказанное как что-либо полезное для себя; в таких случаях, просто выберите из этого, что сможете. Если вы не способны найти хоть что-нибудь ценное, а непрерывный поток слов выступающего препятствует вашему молчанию, тогда вам может быть полезно спросить себя, почему его послание не достигает вас, или почему оно вызывает такую реакцию. Задавая себе эти вопросы, можно пробудить свое творческое начало. На самом деле, вы, вероятно, начнете понимать, что слова, которые вы слушали с раздражением, все-таки касаются вас. Собрания не всегда бывают спокойными от начала и до конца. То, что сказано, может действительно стать испытанием или встревожить.

Важно пытаться предотвратить проникновение в ваш разум духа противоречия. Более всего достойно сожаления состояние спорящего общества, в которое может превратиться молитвенное собрание. Обсуждение, спор и доказательство занимают свое достойное место в жизни Общества Друзей в целом: но, разумеется, место это – не на богослужении.

Затронув эту довольно мрачную тему, которую следует озвучить во всяком честном описании квакерского молитвенного собрания, мы можем теперь вернуться к лучшим проявлениям богослужения Друзей, упомянув то, что чаще всего присуще нашим собраниям. Произносимые на собраниях слова, которые могут быть ненужными одному человеку, часто оказываются именно тем, что необходимо услышать другому. И неизвестны случаи, когда человек пытается нащупать идею, которая никак не поддается пониманию, а кто-нибудь другой высказывает ту же самую идею с большей ясностью и в более полном значении.

Завершение собрания

Таким образом, собрание продолжается в течение примерно часа, хотя в ранний период Общества, собрания часто длились намного дольше. Окончание собрания официально знаменуется рукопожатием двоих Друзей. Как эти двое Друзей (мы называем их старейшинами, см. стр. 132 – *английского текста, прим пер.*) знают, что собрание действительно закончено? Как

можно было ожидать, не существует никакого строгого правила, которому они могут следовать, и порой они неверно воспринимают ситуацию. Понимание того, что собрание окончено, имеет интуитивную природу, хотя, несомненно, часы тут помогают. Лучшая параллель, которая приходит мне на ум, может быть приведена из опыта обычной встречи двоих близких друзей. Они радостно приветствуют друг друга, беседуют и делают небольшие паузы живого молчания. Наконец, они инстинктивно чувствуют, что пора расставаться. Их прощание может быть выражено разными способами, один из которых – рукопожатие. Они расстаются друг с другом, незримо обогатившиеся и измененные своей встречей, хотя осознание этого может прийти лишь впоследствии, когда они вспоминают проведенное вместе время.

Так и на квакерском собрании группа встречается, становится сплоченной и входит в общую жизнь и единение; и также группа знает почти инстинктивно, когда наступает время расставаться, хотя для этого расставания нет явного внешнего сигнала, кроме, разве что, легкого движения.

Перед тем, как завершить эту зарисовку несколькими краткими упоминаниями того, какое влияние оказывает молчаливое богослужение на впервые попавших на него людей, следует ненадолго обратиться к нескольким вопросам, некоторые из которых будут впоследствии вновь затронуты. Один – крайне важное место, которое занимают во всем сообществе Друзей дети. Им, конечно, очень рады на богослужении, и их присутствие значительно обогащает общий опыт собрания. Обычная продолжительность присутствия маленьких детей составляет десять-пятнадцать минут, либо в начале, либо в конце собрания. Остальное время они проводят в специальных группах где-то рядом.

Сразу после окончания собрания Друг, несущий служение секретаря (мы называем таких Друзей клерками), сделает объявления для присутствующих, предварительно поприветствовав от имени собрания посетителей. Один или два Друга могут рассказать о текущей или запланированной на будущее квакерской или иной деятельности. В практику Друзей не входит сбор пожертвований во время или после богослужений. Многие собрания, тем не менее, предоставляют возможность вносить вклады на конкретные потребности, которым могут вызывать сочувствие у людей, не слишком навязчивым образом разместив около двери ящик для пожертвований.

В конце собрания новичку следует делать то, что он чувствует для себя наиболее приемлемым. Он может пожелать тихо удалиться, чтобы получить возможность легче усвоить воздействие, оказанное на него собранием. Друзья проявят уважение к его чувствам и не будут принуждать его остаться поговорить, хотя они всегда надеются, что он согласится принять короткое обращенное к нему лично приветствие одного из их числа. Или же он может захотеть познакомиться с кем-то из тех, с кем он молился. Для уверенного в себе человека это не трудно. Он обнаружит, что члены собрания будут счастливы познакомиться с ним, и можно надеяться, что они подойдут к нему первыми. Я могу представить себе, что застенчивому человеку, которому трудно сходить с людьми, перспектива быть представленным сразу нескольким незнакомцам покажется испытанием. Но будьте уверены, Друзья – по-настоящему дружелюбные люди, которые с пониманием отнесутся к подобным чувствам. Посетителю следует сказать кому-нибудь рядом с ним, что это его первый опыт участия в квакерском собрании, и что он хотел бы познакомиться с одним или двумя людьми. Если кто-то захочет узнать больше о собрании и его деятельности, Друзья, опять же, откликнутся на это пожелание. Старейшины и наблюдатели собрания (Друзья, назначенные заботиться о благе собрания) будут рады помочь людям узнать то, что им интересно,

и покажут им книги и буклеты, в которых можно найти ответ на их вопросы. У большинства собраний есть книги посетителей, так что расписавшиеся в этих книгах люди смогут получать информацию о будущих событиях. Вряд ли есть необходимость говорить, что для квакерских собраний не нужно как-то по-особенному одеваться. Люди одевают то, в чем они привычно и удобно себя чувствуют.

Первая реакция

Многие люди сразу после своего первого квакерского собрания говорят, что они ранее предполагали, что час будет тянуться медленно. Участие же в собрании обычно становилось для них полностью противоположным опытом; они были поражены тем, насколько быстро проходило время, и почти не замечали, как оно проходит. Но никогда не бывает разумным одним махом делать обобщения о реакции людей на тихое квакерское собрание. Она может быть столь же различной, как и сами люди.

Для некоторых бывает достаточно одного собрания, чтобы убедиться в своем неприятии квакерского собрания. Такая точка зрения была коротко выражена моей родственницей, заявившей после своего первого и единственного участия в собрании: «Я могла бы с тем же успехом остаться дома и заняться вязанием!». Полностью противоположными были слова одного морского офицера, который честно признался, что пришел на собрание, убежденный в том, что это – сентиментальная чепуха. Уходя с собрания, он заявил: «Меня пробрало до мозга костей!» - слова, живо описывающие то, что с ним так неожиданно случилось.

Эти два комментария иллюстрируют крайние полярности ощущений, вызванных первым участием в квакерском собрании. Более нормальная реакция расположена где-то между ними, как, например, реакция молодого человека, который во время его проживания у Друзей спросили: «не хочу ли я пойти на собрание. Не было никакого принуждения, и я пошел. Что-то произвело на меня впечатление, я не знаю, что». Подобным образом прокомментировала женщина: «Я инстинктивно знала, что пришла домой – именно там мне хотелось быть». Намного более сильная реакция была проявлена пожилым человеком, который встретился с квакерами в период «зрелого атеизма» своей жизни. Однажды в воскресенье он проходил мимо дома собраний Друзей и зашел туда. Его сразу ошеломило молчание: «Казалось, что молчание генерируется ... Я ощущал, как будто оно сообща порождается собранием, распространяется по комнате, а затем возвращается ко мне, каким-то образом усиленное». Описывая общее влияние собрания, он добавляет: «Это было похоже на новое начало жизни. Я чувствовал, что не боюсь, и казалось, что я избавился от страха, которого прежде не сознавал».

Вероятно, нет ни одного другого элемента квакерской веры и практики, который свидетельствовал бы о таком анонимном убеждении среди Друзей, как собрание для богослужения. Поистине, он настолько сильно свидетельствует об убеждении, что Друзьям не считают нужным защищать или объяснять его. Однако в гуманистическом климате современности защита и объяснение необходимы. Я надеюсь, что из сделанной мной зарисовки описания квакерского богослужения ясна присущая ему простота. Но каким бы простым оно ни казалось, оно поднимает глубоко проникающие и далеко распространяющиеся вопросы о природе и

значимости богослужения, о смысле жизни и ее цели. Именно к этим вопросам мы должны сейчас обратиться, рассматривая молчание, как основу богослужения.

2

РОЛЬ МОЛЧАНИЯ

Случайному наблюдателю, рассматривающему квакерское собрание со стороны, может показаться странным, необычным и даже глупым то, как люди проводят свое время. Ведь, собравшись вместе, группа людей сидит здесь, ничего не говоря, и также, очевидно, ничего не делая. Какие-то рыбаки в деревне на Западе Англии некогда графически выразили эту «здравомыслящую» позицию в своей приземленной манере: «Они, квакеры, просто приехали сюда, сидели и сидели, и никто ничего не говорил, пока, наконец, они все не умерли, и так все не прекратилось». (7)

Будучи преданными драгоценности тишины, первые квакеры все же признавали, что сидеть молча и ничего не говорить – это не вполне нормальное человеческое поведение. Джордж Фокс, основатель Общества Друзей в семнадцатом веке, понимал это, когда писал: «Странная Жизнь для вас – приходиться, чтобы быть Молчаливыми; вы должны войти в новый мир». (8) Это ощущение странности также находит отклик у Роберта Баркли, другого выдающегося раннего квакера, утверждавшего, что «не может быть ничего более чуждого человеческой воле и разуму, нежели это молчаливое упование на Бога». (9)

Оскорбление тишины

Уильям Пенн, если бы он жил в современной Пенсильвании, вполне мог бы считать тишину даже еще более враждебной «воле и разуму» человека. Ведь в настоящий момент я пишу в мирной провинции недалеко от города Филадельфия, основанного Пенном 300 лет назад. Я часто слышу гудящий рев самолетов, улетающих и прилетающих в аэропорту в нескольких милях отсюда, а также грохот поездов с ближайших железнодорожных путей. Звуки, печально свидетельствующие о нашей современной склонности производить излишний шум. Представитель прошлого поколения, Олдос Хаксли, описал это неудачное достижение двадцатого века, а ситуация еще ухудшилась с тех пор, как он написал: «Физический шум, ментальный шум и шум желаний – у нас записана история их всех. И не удивительно; ведь все источники нашей почти фантастической технологии превратились в оскорбление тишины». (10) Мы можем быть благодарными за то, что наше поколение становится внимательным к разрушительному влиянию излишнего шума, как на душевное, так и на физическое здоровье, и постепенно привлекает ресурсы науки и технологии к решению этой проблемы.

Целительная сила тишины

Во времена, более мирные, чем наши, Чарльз Лэмб, эссеист восемнадцатого столетия, открыл для себя частное противоядие от «оскорбления тишины». Он пишет: «... когда дух болезненно раздражен, даже пресыщен до тошноты шумом-гамом и бессмысленными звуками мира, каким бальзамом и утешением бывает пойти и посидеть тихо полчаса на каком-нибудь бесспорном уголке скамьи, среди кротких квакеров!». Ему показалось, что это спокойное воздействие было оказано на него тем, что «хотя зачастую собрание заканчивается без единого произнесенного слова... разум бывает напитан. Вы уносите с собой нерукотворную проповедь... вы окунулись в тишину». (11)

Это личное открытие целительной силы тишины, сделанное Чарльзом Лэмбом, который, при всем своем восхищении богослужением квакеров, так никогда к ним и не присоединился, было хорошо известно первым Дружьям. На их ощущение необычности тишины для человека оказала сильное влияние современная им практика церковных служб. Этим службам было свойственно многословие длинных проповедей, молитв и песнопений, некоторые из которых имели весьма полемический и воодушевляющий характер. И дело не в том, что сами ранние квакеры избегали споров и эмоций. Существует, однако, достоверное свидетельство того, что через реальный опыт практики молчания и неподвижности, они обретали путь к возрождению своих душевных и физических ресурсов. Дружья достигли этого, в первую очередь, на уровне обычной жизни, хотя следует подчеркнуть, что они были совершенно неспособны свести свое истолкование значения этого опыта к данному уровню.

Моя непосредственная цель, тем не менее, состоит в признании того, что их отправная точка была укоренена в повседневном человеческом опыте и здравом смысле. Так, в письме к Леди Клэйпол, дочери Оливера Кромвеля, Джордж Фокс советовал ей «успокоиться и остыть в уме от собственных мыслей». (12) Эта идея была расширена Уильямом Пенном, который поощрял людей «любить молчание, даже в уме», ведь, как он добавляет, «истинная тишина – это отдых разума; и для духа она – то же, что сон для тела – питание и восстановление». (13)

Этот практический и полный здравого смысла совет едва ли может быть услышан людьми, подобно нам живущими в современном индустриальном и по большей части городском обществе, так что необходимо учитывать воздействие, оказываемое на нас постоянным аккомпанементом непрерывного шума, в котором нам приходится жить. Мы – люди, едва ли способные быть спокойными. Мы едем на работу с ревом автострады в ушах, мы проводим дни рядом с лязгающими механизмами или болтающими людьми, а вечера – в продолжающемся потоке звука средств телевизионного и радиовещания. Даже в деревне нам трудно избежать шумовых помех. Самим нашим веком мы настолько обречены быть шумными, что уже почти боимся молчать.

Ложные ценности современного общества

Западное общество представляет нам, в качестве высшей добродетели, достижение материального успеха через тяжкий труд, который практически становится самоцелью. Повинуясь его требованиям, мы забываем на время остановиться и спросить, зачем все это, и не следует ли нам уделять больше внимания качеству жизни. Вместо этого, мы выматываемся до пределов своих физических и духовных возможностей. Мы устаем, и нам становится скучно от наших

занятий, но подобная усталость – признак неудачи, а значит, пытаюсь скрыть это от самих себя, мы маскируем пугающий факт, погружаясь еще более неистово в дальнейшую усердную деятельность.

Давление жизни постоянно вовлекает нас в ее яростный темп. И поэтому, неудивительно, что наша физическая и ментальная энергия истощены, а мы сгибаемся под тяжестью грузов, повисших на нас со всех сторон. И хотя человеческая природа весьма крепка, в какой-то момент она может сломаться. Мы стремимся отдохнуть и помолчать, но нас пугают те новые и, возможно, угрожающие звуки, которые мы можем услышать в тишине.

Воздействие жизни заставляет нас печально размышлять о достижениях современного общества, хотя многие из них, несомненно, улучшили общие условия жизни людей. Тем не менее, за эти достижения была заплачена высокая цена – в смысле спокойствия ума. Мы могли бы быть расслабленными и свободными, но очевидно, что большинство людей напряжены, несчастливы и неудовлетворены. Невзирая на нашу вовлеченность в энергичную и шумную жизненную деятельность и наши частые, но поверхностные, контакты с людьми, беспорядочно перемещающимися с одного места на другое, мы, по сути, остаемся одинокими и обособленными.

Западная религия во многом склонна быть союзником западного общества в его поклонении работе самой по себе, поскольку религия еще усиливает это, добавляя составляющую совершенства. Сильно тревожит то, как много людей сегодня страдает одержимостью настроя на совершенство. Я ни в коем случае не отрицаю ценности и полезности выполняемой с ответственностью работы или великолепии идеи совершенства. Я говорю лишь о том, что эти превосходные вещи как-то выпали из нашего поля зрения. Они могут быть вновь открыты только нашим согласием признать существование естественного баланса между работой и отдыхом и того, что постоянное стремление к совершенству – это, вероятно, также и наиболее верный путь к промаху. Нам следует признать, что в жизни есть встроенный ритм, которому мы должны соответствовать, чтобы откликаться на ее приливы и отливы. Подобное признание и соответствие появятся, когда мы остановимся и побудем в тишине.

Учиться быть тихим

Итак, намек на неестественность молчания и тишины, сделанный квакерами в семнадцатом столетии, даже еще более верен в наше время. Но для людей сегодня также верно и то, что учась быть спокойным и тихим, современные люди, подобно первым Друзьям и квакерам последующих веков, найдут способ заново открывать свою подлинную человеческую принадлежность вместе с чувством изначального достоинства человека через понимание значения и смысла жизни, видение ее в новой перспективе из внутренних глубин своего существа.

К тому же они обнаружат источник храбрости и силы, который позволит с радостью и уверенностью преодолевать трудности человеческого существования.

Ни один квакер не будет утверждать, что квакерское богослужение, в его частном или публичном аспекте – это панацея от всех болезней современной жизни. Друзья, тем не менее, хотят с наибольшей уверенностью заявить, что их регулярное участие в молчаливой молитве – это, по

меньшей мере, жизненно важная и необходимая форма терапии. Большинство квакеров бывает занятыми людьми, и вы вряд ли увидите их размышляющими, чем заполнить свое время. Однако, они были бы первыми, кто готов признать, как важны для них периоды бездействия, даже во время занятий, отражающих непрестанную заботу о людях. Ведь они бы полностью подтвердили точку зрения великого римско-католического юриста Барона фон Хюгеля: «Христианство учит нас заботиться, забота – величайшая вещь, в ней – самое главное». В нашем бездействии будут присутствовать два элемента. Во-первых, отстраненность, позволяющая, отступив назад, принять весь опыт в надежде выйти за его пределы – творчески видеть сквозь него. Во-вторых, прекращение всякой умственной деятельности, так что тело и ум настолько неподвижны и спокойны, насколько это только возможно.

Общество Друзей всегда поощряло своих членов ежедневно находить возможности удаляться от насущных жизненных дел и «во внутреннем отдохновении» обновлять собственные ресурсы, и также проверять правильность своих приоритетов. Не существует четкого и строгого правила относительно того, как это должно быть сделано, и Друзья поступают так, как им наиболее полезно и удобно. Какой бы метод они ни избрали, Друзья помнят свидетельство квакерского опыта о том, что желательно развивать практику внутреннего молчания. Это для них стало незаменимым инструментом исследования богатства внутренней жизни. Разумеется, это – индивидуальная дисциплина, но у нее двоякая цель. Первая – дать человеку возможность соприкоснуться с внутренним ядром своего существа, так чтобы его жизнь могла обновиться. Вторая – помочь ему подготовиться более полно войти в общее богослужение, занимающее центральное положение в деятельности Общества Друзей.

Обе эти цели существуют и в других религиозных группах, но уникальность квакерского подхода заключается в его акценте на роли молчания. Легко заметить, что у первой цели много общего с практикой личной молитвы. Это слово, как мы уже заметили, высоко ценится религиозно мыслящими людьми, хотя многие из них и считают его трудным, но оно также может явиться непреодолимым барьером для других людей, которые чувствуют, что не понимают религиозного опыта. Я убежден в том, что если те из нас, кто приемлет религиозное отношение к жизни, как можно более честно объяснят, что мы подразумеваем, используя подобный язык, тогда многие светски мыслящие люди поймут, что их опыт не так далек от нашего, как им сначала показалось.

Исследование внутренней жизни

Чтобы подойти к пониманию природы молчания, составляющей основу квакерского богослужения, я попытаюсь сказать несколько слов о том, что имею в виду, когда говорю об исследовании сокровищ внутренней жизни. Хотя это звучит скучно и, возможно, неубедительно, на самом деле, у каждого есть собственный опыт такого внутреннего путешествия. Мы проживаем свою жизнь на многих уровнях, которые в разной степени присутствуют и действуют постоянно; некоторые из них осознанны, но большинство – неосознанны. Некоторые правильно называть периферийными, к другим мы применяем слово глубокие.

Это проявляется, когда нам приходится принимать какое-либо решение. Можно привести простой пример. Я хочу выйти прогуляться и должен решить, надеть ли мне пальто и взять ли с собой зонтик. Учитывая неустойчивость нашего климата, мне следует дополнительно продумать этот

вопрос. Для начала я смотрю в окно на небо. Предыдущий опыт подскажет мне, чего ожидать. Если рядом кто-то есть, я спрошу мнение этого человека. Мне, возможно, удастся вспомнить прогноз погоды, и я, определенно, учту приблизительное время, которое проведу на улице, а также и то, куда я направляюсь. Эти операции моего ума происходят в быстрой последовательности: в действительности, я только смутно их сознаю, поскольку они превратились в почти автоматические реакции, через которые я прихожу к принятию решения. никоим образом невозможно сказать, что я вовлечен в процесс глубокого размышления.

Сравните, что происходит, когда от меня требуется принять решение, от которого зависит вся моя будущая жизнь и жизнь моей семьи. Например, стоит ли мне переходить на новую работу, если при этом детям придется поменять школу? Правильно ли срывать семью с места, или нам всем нужно приключение? Происходит процесс, подобный только что описанной простой последовательности, но в этом случае задействованы все способности, которыми я обладаю, моя личность полностью вовлечена. Решая проблему, я знаю, что делаю это на всех уровнях, и, в конце концов, на самой глубине; процесс становится путешествием во внутреннюю сторону моей жизни.

Когда я оглядываюсь на подобное упражнение, меня, возможно, поразит ощущение того, что мое решение было принято в том месте, которое я могу описать только как глубину или центр своего существа, и посредством того, что, в конечном счете, было вне моего сознательного контроля. Это решение вполне могло быть и весьма рискованным, что я инстинктивно, равно как и осознанно, понимал. В то же самое время, я убежден, что это не только лучшее решение, которое я мог тогда найти, но также и то, которое было для меня абсолютно правильным. Более того, в каком-то странном смысле, оно было дано мне свыше. Так что волнения долгих часов интеллектуальной борьбы, обсуждений и споров, плюс сумятица эмоционального напряжения, сменяются ощущением внутреннего мира. Видимо, это одновременно и превосходит обычный человеческий опыт, и все-таки неотделимо от него.

Центр тишины и спокойствия

Этот факт осознания глубокого, спокойного места в центре человеческого существа живо представил мой друг, описавший мне свой опыт, последовавший за семейной ссорой, в которую он был вовлечен. Обстоятельства были самыми обычными. Он поехал со своей семьей в деревню на отдых, и они остановились в маленьком коттедже. Как это часто бывает в семейной жизни, небольшая разница во взглядах, раздувшаяся из-за сдерживаемых эмоций, которые были вызваны поведением детей, быстро переросла в ссору по высшему разряду. В перенапряженной атмосфере участники вышли из себя, и последовало шумное препирательство. Во все это мой друг, как он честно признал, полностью вовлекся; наконец, он не мог больше этого переносить, и тогда, накричав на всех последний раз, он выскочил из дома и захлопнул за собой дверь.

Оказавшись снаружи, он пошел быстрым шагом в направлении ближнего холма, раздраженно пытаясь о собственной правоте и о полной тупости своей семьи. Чем выше он взбирался, тем больше открывалась ему красота окружающих просторов. Когда она дошла до его сознания, он понял, что она его успокаивает. Наконец, на вершине холма он сел, чтобы насладиться полным обзором окрестностей. Внутри него постепенно росло глубокое спокойствие, пока он вбирал то,

что видели его глаза – каким красивым все было. У него возникло сильное чувство слияния с окружающей природой: он почувствовал себя частью благой земли.

Неизбежно он сравнивал свое теперешнее состояние с недавней сумятицей в своей семейной жизни в долине внизу. Теперь он обнаружил, что видит эту ссору в новом свете. С некоторым усилием он припомнил события, которые привели к ссоре; какими тривиальными они теперь показались. Чем больше он размышлял над инцидентом, тем больше сознавал степень своей ответственности за него. После глубокого размышления проявилась перспектива более глубоких вещей. Ссора была ничем иным, как внешним событием – здоровым высвобождением агрессивных чувств, к которым склонны все человеческие существа. Он знал, что глубокая любовь и привязанность, которые составляли основу его семейной жизни, оставались неповрежденными этим поверхностным взрывом. Наконец, он узнал эту истину внутри себя, где он открыл тихий спокойный центр, ставший доступным для него, когда он действительно успокоился.

В своем рассказе об этом совершенно обычном опыте мой друг придал большое значение своему отклику на естественную красоту природы, которая явилась для него, в этом случае, способом проникнуть внутрь собственной жизни. Подобным же образом, природа влияет на бесчисленное количество людей; ее творческая изысканность и ее грандиозная, но простая, красота вызывают сильное чувство слияния с ней. Когда люди отдаются этому чувству полностью, они неизбежно открывают внутреннее спокойствие, которое так трудно описать словами, но которое составляет часть их собственной реальности. Франсис Томпсон, описывая человеческое осознание своей гармоничности с природными вещами, говорит: «Их звук – шепот, они говорят в молчании». (14) Эта молчаливая речь природы мягко взывает к молчанию в нас.

Роль личных взаимоотношений

Для меня и, как я подозреваю, для многих Друзей, одним из наиболее сильных признаний путешествия в свой внутренний мир, становятся взаимоотношения с другими людьми. Время от времени, общаясь с другим человеком, я вдруг осознаю, что происходит чудо. Передо мной стоит уникальная, неповторимая индивидуальность, живой фокус бесчисленных лет эволюционного процесса. Трепетное чувство поднимается из глубин моего существа; в то же самое время я обостряется ощущение моей собственной подлинной природы. Тот факт, что мы можем общаться друг с другом, усиливает глубокое чувство восхищения.

Когда человек, с которым я общаюсь, состоит со мной в глубоких личных, любящих отношениях, наше общение становится невероятно интенсивным. Мы не приходим к своим друзьям с заранее составленной в уме повесткой дня из вопросов для обсуждения, хотя у нас и могут быть определенные вещи, которыми мы особенно хотим с ними поделиться. Часто бывает, что разговор начинается на уровне незначительной беседы. Слова текут естественно, и постепенно все более важные вопросы занимают наше внимание. Мало-помалу, незаметно обмен идеями и опытом переходит на все более глубокий уровень, пока не будет достигнута точка, где язык совершенно неспособен передать богатство общения. Мы вступаем в легкое, естественное молчание, но разрыва отношений не происходит; они теперь настолько глубоки, что это невыразимо словами. Общение продолжается и углубляется в окружающем нас живом молчании.

Оно может продолжаться несколько кратких мгновений или более длительный период: важно то, что оно происходит.

Впоследствии, размышляя над своим опытом, мы оба сознаем, что наша встреча произошла не на уровне ума, обмена идеями, взглядами, пониманием и чувствами. Мы знаем, что каждый из нас отдал другому все свое существо и подобным же образом был открыт для собеседника. Каждому будет ясно, что его личность была неизбежно обогащена и расширена встречей, которая произошла на самом глубоком уровне нашего существа. Мы были вместе в жизни и любви, и были собой. Таким образом, очень человеческое событие приобретает трансцендентное качество, которое каждый из нас может смутно осознавать на месте, но чье воздействие не может полностью открыться, пока не пройдет время. Когда его значение доходит до нас, мы бываем не в состоянии преодолеть чувство трепета и восхищения перед тайной человеческой любви и дружбы, ощущаем тепло их мощи и наполняемся несказанной радостью от их красоты.

Наше принятие решений, то, как мы учимся жить с собственной агрессивной стороной, наше наслаждение природой, наши личные взаимоотношения и весь наш обычный и необычный жизненный опыт включает элементы путешествия к центру нашего существа, в котором мы, наконец, успокаиваемся и замолкаем. Внутренняя жизнь одновременно проста и, тем не менее, сложна и загадочна. Один из наиболее значимых подарков от религии человечеству был сделан через проникновение в эту сторону нашей природы. И, тем не менее, странно, что при всей умудренности нашей культуры, мы так мало знаем об истинной природе внутренней жизни. Это так, невзирая на годы научной работы и совсем недавние знания, ставшие нам доступными через глубины психологии. Джулиан Хаксли видит потребность в переоценке человеческого религиозного опыта, в качестве части «полного изучения внутреннего мира человека, великого проекта «Исследования Ума», который может и должен соперничать с исследованиями космоса и превосходить их по интересности и важности». (15)

За свое более чем трехсотлетнее существование Общество Друзей внесло собственный вклад в эту область исследований своим постоянным акцентом на потребности людей осознавать тихий центр глубоко в человеческой личности. Его квакеры знают скорее по действительному опыту, чем из процесса рассуждений. Для квакеров необходимой частью существования стала культивация внутренней жизни через регулярную практику периодов молчания. Она известна им, как путь в то спокойное место, которое служит жизненным ядром человеческого существа – глубокий фокус его подсознания. Из этого центра исходит всякая творческая энергия, и в него человек должен постоянно возвращаться за обновлением в приливах и отливах жизни.

Значение богослужения

До сих пор моей целью в этом разделе было показать, что, хотя на первый взгляд намеренная практика молчания может показаться неестественной, особенно в занятой, шумный век, она, напротив, является самым естественным и, поистине, необходимым человеческим состоянием. Более того, она – часть ежедневного опыта каждого человека, хотя люди не всегда понимают, что это так. Мы должны теперь рассмотреть уникальное применение, которое квакеры нашли молчанию, сделав его основой своего корпоративного богослужения. На этом этапе следует попытаться частично объяснить слово богослужение, чтобы показать, как я его использую на

данной стадии нашего рассуждения. Делая это, я должен напомнить своим читателям намеренные ограничения, которые я поставил себе в описании типичного квакерского собрания и в обсуждении роли молчания в индивидуальной и общинной жизни Друзей. Следуя линии индуктивного подхода к вере, я подчеркивал человеческий фактор квакерского опыта.

Помня об этом, я хочу сначала рассмотреть богослужение, как индивидуальную форму человеческой деятельности, когда мы намеренно ставим себя в позицию повышенного внимания к тем вещам в жизни, которые имеют для нас большее значение. В этом смысле богослужение означает пребывание в присутствии наших ценностей. Это – действие вспоминания, в процессе которого мы более полно сознаем их подлинное значение для нас. Концентрируя на них внимание, мы даем им возможность войти в наше сознание и стать частью нашего действительного существования. Мы выносим их на передний план своего ума, за счет этого позволяя им усиливать власть над нами, а также выверяем свои приоритеты.

Одно из самых живых ощущений этого действия возникло у меня, когда я спокойно сидел в течение, по меньшей мере, часа перед картиной голландского художника Вермеера, вбирая в себя ее совершенную красоту. В галерее в Бостоне было много картин других художников, но мне хотелось видеть только эту, поскольку мое время было ограничено, а надежда оказаться снова в этом американском городе была невелика. Комната была полна людей, но я забыл о них так же, как забыл о течении времени. В результате этого действия концентрации, образ данного конкретного шедевра нестираемо запечатлелся в моей уме, который остался навсегда обогащенным этим опытом. Я знаю, что мое обычное видение и наблюдение обострились в этом опыте. У меня появилось осознание величия художника и его картины, и я с трепетом ощутил свет его вдохновения и творчества. Затем мне было дано нечто, что я могу описать только как, в буквальном смысле, выход за пределы обычного повседневного мира. Довольно простое светское действие стало для меня истинным опытом богослужения.

Всегда опасно давать конкретные примеры того, что оказалось кому-то полезным. Отчасти из-за того, что наше видение пользы так субъективно и лично, что описывая его легко показаться слишком много о себе возомнившим. И отчасти из-за того, что разнообразие человеческих вкусов настолько велико, что глубоко значимое для меня может показаться неприемлемым для других. Я полностью признаю, что рассматривание картин вообще и, в частности, картин голландцев семнадцатого века – утонченное хобби. Однако я хочу сказать о том, что на каком-то уровне опыт богослужения происходит во время и посредством великого множества кажущихся «нерелигиозными» событий, и мы вправе использовать слово богослужение для их описания. В сказанном до сих пор я упоминал воздействие, которое оказывает природа на многих людей. Очевидно, что созерцание ее чудес может привести их к осознанию трансцендентного качества в обычной человеческой жизни. Хотя я не испытываю симпатии к математике, мои друзья математики уверяли меня том, что концентрация на ее понятиях вызывает у них глубоко внутри почтение и ощущение трепета, которое они выражают в молчаливом восхищении.

В своей книге «Главенство добра» Айрис Мэрдок развивает идею, которая занимает меня сейчас, когда я пытаюсь описать значение богослужения. Она пишет: «Я думаю, как внутри, так и вне религии существует место для созерцания добра не только обученными экспертами, но и простыми людьми; внимание, которое не ограничивается планированием конкретных добрых дел, но является попыткой посмотреть прочь от себя, на отдаленное трансцендентное

совершенство, источник незамутненной энергии, источник *новой* и совершенно непредугаданной добродетели». (16)

Богослужение и личность

Действо богослужения должно вовлекать всю личность и не может быть ограничено впечатлениями, полученными через наши органы чувств, хотя оно и основывается на них. Этот взгляд открывает такую широкую перспективу, что необходимо найти точку фокуса. Она, как я верю, может быть найдена в сфере личных отношений, именно в них я вижу наиболее адекватную модель (см. стр.64 – *английского текста, прим. пер.*) богослужения. Именно здесь мы, скорее всего, можем обрести значительно большее понимание истинных, прекрасных и добрых вещей. Все подлинные отношения предполагают естественное дарение и принятие: мы считаем возможным предъявлять требования к нашим друзьям, зная, что в другое время мы с радостью откликнемся на их требование в отношении нас. В периоды трудностей и напряжения мы естественно обращаемся к своим друзьям за поддержкой, которая неизбежно включает элемент жертвы. Любить и быть любимым – непреходящая истина жизни. Это – опыт, который, больше, чем какой-либо другой, вызывает чувство удивления, восхищения и почтения. В то время как любящие отношения – это неотъемлемая часть самой жизни, они постепенно выходят за пределы повседневных мирских событий. Для меня они служат одним из сигналов трансцендентности.

Мы не можем не вступать во взаимоотношения с людьми, поскольку это – неизбежное следствие нашего человеческого состояния. Хорошие или плохие, личные отношения придают окраску нашей жизни. В своих лучших проявлениях, они освобождают нас и избавляют от страха; в худших проявлениях, они производят самое разрушительное воздействие на человеческую личность. Вследствие того, что некоторым людям трудно добиться удовлетворяющих отношений, а опыт других либо сильно ограничен, либо негативен, мы должны будем вернуться к этому вопросу позже. В настоящий момент я хочу подчеркнуть то, каким образом хорошие любящие взаимоотношения реализуют человеческое предназначение, и как они наиболее живо и полно постигаются во время молчания в глубине нашего существа.

То, что я сказал о личном действе богослужения равно применимо к богослужению с другими. Отправной точкой каждого квакерского собрания становится совместная встреча отдельных людей. Мы приносим себя такими, какие мы есть. Мы предлагаем собранию дары своего жизненного опыта, которые включают плоды наших частных моментов внимания и достигнутых через молчаливое исследование глубин нашего существа решений.

Итак, собираясь вместе на богослужение, квакеры, по меньшей мере, сознательно выделяют время, когда они могут искать цели, которые делают жизнь достойной проживания, концентрируются на этих целях, и одновременно, также молча, свидетельствуют об их ценности.

Как я сказал раньше, квакеры делают невероятное заявление о том, что, невзирая на все признаки обратного, жизнь – хороша, и она вызывает восхищение. К этому добавляется последующее, но связанное с предыдущим, утверждение, касающееся высшей ценности любви и правды. Пребывая вместе в присутствии этих ценностей, концентрируя на них все свое внимание и открывая свои личности их влиянию, квакеры становятся людьми, чья жизнь едва уловимо

изменяется благодаря этому опыту, и в ком создается новая энергия. Поэтому от Друзей можно ожидать выражений признательности, благодарности и радости, вместе с невысказанным пониманием того, что они призваны жить в добровольном послушании данному им свету.

С социологической точки зрения можно сказать, что квакеры собираются на богослужение в поисках поддерживающей силы группы взаимопомощи для поощрения друг друга в убеждениях, которых они придерживаются, в противовес враждебному, по большей части, миру. Я не вижу в истории или современной практике Общества Друзей ничего, противоречащего этому определению. В то же самое время, я равно убежден в том, что это лишь частичное объяснение того значения, которое квакеры придают своему богослужению. Они собираются в этом совместном действии, потому что через богослужение им становится доступно нечто большее, в другой и более богатой форме, чем это может открываться в уединении.

Совместное богослужение

Из семнадцатого столетия пришло три прекрасных образа, которые указывают на некоторые черты этого превосходного качества, открывающегося в совместном спокойном пребывании на богослужении. Первый – от Роберта Баркли, который сказал: «как много свечей, зажженных и поставленных в одном месте, прибавляют свет и делают его ярче, так и много людей, собравшихся вместе в единой жизни, увеличивают Славу Божью». (17) Этим Баркли подчеркивает общее просветление, которое может возникнуть в сплоченном собрании. Его современник, Томас Стори, привлекает внимание к обновлению и глубокой радости, которую Друзья обретали вместе на своих собраниях, ведь «когда много маленьких ручейков и потоков сбегает в надлежащее место и образует реку, она становится глубже и мощнее; так же и собрание с людьми, сплоченными живым Богом в чувстве наслаждения его небесным и живым присутствию». (18) Наконец, Исаак Пеннингтон замечает влияние людей друг на друга в собрании: «ибо тепло Жизни в каждом сосуде греет не только по отдельности, но они все подобны куче свежих и живых углей, разогревающих друг друга». (19)

Эти простые иллюстрации, выведенные из природных вещей, мощно передают чувство общности людей, которые были просветлены, глубоко обновлены и согреты совместным действием богослужения. Сегодня слова эти столь же верны в отношении квакерского богослужения, как это было верно для раннего периода Общества Друзей. В них заключено измерение созидательной любви, которую мы сознаем благодаря опыту личных отношений. Это с радостью высказала современница-Друг, когда я спросил ее, что происходит в ее душе, в то время как она принимает участие в собрании. Она ответила, что чаще всего думает о том, как много в комнате людей, которых она любит, и которые любят ее. Естественным для себя образом эта женщина-Друг выразила важный принцип, лежащий в основе квакерского богослужения, а именно – любящие взаимоотношения в местном сообществе Друзей, составляющих молитвенные собрания.

То, как именно отдельные участники на квакерском собрании входят в любящее единство друг с другом, остается тайной. Еще раз мы можем обратиться за помощью к жившему в семнадцатом столетии Другу, Джорджу Кейту, который предположил, что «...если даже и лишь двое соберутся вместе... мера жизни в одном тайными и несказанными путями достигнет меры жизни в другом... да, и жизнь в другом так соединится и сольется своей мощью, силой и добродетелью с другой

жизнью, что каждый присутствующий почувствует силу и добродетель двойной меры жизни, то, как она была удвоена в них, словно бы их собралось трое...». (20)

Было бы неразумно слишком буквально понимать арифметику Кейта, поскольку это означало бы, что живая сила собрания возрастает пропорционально его размеру, а это не правда. Правда в том, что тайными путями, в том смысле, что они не совсем ясны для нашего понимания, нечто, находящееся вне уровня сознания, но все-таки принадлежащее нормальной жизни, действительно переходит от человека к человеку на квакерском собрании, если люди открыты этому. Было сделано много попыток объяснить это, например, терминами телепатии, экстра-сенсорного восприятия, групповой динамики, теории Юнга о коллективном бессознательном и так далее. Все эти идеи, а также другие, не вошедшие в данный список, ценны тем, что они проливают свет на процесс, посредством которого отдельные молящиеся становятся настолько слитыми друг с другом, что они, в подлинном смысле, превращаются в единое целое – живое, любящее содружество, сплоченное собрание. Как в случае с глубокими личными отношениями, богослужение, в конечном счете, ускользает от нашего анализа и объяснения.

Рассказом о Друге, чьим первым действием на собрании бывает сознательное вспоминание чуда любви, которое она получает от многих и отдает многим присутствующим в комнате, я показал один из множества способов войти в атмосферу и дух активности совместного молчаливого богослужения. Мы рассмотрим их более внимательно, когда будем думать о квакерском отношении к молитве и медитации.

Вхождение во внутренний центр

Хотя существует великое множество путей, которыми отдельные квакеры приходят к своему молитвенному собранию, они все принимают участие в общем действии, именуемом старой квакерской фразой «вхождение во внутренний центр». Говоря проще, это означает путь, по которому мы совершаем в молчании свое внутреннее путешествие к спокойному центру нашего существа. Конкретная отправная точка, избираемая каждым из Друзей, будет той, которая наиболее естественна для данного человека. Кто-то, к примеру, будет пытаться достичь состояния концентрации, фиксируя свое внимание на жизни Иисуса или на каком-либо аспекте его учения. Другие могут бегло просматривать произошедшее с ними на предыдущей неделе или продумывать будущее событие, спрашивая себя о том, что из этого было или может стать особенно важным и значимым. Иногда люди приходят на собрание, пораженные какой-то идеей, и проводят начальный период, обдумывая ее и пытаясь понять, как она влияет на их мировоззрение в целом. А некоторые могут быть всерьез обеспокоены собственными делами или заботой о близких, другие же переполнены радостью вследствие какого-то приятного переживания. Это и будет для них точкой фокуса. При всем разнообразии подходов, найдутся и такие Друзья, которые прямо и непосредственно сконцентрируют свое внимание на Боге, как основе своего существа.

Эти и бесчисленное множество других способов служат отправными точками общего путешествия внутрь. Для некоторых оно будет быстрым, счастливым переходом. Другие согласятся с комментарием Дага Хэммерскдждольда о том, что «самое долгое путешествие – это путешествие внутрь». (21) Проникновение во внутренний центр – не просто самонаблюдение, оно означает

готовность позволить себе быть уязвимым и открытым для тьмы, так же как и для света, внутри. Ведь никто из нас не избавлен от теневой стороны своей жизни, искусно спрятанной нами в подсознание.

Поразительно, как много тяжелого и неприятного своего опыта нам удается подавлять, чтобы он не мешал и не вредил нашей сознательной жизни. Какой-то физический недостаток, ментальное или эмоциональное несоответствие в нашем облике, с которым мы никогда не могли смириться, внезапно предстает перед нами со всей своей ранящей силой. Воспоминание о недавнем унижении, задевшем нашу гордость, вновь открывает старую и глубокую рану, вызванную отрицанием, с которым мы не справились, но которое подавили. Наше чувство одиночества, незначительности и того, что мы не нужны, нас не хотят; наше сознание того, что мы утратили или никогда и не обрели свою подлинную суть. В молчании эти личностные несоответствия, еще более усилившиеся из-за того, что они были заперты, могут наброситься на нас с пугающей силой и жуткой болью. В такие моменты мы можем тосковать по деятельности и шуму обычной жизни, которые скрывают все это от наших внутренних глаз и ушей. Собрание в такое время кажется, и действительно, становится далеко не таким уж тихим и спокойным, но когда мы принимаем тот факт, что эти вещи являются нашей частью и не могут, в конечном счете, повредить нам, тогда молчание начинает открывать более мягкое и доброе лицо, уже не холодное, но теплое. Воспоминания о более счастливых моментах всплывают при мысли о любви, которая нам дана, несмотря на наше несовершенство, и нас исцеляет сознание того, что мы любимы, и нас принимают такими, какие мы есть, «с сучками и задоринками». Через свою боль и любовь мы открываем, что жизнь создана из обычных вещей, и что мы, как часть этой жизни, лишь обычные люди, и нас не может избавить от боли собственная одержимость стремлением к совершенству и свободе.

Если наше путешествие проходит во тьме и на грани отчаяния, мы должны стараться помнить, что, каким бы темным оно не было, оно все равно ведет к свету. Это остается верным, даже если в каком-то конкретном случае мы не найдем свет. В собрании на нас лежит ответственность помогать друг другу, быть открытыми и чуткими к состоянию тех, кто находится вместе с нами. Внося свою лепту радости и доверия, те, кто радостен, могут поддержать тех, кто обременен. Обеспокоенные могут спокойно опустить свое волнение в растущую жизнь собрания и знать, что оно будет с готовностью принято: ведь мы – общество друзей, и этот естественный обмен составляет часть того, что значит истинная дружба.

Сплоченное собрание

Я сказал ранее (стр.10 – *английского текста, - прим пер.*), что никто не может вычислить точное время, за которое собрание становится сплоченным: это, до определенной степени, зависит от того, насколько легко каждому из присутствующих достичь своего внутреннего центра. Один из признаков, по которым можно узнать это состояние – не только ощущение отражающей глубокое внутреннее спокойствие внешней неподвижности, но и тот факт, что мы начинаем в большей степени сознавать свою индивидуальность, вкуче с таким же сильным осознанием нашей сущностной взаимосвязи с другими. Здесь будет полезен комментарий англиканского писателя Р.С. Ли: «Групповое богослужение», - говорит он, - «должно повышать, а не понижать

индивидуальную значимость ... однажды развившуюся индивидуальность рискованно игнорировать ... групповое богослужение, если богослужение – это предложение наивысшего, должно также переходить на новый уровень, на котором индивидуальность и сообщество сочетаются друг с другом, а не противоречат друг другу». (22)

Каждая индивидуальность будет остро чувствовать свое «единство» с самой жизнью. Один Друг описал мне это состояние, как «сознательное бессознательное». Некоторым из присутствующих бывает легче его достигнуть, и это, несомненно, помогает другим, которым оно дается труднее. Конечно, бывают моменты, когда кто-то из присутствующих просто расслабляется, позволяя мыслям беспорядочно бродить в голове, но не вынося из этого никакой ясности. Такой человек не находит своего центра, и все же ему бывает приятно посидеть спокойно вместе со своими друзьями в течение какого-то времени. Ничто на собрании не должно заставить его почувствовать себя исключенным.

Пришло время вспомнить то, что было сказано ранее об обычных человеческих отношениях. Во время нашего реального общения с тем, кого мы любим, мы можем смутно сознавать богатое значение происходящего. Но нам, вероятно, удастся увидеть его полное богатство и значимость только позднее. Это также верно в отношении нашей совместной встречи на квакерском богослужении. Описывая его, я признавал, что могу представить его в таких подробностях лишь потому, что оглядываюсь на годы собственного участия в нем и участия в нем других Друзей.

Собрание становится действительно сплоченным, когда большинство, если не все присутствующие перемещаются в глубины самих себя, так что даже их мысли стихают, а умы, не будучи опустошенными, приближаются к полному спокойствию. Возможно, это подобно тому, что имеют в виду мистики, когда говорят о «созерцании». Общее осознание собранием этого состояния может лишь промелькнуть в какой-то краткий и быстротечный момент, а может продолжаться в течение каких-то более или менее длительных периодов. Из-за самой своей природы состояние это не может быть адекватно описано, его можно лишь ощущать в молчании, но его можно узнать по плодам, а это – глубокое чувство истинного, органичного единства, так сильно отличающегося от навязанного единообразия.

Из-за того, что молчание составляет основу квакерского богослужения, я многократно использовал это слово и его синонимы. Тем не менее, нельзя забывать, что молчание, как и медитация, не являются самоценными, они – лишь средства для достижения цели. Цель собрания, его предназначение – это единство. «В молчании, самом по себе, - говорит Руфус Джонс, - нет никакой магии». (23) На самом деле, оно может легко превратиться в декорацию для смертельной скуки в простом отсутствии звука. В своих лучших проявлениях, оно должно быть живым и бодрящим, ведь богослужение – это творческая работа, которая увлекает, но никогда не бывает тоскливой и скучной, хотя временами требует усилия – значительного, но не утомляющего, благодаря своей богатой награде.

Относись к этому легко

Вспомните о том, что вы любите делать, что полностью занимает ваш интерес и вызывает у вас глубокое удовлетворение. Чем больше вы посвящаете себя самостоятельно избранной

дисциплине, тем больше вы от нее получите. В действительности, ваш интерес может оказаться в большей степени расслабляющим, нежели сознательные усилия, которые вы делаете, чтобы расслабиться! Одна очевидная черта любой такой деятельности – то, что вы не сможете постоянно поддерживать одинаково высокий уровень напряжения. Будут моменты, когда вам понадобится отвлечься от того, что вы делаете, и немного отдохнуть, только для того, чтобы вновь приняться за дело с удвоенной энергией. Как бы сильно ни был задействован ваш конкретный интерес, наступит момент, когда ваше внимание будет блуждать, и вы позволите себе погрезить наяву. Осознав, что происходит, вы легко вернетесь обратно, без угрызений совести или чувства вины. Подобным отношением должно руководствоваться и наше поведение на собрании. Нам приходится учиться не паниковать и легко относиться к тому, что наша концентрация непостоянна, а наши мысли блуждают. Принимая спокойно такие вещи, мы обнаруживаем, что можем вновь войти в дух собрания, который, в любом случае, поддерживает нас постоянно.

Я говорил о растущей жизни собрания, используя слово «собрание» как общий термин, обозначающий всех людей, которые встретились вместе. Мне не кажется слишком странным предположить, что подобно тому, как психосоматический комплекс энергий, составляющих человеческое существо, сфокусирован в спокойном, неподвижном центре, так же существует и неподвижный, спокойный центр в жизни собрания. Именно в это безмолвное, бесконечное, вечное место входит каждый присутствующий. В своем описании типичного квакерского собрания я сказал, что, хотя его встреча может пройти в полном молчании, чаще все-таки звучат высказывания. Возникнув в глубокой молчаливой жизни в сердце собрания, они будут в силах помочь осознанию каждым общей жизни и, вероятно, дадут возможность тем, кто не чувствует ничего, кроме изолированности, легко переместиться из своей одинокой позиции в поток осознания собрания.

Тем не менее, следует отметить, что на собрании всегда могут оказаться и те, чье путешествие во внутреннюю сторону их жизни бывает одиноким, с минимальным осознанием присутствия других. Когда они достигают глубокого центрального места в своей личности, их самым сильным чувством будет собственное единство и слияние с жизнью, а не ясное осознание своей взаимосвязи с другими. И все-таки, пребывая в этой точке, они также понимают, что, наконец, достигли единения с другими в центральной тишине, не ограниченной пространством и временем, но всегда присутствующей внутри пространства и времени.

Важность намерения

Для того чтобы квакерское богослужение достигло своей полноты, каждому приходящему на него необходимо намерение предоставить себя рискованному исследованию внутренней жизни. Это значит, что мы должны стараться быть открытыми в любви, сочувствии и понимании для наших собственных потребностей внутреннего богатства. В том же самом духе нам следует быть готовыми получать подобные дары от других. Если кто-то приходит на собрание не в этом открытом, ожидающем состоянии, ему будет трудно, хотя и не полностью невозможно, ощутить творческое восхищение молчаливого богослужения.

Но, если предположить, что каждый присутствующий на собрании готов поделиться сполна своим даром, всеми своими человеческими радостями и печалью, достижениями и горькими

разочарованиями, надеждами и страхами и не боится предпринять вместе с другими мистическое путешествие к внутренней стороне своей жизни, что он тогда сможет найти? Он быстро обнаружит, что не одинок в своих разнообразных переживаниях, поскольку собрание, похоже, включает людей, чье духовное движение так же разнообразно, как и у него. Некоторые будут опережать его в определенных направлениях, и они дадут ему надежду на возможный прогресс в его исследовании. У других могут быть отличающиеся взгляды или неясности; их открытия или сомнения побудят его проверить свою позицию – в собственной истине он может помочь им двигаться дальше.

Благодаря своей изначальной открытости возможностям собрания, он, скорее всего, обнаружит, что захвачен и вовлечен непосредственной жизнью собрания. Он узнает спокойствие тела и ума, радость творческой работы совместного с другими богослужения. Будут периодически приходить временные элементы пассивности (но никогда не вялости) и обильного, творческого напряжения, в котором он познает глубокий покой. Некоторые из этих состояний прекрасно описаны тем, что Т.С. Элиот называет «неподвижной точкой во вращающемся мире». (24)

Если не в это время, тогда позже, он непременно поймет, что у него есть реальная возможность расти и быть – что, теряя собственную индивидуальность в групповом сознании, он, на самом деле, раскрывает свою подлинную личность. Он приходит с собрания с новым взглядом на жизнь, поскольку он получил опыт восприятия жизни, который нельзя узнать в повседневной деловой занятости. Его активная сущность способна теперь действовать в равновесии и видении перспективы, одновременно оставаясь вне поверхностной активности в уверенном, безусловном спокойствии.

Вот какова роль молчания и нашей внутренней жизни в молитвенном собрании. Но наше описание квакерского богослужения нельзя закончить здесь. Живший в семнадцатом столетии Друг Джордж Кейт объясняет причину этого в своем отчете о квакерском собрании: «... где бы Друзья ни собрались бы вместе и ни сидели бы в спокойствии и тишине, они обретают в этом пользу, преимущество и славу удивительным и замечательным образом, ибо они становятся как бы единым целым ... в молчании и отказе от всяких слов они внутренне обновляются, утешаются, взбадриваются и укрепляются через это единение и общение духа и жизни Бога ... как один за всех, и все за одного». Для своих современников Кейт правдиво передал это толкование их опыта, как «единение с духом и жизнью Бога». (25) Мы должны теперь рассмотреть, как Друзья в двадцатом веке интерпретируют этот опыт и описывают свой собственный опыт.

3

КОМУ ИЛИ ЧЕМУ МЫ ПОКЛОНЯЕМСЯ?

Из квакерских письменных источников семнадцатого века совершенно очевидно, что Друзья видели в своих богослужениях возможность «быть собранными Живым Богом» и пребывать в непосредственном единстве с его духом. Они верили в то, что воздействие этого духа вовлекает их в столь глубокое единение друг с другом – единение, источником которого служит

соединяющая сила Бога, что это придает их обычной деятельности высшее измерение. Ведь это – Бог, «в котором мы живем и движемся, и существуем». Бог для них был не чем-то далеким, не всемогущим властелином, перед которым они падали ниц в малодушном страхе и раболепном унижении; Бог был скорее высшим источником животворящей энергии, целительной в своей теплоте, который раскрывался им в сокровенной глубине их существа, в особенности, когда они старались отвечать «тому, что от Бога» друг в друге.

Друзья развивали свое понимание дальше через признание присутствия «того, что от Бога» в каждом человеке, независимо от того, как сам человек к этому относится. Они заострили и персонализировали это осознание, утверждая, что именно в жизни и через жизнь Иисуса из Назарета, его особое раскрытие природы и характера Бога, к ним пришла полнота Божественного присутствия в мире.

В освобождении Иисуса от ограничений его земной жизни всемогущей властью Бога, так что Иисус отождествился с вечным Христом, Друзья видели возможность для преобразования человеческой жизни благодаря непосредственному присутствию могущественного источника просветления и любящей энергии. Они никогда не уставали подчеркивать тот факт, что «Христос пришел сам учить свой народ». С отвагой, вызывавшей шок у их собратьев-христиан, они «восстанавливали» отдаленные последствия прихода Иисуса, как вечного Христа, так что польза его жизни, смерти и воскресения становились доступными для всех рас рода человеческого, всех религий и на все времена. Друзья стремились найти адекватный язык, чтобы описать свой опыт, и часто использовали метафору света и так называемого Внутреннего Света Христа.

Несмотря на свойственное им акцентирование близости Бога, дух которого обитает в сердцах всех людей как присутствующий в них принцип, первые квакеры никогда не забывали о том факте, что тот же самый принцип создал и продолжает поддерживать вселенную. Для них Бог не только был внутри людей, но он также находился и выше людей, как предельный источник творческой силы.

Ранее квакерское богослужение

В таком случае, почти не удивительно, что квакерские богослужения становились периодами времени, когда творческое присутствие Бога среди Друзей было настолько непосредственным и живым, что один из их числа, Франсис Наугилл, мог написать о молитвенных собраниях, что на них «Господа неба и земли мы также обнаруживали рядом с собой, когда ждали его в чистом молчании своего ума и всех вещей; его божественное присутствие являлось в отсутствии слов, языка или речи от какого-либо творения. Царство Небесное собирало нас и ловило нас всех, как сеть, и его Божественная власть однажды вытянула на берег многие сотни». (26)

В работах ранних квакеров можно найти почти бесконечное множество подобных выдержек, свидетельствующих об ощущении непосредственной власти и присутствия Бога среди них. Им было необходимо собираться вместе как народу Божьему, говорит Роберт Баркли, «потому что до тех пор, пока мы одеты в эту внешнюю скинию, существует потребность в соединенном и видимом содружестве, в принесении внешнего свидетельства Богу и видении лиц друг друга, в том, что наши личности, как и наш дух, совпадают». (27)

Ранние Друзья не только чувствовали себя обязанными выступить с публичным свидетельством о своем новом и живом осознании непосредственного присутствия Бога среди них, но их также собирала вместе глубокая и более личная потребность, часто оплаченная ценой риска преследований и притеснений. Ведь, по словам Иссака Пеннингтона, «в молчании своей телесной части мы ожидаем услышать то, что Богу угодно будет сказать внутри наших собственных сердец или снаружи через других, на том новом языке, который он освобождает и учит говорить». (28)

Сила, которая может быть найдена на богослужениях Друзей в семнадцатом веке, живо описана Томасом Стори. Он верхом на лошади ездил на собрание в Бротоне в Камберленде вместе с еще одним Другом, и на протяжении нескольких миль они путешествовали в «глубоком молчании». Прибыв с небольшим опозданием, они нашли группу «полностью собранной». Томас Стори рассказывает нам: «Я вошел в толпу людей, сидевших на скамьях, и тихо сел среди них в таком внутреннем состоянии и умственном покое». Кто-то говорил, но это оказывалось не очень полезным, и Томас Стори «не сильно обращал внимание ... (ведь) я заботился о том, чтобы узнать, были ли они людьми, которые встретились с ощущением радости от присутствия Бога в их собрании». «Другими словами, - говорит он, - поклонялись ли они истинному и живому Богу, Сыну Божьему, истинному и единственному Спасителю». Прошло совсем немного времени, прежде чем он получил ответ на свой вопрос, ибо «... после того, как я сел среди них, осенявшее мой разум переполненное небесное облако пролилось сладчайшим изобильным потоком божественного дождя, и значительная часть собрания была слита, растворена и утешена в том же самом божественном присутствии и влиянии истинного, святого и небесного Господа; что несколько раз повторилось до того, как закончилось собрание». (29)

Религия семнадцатого века

Эти описания ранними Друзьями своего опыта на собраниях нашли естественное и легкое выражение в религиозном языке того периода. Они были людьми своего времени и, поэтому, не смущаясь и не сомневаясь, говорили о Боге или о духовных вещах. Выступление квакерского протеста было направлено не против веры в Бога, но против организованной религии, которая, с квакерской точки зрения, помещала Бога на расстоянии от людей. К нему можно было обращаться лишь через специальные, всеми признанные каналы: церковь, ее служителей, установленные таинства и средства благодати. Против этого выступили квакеры, и они были эффективны в обнаружении непосредственного доступа к Богу, возможного, по их убеждению, без какого-либо человеческого вмешательства. Этим путем, как утверждали квакеры, Бог вывел их из тьмы религии «от вторых рук» к славному свету и свободе непосредственного осознания его присутствия.

Ни первые квакеры, ни их религиозные современники ни на один момент не сомневались в реальности существования Бога и возможности реальных личных отношений с ним. Семнадцатое столетие было глубоко религиозным периодом, когда верить в Бога считалось нормой. Споры, и весьма яростные, велись лишь о деталях того, какого убеждения придерживаться, и каким способом его правильно выражать в богослужении и обычной жизни. С одной стороны, Друзья были движением меньшинства, хотя и быстро растущего, но, с другой стороны, они явно были частью популярного движения, поскольку могли отождествить себя полностью с глубочайшими

религиозными чаяниями и устремлениями целого народа, который верил в Бога и полагался на Бога.

В последние годы часто указывается на то, «что религия предполагает целостный человеческий отклик, отзыв на мир, как мы его воспринимаем». Хотя ранние квакеры не воспользовались бы таким языком для описания своего опыта, я верю, что его значение применимо к их религиозной позиции. Не думаю, что в дальнейших поисках современного способа, суммирующего религиозные подходы Британии семнадцатого столетия, будет неправильно использовать слова теолога двадцатого века. В своей важной и стимулирующей книге «Путь трансцендентности» Алистар Ки спрашивает: «Что делает жизненный путь религиозным, и каков религиозный взгляд на мир?». Он предполагает, что ответом традиционного христианства будет: «религиозный опыт – это опыт восприятия Бога». (30)

Алистар Ки развивает эту мысль, говоря, что «в опыте, с опытом и под опытом восприятия этого мира скрывается опыт восприятия божественного, сверхъестественного существа. Я не думаю, что христиане были бы довольны классификацией восприятия величественной панорамы, как религиозного восприятия, если только этот опыт не связан также каким-то образом с создателем панорамы. Подобным образом, никакому благодеянию не будет придаваться религиозного значения, если только оно не будет также считаться вдохновленным самим Богом или сделанным в ответ благому Богу. Кроме того, следует подчеркнуть, что без опыта восприятия Бога, как «личности» (это слово используется по аналогии), богослужение, каким оно было известно на протяжении веков, не могло бы осуществляться». (31)

По моему убеждению, это современное суммирование подразумеваемых обычно требований, которые необходимы, чтобы считать религиозным опыт восприятия мира, могут быть справедливо применены к убеждениям людей семнадцатого столетия, включая квакеров. Теперь нам следует задать вопрос, насколько это верно для квакеров сегодня. Я бы ответил, что многим из них понравилось бы утверждение Алистара Ки, и что они могли использовать слова, схожие с теми, которыми квакеры семнадцатого века описывали свой опыт богослужения.

Опыт двадцатого столетия

Наглядный пример такого использования может быть продемонстрирован цитатой из короткого раздела о квакерском богослужении из прочитанной Л. Хью Донкастером «Лекции в Джеймс Бэкхаусе» в 1972 году. Он пишет: «Наше богослужение – не только исторический прецедент; оно естественно следует из нашего убеждения об универсальном Свете Христа. Веря в то, что в каждом молящемся, вне зависимости от возраста, образования, пола или какой-либо другой человеческой категории, действуют побуждения духа Бога, Друзья собираются вместе в абсолютно незапрограммированной молчаливой молитве, открывая себя ему. Согласно нашему опыту, именно в таком общем поклонении... мы бываем приведены в глубокое единение с Богом и друг другом, что несет глубокое значение и духовное обновление. Основополагающая часть квакерского послания состоит в том, что, где двое или трое соберутся вместе во имя Бога, там и он среди них... В любое время и на всяком месте они способны войти в глубочайшее единство с Богом и друг с другом». (32)

Ранее, в той же самой лекции Хью Донкастер, с его обычной отчетливостью, формулирует свое понимание слова «Бог». «Под “Богом” я понимаю Высшую реальность, находящуюся как за пределами, так и внутри творения, которая (или кто) придает значение и смысл жизни, кто дает силу и вдохновение, и чья природа открывается нам наиболее полно в личности Иисуса Христа. Именно такого рода Дух подтверждает нашу преданность и дает нам силу; это – христианское ученичество, которому мы себя посвящаем». (33)

Начиная с человеческого опыта

Приведя это явное свидетельство продолжения существования в квакерстве двадцатого века опыта богослужения, подобного, если не полностью тождественного опыту Друзей в семнадцатом столетии, могу ли я снова напомнить своим читателям намеренно установленное ограничение и приглушенный тон моей презентации, принятые в первых двух частях этой книги. Позвольте напомнить мои доводы. Я хотел избежать, насколько это возможно, религиозного языка, который способен стать помехой объективному восприятию квакерского богослужения многими людьми; либо на почве того, что это – неуместные суеверия, находящиеся за пределами их опыта и интересов, либо на том, еще более серьезном, основании – что это вызывает в их умах негативную реакцию. В качестве еще одной причины моего осторожного подхода, я приведу желание откликнуться на просьбу Питера Бергера о том, чтобы во всяком современном размышлении о религиозной деятельности мы начинали с человеческого опыта, ища в нем «сигналы трансцендентности» с надеждой помочь людям прийти к вере.

По моему личному опыту, часть меня тепло откликается на описание квакерского богослужения семнадцатого века, и поэтому также откликается на то, как Хью Донкастер заново формулирует этот опыт. Но также верно и то, что мне трудно безоговорочно использовать религиозный язык, на котором ранние Друзья, а также и Хью Донкастер описывают свое осознание соединения с Богом. Я убежден, что не одинок в этом, и что мои сомнения разделяют другие Друзья, но эту трудность можно преодолеть, подойдя к нашему опыту богослужения с отправной точки, предложенной Питером Бергером.

Мой долгий и разнообразный опыт участия в квакерских собраниях по всей Британии и в нескольких местах за границей убедил меня в существовании нескольких обоснованных точек зрения, с которых можно рассматривать квакерское богослужение. И я также убежден в том, что они, в конечном счете, дополняют друг друга, и что если их использовать с уважением к честности и искренности придерживающихся их Друзей, они могут рассматриваться в качестве граней одной истины общего единства и жизни Общества, которое будет богаче благодаря разнообразию существующих в нем убеждений.

Проблема религиозного языка

Но почему некоторым Друзьям оказывается трудным безусловно говорить о соединении с Богом? Я считаю, что наше затруднение во многом зависит от слов, которыми мы пользуемся для описания фундаментального опыта, разделяемого всеми Друзьями. Мы все убеждены в том, что жизнь имеет смысл и цель: источником этого убеждения служит осознание в человеке

постоянного стремления к созидательной трансцендентности. Для многих из нас трудность состоит в том, что использование религиозного языка для описания этого убеждения, по нашему ощущению, склонно предполагать осознание такого явного присутствия Бога в жизни, какое не всегда бывает в нашем реальном опыте. Часто Бог кажется ужасающе отсутствующим. Хочу подчеркнуть слово *кажется*, поскольку я убежден в реальности глубины значения выражения «соединение с Богом». Оно может быть также известно многим людям, которые сначала не чувствовали себя способными принять его, из-за того что эти слова не значили для них ничего, что они могли бы отождествить с собственным опытом.

Чтобы помочь им, как и нам самим, достигнуть этой позиции, требуется свежий взгляд на природу религиозной веры посредством доступного для нас сегодня нового понимания. Моим подходом к этому будет рассмотрение нескольких причин, по которым у людей в двадцатом столетии возникают особые проблемы с религиозной верой. Я буду тогда искать помощь в рассуждении Алистара Ки о природе религиозного опыта, который, как он подчеркивает, всегда является интерпретацией человеческого опыта. Но, чтобы честно передать полноту квакерского понимания, мы должны будем пойти дальше, чем Алистар Ки. Я думаю, что двигаться дальше нам поможет призыв Питера Бергера искать сигналы трансцендентности. Затем я предлагаю применить развитие идей обоих этих мыслителей к тому, как квакеры относятся к Библии и, особенно, к ее свидетельству о жизни Иисуса. Наконец, я расширю этот подход, чтобы захватить наш опыт жизни вообще и богослужения в частности.

Ради справедливости к Алистару Ки следует сказать, что именно служит основной мыслью его книги, из которой я привожу цитаты. Основная мысль заключается в отказе от идеи о том, что вера в Иисуса как в того, кто открыл людям путь трансцендентности, предполагает признание Бога как сверхъестественной личности, в которую мы должны верить. Я понимаю, что своим использованием его великолепного описания обычной основы религиозного опыта я мог передать неверное впечатление о цели его книги. Хотя я не разделяю главного довода Алистара Ки, я действительно признаю силу его убедительности. Автор производит особенно большое впечатление, когда описывает трудность, а во многих случаях и невозможность, веры в сверхъестественное существо для современных людей. У меня вызывает сочувствие то, что он говорит.

Квакеры двадцатого века – дети своего времени, так же как их предшественники в семнадцатом столетии были детьми своего века. Хотя мы отделены от них и их собратьев всего-навсего тремястами лет, маленькой частичкой времени на фоне долгой истории человечества, тем не менее, немыслимая пропасть отделяет наше мышление от их мышления. Мы смотрим на мир совершенно другими глазами и с абсолютно иной точки зрения.

Влияние современной мысли

«Наше видение мира, - Говорит Алистар Ки, - было сформировано развитием современных наук». (34) В семнадцатом веке современная наука все еще пребывала в состоянии младенчества, хотя даже тогда она проявляла себя, как весьма живой и резвый ребенок. С того времени быстрое развитие человеческого знания все ускорялось, достигнув ошеломительной быстроты в наше время. Последние тридцать, или около того, лет произвели полную революцию в нашем

понимании мира естественной природы вещей вообще и, в частности, человеческого существа. Отрасли науки стали настолько специализированными, что ученым одной специальности трудно идти в ногу со знаниями ученых другого направления. А что касается среднего человека, он лишь смутно сознает происходящее и отчаянно старается усвоить обрушивающееся на него новое знание.

Сама религиозная позиция находится под продолжающейся и непрерывной атакой со всех сторон, и до самого основания был потрясен простой тип веры людей семнадцатого века в сверхъестественное существо, с которым они могут иметь личные, доверительные взаимоотношения. Религиозные люди могут немного утешиться тем, что наука (а также и религия в этом вопросе) склонна быть скромнее, чем некогда, но это лишь слегка изменяет давление, которое она оказывает на религиозную веру. Атака на религию не ограничивается физическими науками. Религиозная позиция постепенно подрывается развитием исследований истории, философии, психологии и других дисциплин. В то время как многими различными способами свет из этих направлений помогает расширить религиозную перспективу, все-таки остается правдой и то, что в целом их влияние вызвало в людях снижение склонности к религиозной вере или явной потребности в ней.

В результате всего этого, позиция и статус религиозных людей в жизни нации полностью изменились с тех пор, как квакеры впервые вышли на сцену. Из составляющей части большинства, разделявшего всеобщую популярную веру в Бога как сверхъестественное существо, с которым было возможно войти в реальные личные отношения, квакеры, наряду с другими религиозно настроенными людьми, опустились до позиции групп меньшинства, мировоззрение которого расценивается большинством, как эксцентричное, неуместное, суеверное и устаревшее. И, более того, это мировоззрение оказывается неэффективным для мотивации людей на ответственное моральное поведение – воздействие, которым некогда оправдывалось сохранение религиозного отношения к жизни.

Зачем же притягивать сюда Бога?

Итак, в середине двадцатого столетия мировоззрение большинства людей в Британии носит светский характер, у них нет ни желания, ни потребности верить в Бога. Можно было бы описать ситуацию подробно, но это кажется мне скучным. Я предпочитаю сосредоточиться на описании двух своих реальных встреч с молодыми людьми, явившими для меня все наилучшее в молодом поколении. Они проявляли глубокий интерес ко всему, происходящему вокруг них, разбирались в политике и социальных отношениях, были общительными и ответственными в своем отношении к жизни. Они были серьезными без напыщенности, оживленными и взволнованными перспективой внести свой полезный и весомый вклад в то будущее, которое простиралось перед ними.

Первым из них – молодой семейной паре я послал черновик своей книги, посвященной *Знакомству с квакерством*, поскольку мне хотелось узнать их мнение о тексте. Я сделал это отчасти из-за того, что они считали себя агностиками, но, главным образом, потому что я уважал их отношение к жизни, которое было искренним и честным. Они оказались настолько любезны, что выразили общее одобрение написанного, и стали рассуждать о нем дальше. Помимо

нескольких конструктивных критических замечаний, их основным комментарием было: «Но зачем же притягивать сюда Бога?».

Вторым случаем было общение с девушкой, встретившейся мне в одном амстердамском доме, где я остановился у голландских Друзей. В тот вечер, когда я приехал, она сидела с их ребенком. В ходе беседы выяснилось, что у нас с ней очень много общего. Я – сын священника англиканской церкви, а она родилась в семье голландского церковного служителя достаточно строгих взглядов. Мы обменялись историями о том, каково это – быть воспитанным священнослужителями. Мы оба «росли у всех на виду», как сказали бы американцы: семейные молитвы дважды в день, долгие чтения из Библии. Регулярные дозы церковных служб, не только по воскресеньям, но и дополнительно на неделе. Кроме того, существовали рекомендации относительно личного благочестия и жесткие требования строгого морального кодекса поведения. Тема секса никогда не затрагивалась, кроме туманных намеков, которые было нелегко понять, однако, у нас обоих сложилось в детстве впечатление, что секс – это большой грех. Мирские радости резко осуждались, отчего они начинали казаться более привлекательными. Она, в частности, с возмущением рассказала об одном из аспектов своего детства – стогом запрете, налагаемом на малейшее следование моде, что сильно вредило ее социальной жизни.

На этом этапе ее истории я не смог удержаться от замечания о том, какое у нее короткое платье; девушка немедленно объяснила, что больше не считает себя верующей. Это произошло следующим образом. Около года назад она оказалась в ситуации сильного личного разочарования и стресса. Переживая время кризиса, она вспомнила, что христианин может всем поделиться с Господом в молитве. Она сделала это. «И знаете, что я обнаружила, - спросила она, - там ничего нет, все, что касается религии – одна громадная мистификация. Я перестала быть верующей, и знаете, стала намного более счастливой».

Отрицание религии

Отрицательное отношение к религии со стороны этих молодых людей раскрывает две основные темы. Первая – то, что совершенно необязательно и даже неуместно привлекать концепцию Бога, чтобы придать жизни ощущение смысла и цели. Такое ощущение, если оно есть, обеспечивается самой жизнедеятельностью. Вторая тема – то, что религия не только сдерживает полноту жизни, но, кроме того, не выполняет своих обещаний обеспечивать полную безопасность, когда это необходимо. Религиозные люди подвержены приступам депрессии так же, как и те, у кого нет никакой веры. К этим главным возражениям примешивается смущающее чувство, которое в век науки преследует интеллигентный людей – что стоит признавать идеи, которые могут быть проверены. Религиозные идеи и концепции, как известно, трудно проверить каким-либо объективным способом. Смущение этих людей усиливается из-за сильного подозрения, что религиозные чувства, а в особенности – концепция Бога, это ничто иное, как проекция человеческих желаний, страхов, вины и потребностей. Насколько глубоко бы ни было возможное недопонимание Фрейда, своими открытиями он нанес популярной религии смертельный удар. Следует признать, что я остро ощущаю мощное давление этих и подобных аргументов, которые удерживают многих современных людей от принятия религиозного подхода к жизни. На самом деле, во времена депрессий и сомнений я изо всех сил старался очистить свое мировоззрение от каких-либо религиозных интерпретаций опыта, раз и навсегда отрицая все, что хотя бы отдаленно

напоминало концепцию Бога. Но почему-то у меня это никогда не получалось в полной мере. Я сознаю, что, возможно, причиной стало мое воспитание – я вырос в любящем окружении, где Бог воспринимался как аксиома. И все же это не предотвратило радикального изменения моих взглядов, после которого, как мне кажется, мои родители, будь они живы, уже не считали бы меня религиозным человеком. В то же время, подобное окружение уже не способно привлечь активный религиозный интерес других членов моей семьи.

Я думаю, что возможно, достиг бы большего успеха в освобождении от своего религиозного мировоззрения, если бы не открыл для себя Общество Друзей. Впервые познакомившись с квакерами, я был привлечен тем, что они не предлагают никакого законченного набора веры, убеждений и догм, который человеку необходимо либо полностью принять, либо полностью отвергнуть. Для квакеров религиозный опыт вовсе не похож на то, что я считаю религиозным. Однако, Общество никогда не скрывало того факта, что его корпоративный опыт указывает на возвышенные идеи и на сильное ощущение реальности Бога. Тем не менее, квакеры подчеркивали то, что отправную точку для религиозного опыта следует искать в обычном повседневном опыте. Это подчеркивается тем фактом, что квакеры никогда не устанавливали четкой границы между тем, что считалось священным, и тем, что представлялось мирским.

Кроме того, квакеры уделяли особое внимание ценности и важности каждого человека. И как следствие, человеческие качества, о которых мы говорим как о личности, а также возможность их усиления в отношениях с другими людьми, были неотъемлемой частью квакерского религиозного опыта. Концепция истины не была возвышена настолько, чтобы почти исчезнуть из поля зрения земного человека – ее, наоборот, следовало искать в повседневности и через обычную жизнь.

Благодаря своим честным и открытым беседам с большим количеством молодых и пожилых квакеров, а также чтению обширной литературы Общества, особенно его книги «Христианская Вера и Практика», я открыл разнообразие опыта, который на практике сильно отличался от моего собственного опыта, но, тем не менее, имел ту же основу и ингредиенты. Прежде всего, это был продолжающийся призыв к поиску истины, жизни, любви, Бога, называйте как вам угодно, в повседневном опыте самой жизни и посредством этого опыта. Это звучит до странности похоже на сделанное Питером Бергером описание «индуктивной веры», которое начинается с фактов человеческого опыта и переходит от них к заключениям о Боге через процесс поиска сигналов трансцендентности. Поиск подобных сигналов, которые указывали бы на религиозную интерпретацию человеческой ситуации, особенно привлекает тех из нас, для кого многие из великих религиозных терминов, по той или иной причине, перестали быть полезными, живыми метафорами, способными передавать значение действительно существующих вещей.

Интерпретация человеческого опыта

Прежде, чем мы посмотрим на жизнь квакерскими глазами, необходимо на время остановиться и еще немного подумать о том, что в действительности означает подобное восприятие человеческого опыта, а также то, как мы интерпретируем увиденное нами. Здесь нам снова поможет Алистар Ки, потому что он исследует природу религиозного опыта в его глубоких проявлениях. Надеюсь, что в своих кратких ссылках на его книгу я не искажаю его подход.

Алистар Ки упоминает сделанное Шлейермахером наблюдение, когда пишет, что «религию следует искать в повседневных областях жизни, основополагающих и обычных для всех областей, а не в туманно необыкновенных и даже эксцентричных». (35) Но он переходит к утверждению о важности того, как мы это интерпретируем или воспринимаем. Он говорит, что «религиозное толкование может быть истинным или ложным: чаще это вопрос степени соответствия. И более того, интерпретация, которая могла соответствовать одному столетию, будет считаться непригодной в другом столетии... Однако следует подчеркнуть, что среди постоянно меняющихся интерпретаций центральное место принадлежит опыту». (36)

Алистар Ки исследует два типа религиозного опыта, которые включают весь его спектр. Первый тип – «сверхъестественный опыт, отношения с Высшим, включающие множество элементов *mysterium tremendum et fascinans* (тайны пугающей и чарующей, - лат., - прим. пер.)» (37) – интерпретацию религии, навязываемую силой, по мнению Шлейермахера и Рудольфа Отто. Второй тип, исследуемый Алистаром Ки – это мистицизм. Об обоих типах опыта Алистар Ки делает следующее важное заявление: «У людей всегда есть возможность интерпретировать опыт в религиозном смысле. Но, на самом деле, нет никакой необходимости интерпретировать *всякий* опыт в религиозном смысле... Не существует прямого опыта Бога, существуют лишь варианты опыта, которые интерпретируются в религиозном смысле». (38)

Многое из того, что так доходчиво объясняет Алистар Ки, не ново. Подобной точки зрения теологи придерживались многие годы. Но она не распространена среди простых людей, вне зависимости от того, религиозны они или нет. Спросите обычного человека о том, что такое религиозный опыт, и он неизбежно подумает о чем-то экстраординарном, выходящем за рамки нормального восприятия. Меня особенно привлекает утверждение Алистара Ки, поскольку он, на мой взгляд, вкратце передает подход квакеров, хотя, на первый взгляд, оно и кажется противоречащим их давнему утверждению о том, что в своей жизни и богослужении они прямо и непосредственно общаются с Богом. Если подумать, в этом можно увидеть религиозный опыт, который квакеры считали себя обязанными интерпретировать в религиозном смысле. Ведь квакеры, по крайней мере – в современный период, никогда не думали, что все люди должны верить, как они; поэтому Друзья проявляли терпимость к различиям религиозных позиций, ведь они знали, что возможно по-разному толковать опыт, в то же самое время, им было ясно, как они сами призваны толковать этот опыт сообща.

Эта составляющая основу квакерской религиозной веры готовность терпеливо и смиренно наблюдать обычный человеческий опыт, а также, в случае необходимости, снова и снова интерпретировать его, означает, что Общество Друзей, по большей части, избежало оков, к навязыванию которых склонен так называемый путь откровения и догм в вере, что позволяет Обществу радоваться богатству разнообразия своего религиозного опыта.

Квакерское отношение к Библии

Это верно и в отношении квакерского восприятия Библии. На протяжении всей истории Общества высоко ценились Писания как Ветхого, так и Нового Заветов. О Джордже Фоксе говорили, что, если бы Писания были утеряны, их можно было бы восстановить из его памяти. Это, вероятно, преувеличение, но остается верным то, что и Джордж Фокс, и все ранние Друзья, подобно своим

современникам, обладали феноменальным знанием Библии. Близкое знакомство с содержанием Писаний оставалось присущим жизни Общества вплоть до начала двадцатого столетия, когда оно постепенно стало утрачиваться. Сегодня Общество Друзей далеко ушло от детального знания Библии. И здесь не место для обсуждения причин этого ухода или попытки оценить его последствия.

Сейчас я хочу сказать о том, как квакеры всегда относились к Библии. Они никогда не считали ее Словом Бога, в котором он непогрешимо раскрыл людям свою природу и цели. Писания скорее виделись как самое важное литературное произведение, собиравшееся на протяжении долгих лет. Оно состояло из весьма честного описания человеческого поведения в его наилучших и наихудших проявлениях, и поэтому было уникальным собранием вариантов человеческого опыта, которые были истолкованы библейскими авторами таким образом, чтобы раскрыть в высшей степени ценное религиозное понимание. Не все интерпретации мы считаем уместными сегодня, но уникальность Библии основана не на конкретных отрывках, а на том факте, что моральные ценности и социальная справедливость могут открываться через целостное – растущее и развивающееся толкование человеческой жизни в терминах углубляющейся чувствительности к любви, благу, красоте. Для христиан это находит воплощение в свидетельстве Нового Завета о жизни Иисуса. Общее влияние Библии состоит в том, чтобы представлять людям религиозно истолкованное наблюдение человеческого опыта и раскрывать неповторимо важное измерение жизни, которое человек назвал Богом. Многие квакеры, как мне кажется, согласились бы принять подобный подход и к писаниям других великих мировых религий.

Сигналы трансцендентности

Попытавшись определить природу так называемого религиозного опыта, теперь я считаю возможным более внимательно рассмотреть «сигналы трансцендентности», выделенные Питером Бергером в его книге, на которую я уже ссылался ранее. Как и в случае с моим кратким перечислением утверждений из книги Алистара Ки, я надеюсь в крайне сжатой форме дать честное описание всего рассуждения Питера Бергера. Насколько я его понял, он отобрал пять феноменов, которые обнаруживаются в сфере нашей естественной реальности, но при этом указывают за ее пределы. (39)

Питер Бергер, во-первых, приводит склонность человека к порядку, поскольку человечество постоянно создает «защитную структуру значения, воздвигаемую на фоне хаоса». (40) Его вторым «сигналом трансцендентности» служит довод игры. Люди играют в игру, намеренно отдаляясь на какое-то время от тяжелых фактов жизни; они учреждают рукотворный мир с его собственными правилами и на короткое время приостанавливают действие правил и предположений серьезного мира. В игре человек переходит из одного времени в другое, и таким образом на мгновение выводит за скобки реальность того, что мы «все смертны».

В схожем, хотя и не полностью тождественном, духе выдержан и третий сигнал Питера Бергера, заключенный в «надежде», которая служит еще одним необходимым элементом в человеческой ситуации. В окруженном со всех сторон смертью мире человек продолжает оставаться существом, которое говорит «нет» смерти.

В качестве своего четвертого сигнала Питер Бергер использует «аргумент осуждения», которое люди ощущают, когда что-то существенным образом попирает их чувство морали. Осуждение таких действий бывает абсолютным и безусловным и выходит за пределы этого мира. Пятым и последним сигналом для Питера Бергера служит юмор. Мы все сталкивались с ситуациями, настолько трагическими, что смех был единственным способом не сойти с ума. Ведь юмор предполагает, что ситуация не вечна и будет преодолена – юмор высмеивает «серьезные» дела мира и тех сильных, кто их вершит.

Питер Бергер не утверждает, что эти пять сигналов – единственные указатели на религиозное толкование человеческих ситуаций. Они действительно представляются мне способом, благодаря которому многие неспособные смириться с более привычным подходом к религии люди (включая, по крайней мере, какую-то часть меня), могут найти через эти и другие, имеющие для них особое значение, сигналы, путь избавиться от заточения преобладающей клаустрофобии атмосферы механистической интерпретации жизни.

Кэтлин Блисс хорошо выразила эту позицию, когда сказала: «вдумчивые люди повсюду ищут понимания человеческого измерения, достаточно глубокого и достаточно сильного, чтобы противостоять тем направлениям в современной жизни, которые пугают человека». (41)

Религия и личность

Во всяком квакерском молитвенном собрании встречается великое разнообразие человеческого опыта, сфокусированного в личностях присутствующих. Ресурсы некоторых будут, вероятно, более богатыми, нежели у других, но каждый, по-своему, сможет сделать свой, особенный и уникальный, вклад. Как я сказал ранее, каждый из нас приносит на собрание самого себя, как дар, как уникальное и неповторимое человеческое существо. Что это значит? Отвечая на этот вопрос, я сначала привлек неквакерские источники, чтобы показать, что описываемый мной подход к религиозной вере – не просто квакерская причуда, но то, что признают другие христиане.

Гарри Уильямс, радостный монах, с такой чувствительностью раскрывший данные вопросы, был прав, когда сказал: «мужчин и женщин следует считать людьми с неведомыми чертами характера, потребностями и вдохновениями ... ибо с невероятной силой и глубиной чувств мужчины и женщины проводят время в поисках своей подлинной сути». Что значит – быть личностью? Гарри Уильямс отвечает, что это значит «быть полностью живым, как тело и душа», он предполагает, что для достижения успеха в поиске собственной сути человеку «следует ощущать единение с другим человеком на очень глубоком уровне – единение, означающее для них почти все, чем они являются». На вопрос о том, для чего существует человек, Гарри Уильямс ответил: «Человек существует, чтобы служить агентом созидательного добра. Создавая добро, мы и сами воскресаем из мертвых, и помогаем воскресению других, ведь истинное добро всегда животворно». (42)

Это измерение концепции личности и ее соотношения с религиозным мировоззрением развивается дальше унитарием Стефаном Спинксом, когда он замечает, что «сегодня, как и во времена Нового Завета, взаимоотношения между людьми снова признаны ядром всех форм религиозной жизни». (43)

С развитием современной биологии и ее поразительных открытий химической структуры физической жизни, соответствующие ученые начали создавать сложные модели из шнура и разноцветных пластиковых шаров, чтобы показать строение многокомпонентных молекул. Так было, например, с ДНК, когда использовали ее модель, чтобы помочь нам, неспециалистам понять биологическую структуру, через которую передается жизнь. Биолог знает, что сама модель не является молекулой ДНК, но передает довольно точное отображение истины. Сегодня у теологов популярен поиск модели, которая подобным же образом помогла бы передать образ того, что они имеют в виду, когда используют такие концепции как понятие Бога.

Для религиозных людей, включая квакеров, человеческая личность может служить живой и мощной моделью для концепции Бога, с учетом лишь того, что никакую аналогию не следует проводить слишком далеко. Ведь Бог не только считается индивидуальной личностью, подобно моей или вашей индивидуальности, но это также и основа существования. Мы уже заметили, что некоторым квакерам нетрудно воспринимать Бога в качестве трансцендентной реальности, в то время, как у других уверенности в этом меньше, и они могут только принимать те сигналы трансцендентности, которые указывают на религиозную интерпретацию человеческой жизни. В любом случае каждая из этих групп может оказаться в состоянии увидеть общую основу в модели человеческой личности, особенно в использовании языка, ассоциирующегося с личными отношениями. Как сказал Джон Маккуорри, другой англиканский теолог: «Мы используем слово «Бог», чтобы указать на что-то другим, так как считаем личностные категории более подходящими для выражения нашего опыта, чем неличностные категории». (44)

Потребность любить и быть любимым

Среди богатого разнообразия человеческого опыта, представленного в квакерском собрании, многое действительно связано с человеческой личностью, и особенно с личностями, состоящими в отношениях и единстве друг с другом. Для этих сложных, но самых обычных и естественных человеческих отношений, у нас существует название – любовь. Очень трудно рассуждать о любви в абстрактных терминах, а, в действительности, выражая себя ими, мы не знаем их значений. В реальном смысле не существует такого предмета, как любовь, есть только любящие люди, любящие мысли и любящие действия. Тем не менее, глубоко внутри себя мы знаем, что не можем быть настоящими людьми, если хоть сколько-нибудь не любимы и не способны любить. Это остается истиной, невзирая на тот факт, что личные отношения не всегда легки; иногда они могут быть крайне трудными и даже плохими. Но плохие отношения подчеркивают ценность, которую мы придаем хорошим отношениям. Мы всегда сожалеем о плохом и осуждаем его, а хорошее принимаем и одобряем.

Это живо проявилось для меня несколько лет назад в повсеместном суде по делам несовершеннолетних. Я, со своими коллегами магистратами слушал дело мальчика, обвиненного в совершении неумелого обмана. Процесс дошел до того момента, когда судья спросил родителей мальчика, хотят ли они что-нибудь о нем сказать. Обычно родители говорят, что их ребенок – образец добродетели, которого сбил с пути плохой соседский мальчик. Но в этом случае отец встал и, указывая на ребенка, сказал, что он и его жена, стыдясь позора, навлеченного на семью этим паренком, больше не хотят иметь с ним ничего общего. Они буквально выгоняли его из дома. Я никогда не забуду ужасное выражение жалкого отчаяния на лице мальчика,

услышавшего, как его отец публично отрекся от него и отверг его. В этот момент мальчик перестал быть личностью, обладающей хотя бы частицей человеческого достоинства, превратившись вместо этого в сломленную, потерявшую человеческий облик плоть и кость. Атмосфера в суде омрачилась: судья первым пришел в себя и спросил, кто еще хочет сказать что-нибудь о мальчике. Мужчина, сидевший на заднем ряду, выразил желание выступить. Он оказался школьным учителем мальчика, который заверил нас, что хорошо изучил характер своего ученика. Несмотря на это, он сказал, что и он сам, и его жена всегда верили, что в этом мальчике было и хорошее, и что они хотели бы взять его в свой дом, как приемного сына, и попытаться дать ему тепло, любовь и безопасность, которых тому явно не хватало. Пока он говорил, лицо мальчика чудесным образом преображалось. Он снова стал реальной личностью – ведь кто-то любил его и заботился о нем.

Свидетельство Иисуса

Этот простой, ценный поступок человека, столь глубоко заботящегося о другом человеческом существе, сильно укрепил во мне поразительное убеждение о том, что любовь – это, поистине, правда жизни. Приходя на собрание, мы признаем значимость и ценность той любви, которая постоянно прорастает в человеческом опыте и продолжает превосходить его. Но человеческая любовь – хрупкая вещь, и хотя в ней содержатся семена самоотдачи и самопожертвования, она может ожесточиться и подвести нас. Именно здесь жизнь Иисуса и то, как он встретил свою смерть, мощно обосновывает нашу уверенность в высшей силе и созидательности любви. Квакерам никогда не хотелось заключать в какие-либо религиозные кредо или догматические определения свое уважение к этой конкретной жизни и восхищение ею, по той простой причине, что какие-либо ограничения не уместны для столь великого проявления человеческого духа и его потенциала. Поэтому Друзья предоставляли всем возможность самостоятельно прийти к заключению о его божественности и статусе.

И вновь этот давний квакерский подход находит поддержку в современных источниках вне Общества Друзей. В «Будущем религии» Кэтлин Блисс писала: «Никогда не существовало единственного способа восприятия умом или чувствами личности Иисуса Христа. Модели понимания менялись из века в век и от одной культурной среды к другой, даже если общие для христиан формальные доктрины относительно этой личности оставались более или менее постоянными. Религиозный опыт также менялся, и не только от одного века к другому, он отличался у разных людей – что сегодня, в свете психологии, намного понятнее, чем это было раньше». (45)

Что касается Религиозного Общества Друзей – в целом его свидетельство, начиная с семнадцатого века и дальше, говорило об огромном и революционном влиянии, которое жизнь Иисуса оказала на квакерское понимание человеческого опыта. Друзья, вместе с остальными христианами признавали, что не только истина, сила и простота его учения призывает их следовать ему. Встретив собственную смерть словами прощения на устах, прощения тех, кто его казнил, Иисус показал, как следует встречать зло, и открыл для мира источник любящей и созидательной энергии, благодаря которой может быть преобразована человеческая злоба. Смерть Иисуса не положила конец его служению человечеству, ведь все, что имело глубокое значение в жизни Иисуса, продолжает влиять на людей, открытых тому любящему духу, в котором он жил.

В этом смысле, каждое квакерское собрание встречается под сенью креста; под сенью, созданной не разгневанным Богом, ищущим возмездия и воздаяния, но Богом, который есть любовь. Ведь весь смысл учения, жизни и смерти Иисуса заключен в его непоколебимом убеждении в том, что Бог есть любовь. С одной стороны, распятие Иисуса было человеческим деянием, осуществленным обществом, не принявшим его добра. Он стал угрозой установленному порядку религии и политики, и был ими устранен. Это ужасное человеческое событие можно правильно понять, только когда оно интерпретируется с религиозной точки зрения. Тогда открывается правда о том, что страдание, принятое так, как принимал его Иисус, может стать источником жизни, а не разрушения. Для многих Друзей это служит одним из высших сигналов трансцендентности.

Образ жизни

Мне кажется, что во всех случаях, на которые я ссылался в этой главе, можно распознать образ жизни, а также направление роста и развития, характеризующиеся духом любви и истины, которые естественно связаны с открытием того, что мы можем делать для самих себя, предпринимая наше молчаливое путешествие к тихому центру своей жизни. Я понимаю, что сильно выделяю роль личности, возможно, больше, чем этого хотелось бы многим Друзьям; особенно тем, кого привлекают восточные религии, целью которых является уход от привязанностей земной жизни в царство, где индивидуальность утрачивает свое личностное отождествление в отстраненной бесконечности. Я убежден в том, что религиям запада есть чему поучиться у религий востока, особенно, в смысле отстраненности последних от земного. Но я сохраняю уверенность в том, что квакерство, выросшее из христианских корней, продолжит питаться, в основном, из этого источника, вследствие непоколебимой уверенности Друзей в том, что жизнь изначально хороша. Проявления зла в мире призывают к действию, направленному на его исправление и изменение, а не к желанию удалиться от мира с его непредсказуемыми реалиями.

Существует один последний элемент, который следует включить в наш ответ на вопрос о том, кому или чему мы поклоняемся. Мне довольно легко убедить самого себя в том, что совокупное свидетельство религиозной интерпретации человеческого опыта и возникающие из него многочисленные признаки трансцендентности – все указывает на запредельное измерение, которое можно по праву называть Богом. Это особенно верно, если я чутко принимаю во внимание продолжающееся свидетельство тех Друзей, а также принадлежащих к другим церквям христиан, наряду с верующими людьми повсюду, кто определенно обладает более ясным видением соединения с Богом, как источником всякой жизни, силы и любви. Свидетельство таких людей бывает эффективным, только если проявляется в качествах их жизни.

Мои друзья-атеисты говорили мне, что не имеет смысла задавать вопросы об источнике мироздания и жизни, если на них невозможно ответить, но данные вопросы не дают мне покоя. Понимая, что это не очень логично, я все-таки сильно интересуюсь тем уровнем своего опыта, на котором кажется достаточно непредвзятым выбор верить в Бога. Нелогичность моей позиции мне объяснило размышление над словами гуманиста, раскрывшего природу своих убеждений большой группе Друзей. Он описал свое мировоззрение следующими словами. «Прежде рождения нет ничего; после смерти нет ничего; но между рождением и смертью возможно

наложить на жизнь какую-то степень порядка, что способствует большому счастью человека». Если только можно было бы заменить словосочетание «наложить порядок» в его фразе словами «творить любовь», тогда я согласился бы с ним, с одним лишь значительным отступлением. Мне бы показалось обязательным сделать единственный, жизненно важный, дальнейший шаг. Пытаясь таким образом творить любовь в жизни, я ощутил бы в глубине своего существа, что отвечаю на что-то, уже присутствующее там. Вероятно, данное космическое явление отразил разум Данте, написавшего в «Рае»: «Любовь, которая движет солнцем и другими звездами».

Водительства Бога

Какая связь между желанием откликнуться на что-то, данное в жизни, вкупе с мощным ощущением ценностей, которые превосходят человеческий опыт и могут быть интерпретированы в качестве религиозного опыта, - и концепцией Бога, как источника всего этого? Я обнаруживаю связующее звено в понимании опыта тишины в глубине моего существа, и, по моему убеждению, это верно для других Друзей.

Во всех своих размышлениях о вере в Бога я угадываю то сильное впечатление, которое произвела на меня в 1939 году книга Джона Бэйли «Наше знание Бога». Я нашел его фразу «опосредованная непосредственность» наиболее просветляющей. Джон Бэйли доказывал, что людям не передано никакого прямого восприятия присутствия Бога, кроме их опыта в мире.

Этот подход объясняет и то учение, которое было преподано мне в детстве, когда мои родители говорили так, как будто Бог непосредственно и очевидно присутствовал, хотя я не воспринимал его присутствия. Это также объясняет квакерское убеждение о том, что у человека есть прямое соединение с Богом.

Обсуждаемый вопрос становится понятным, если вспомнить о теме водительства. Я бы не стал заявлять, что получаю прямое водительство от Бога – ведь я не слышу божественный голос, который говорит мне, что делать. Но у меня действительно бывает ощущение того, что меня влечет к тому, а не какому-либо иному, направлению действий. Водительство, тем не менее, возникает из бесчисленного количества опыта, влияний, отношений и уроков, которые я накопил с годами и над которыми я размышлял. Поэтому, определенные типы действия кажутся моим естественным откликом на конкретные обстоятельства. В них во всех чувство присутствия Бога реально и непосредственно, но не опосредованно.

Святой Дух

Некоторых Друзей может удивить, а других встревожить то, что до сих пор в этой главе я не упомянул о Святом Духе. Определенно, скажут они, доктрина о духе – именно та часть структурированного христианства, которая сильнее всего привлекает квакеров. Я убежден, что это правда. Должен признаться в том, что понятие духа Бога, наполняющего собой дух человека, чрезвычайно трудно усвоить в том виде, в котором оно традиционно выражалось. Однажды я рассказал об этой трудности Другу, который заметил «Но ведь Святой Дух никогда не хлопал тебя по плечу». «Нет, - ответил я, - никогда». «Но, - сказал он, - ты был влюблен!». Ну, конечно! Если это

имеется в виду, тогда я знаю действие духа, но мне следует сказать, что это была религиозная интерпретация нормального и естественного человеческого опыта.

И все же я уверен, что для многих квакеров потрясающе важно это ощущение властного побуждения духа в их жизни. В «Советах и вопросах» Общество Друзей призывает своих членов «Внимайте, дорогие Друзья, побуждениям любви и правды в ваших сердцах, доверяйте им как Божественному водительству», указывая, что в качестве последователей Иисуса, «мы призваны жить в жизни и силе Святого Духа». (46) Я принимаю этот совет, обращенный ко мне как к члену религиозного Общества Друзей. Но мне было бы трудно сказать людям, находящимся вне религии (а большинство наших современников не религиозны), что я живу в жизни и силе Святого Духа. Они были бы вправе поинтересоваться, что означает эта фраза. А их вопрос заставил бы меня задуматься над тем, что же эти слова значат для меня. То, как я их понимаю, прекрасно выразил Гарри Уильямс, когда написал: «Дух – это мы сами в глубинах нашего существа. Это я на самом глубоком уровне моего бытия, на том уровне, где я уже не могу отличить себя от того, что превосходит меня. Итак, теологически, Дух называется Богом во мне... местом, где я неотделимо сливаюсь с Богом». (47)

Мы вернулись еще раз к глубокому тихому месту в центре нашего существа, где мы одиноки и одновременно не одиноки, ибо нас окружает и охватывает великое облако свидетельства. Это самый человеческий из всех человеческих опытов, но это также и опыт, во весь голос требующий религиозного истолкования. Сегодня и на протяжении всей своей истории Общество Друзей ощущало потребность интерпретировать – с неизменной гибкостью и свободой – тот опыт встречи с любовью, истиной и светом, единственным адекватным названием для которого будет имя Бог. Мы не притягиваем сюда Бога – он здесь постоянно находится.

4

НАИЛУЧШЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ КВАКЕРСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Люди, недавно ставшие посещать квакерское собрание, часто спрашивают: «существуют ли техники квакерского богослужения, которым я могу научиться, чтобы эффективнее практиковать квакерский метод?» Отвечая на этот вопрос, я всегда спотыкаюсь на слове «техники». Для меня оно подразумевает, что квакерское богослужение можно описать способом, похожим на то, как музыкант, играя на своем инструменте, следует определенному процедурному методу, связанному с практическими деталями, дисциплинами и формальными навыками. Квакерское богослужение не таково. Одновременно, я понимаю, что сегодня задающий этот вопрос человек, скорее всего, имеет в виду практики, сходные с такой деятельностью, как трансцендентная медитация, или же, если это пожилой человек, - с традиционными дисциплинами, входящими в классические религиозные упражнения, такие как молитва, медитация или созерцание.

Итак, если задающий вопрос спрашивает: «Существует ли конкретный метод квакерского богослужения, который я могу изучить и практиковать?», моим ответом будет твердое «нет». Если, с другой стороны, он спрашивает: «Существуют ли техники, в смысле набора процедур,

дисциплин и практик, которые могут способствовать извлечению максимальной пользы из квакерского собрания», тогда я бы ответил «да» в общем смысле этих понятий. Конечно, своим описанием типичного квакерского собрания и роли, которую играет в нем молчаливое ожидание, я надеялся убедительно показать, что квакерское богослужение, хотя и не лишено образа и формы, но по самой своей природе спонтанно и в высшей степени гибко. Оно не прибегает к заранее predetermined образцам, поскольку должно обеспечивать разнообразие и развитие.

Эту позицию можно проиллюстрировать вопросом продюсера Би-Би-Си, пытавшегося наилучшим образом расположить микрофоны в студии, из которой должно было транслироваться квакерское собрание. «Кто из этих людей будет говорить?», - спросил он. Ему ответили, что невозможно предсказать, станет ли кто-либо говорить, и кто именно это будет. По выражению беспокойства и удивления, с которыми он встретил этот ответ, было понятно, что ему, очевидно, еще не доводилось сталкиваться с богослужением, допускающим подобную свободу.

С подготовленными сердцем и умом

Общество Друзей наиболее чутко относилось к динамичной, живой, органичной форме квакерского собрания, и поэтому не пыталось устанавливать правила его проведения. Тем не менее, оно адресовало своим членам «Советы и вопросы», один из которых создает превосходную основу для нашего размышления о том, как наилучшим образом использовать квакерское богослужение. Это – простой совет Друзьям: приходить на собрание «с подготовленными сердцем и умом». Он, конечно, не означает «не приходите, если ни ваши эмоции, ни ваши мысли не готовы к богослужению». Может случиться и так, что вам больше всего нужно идти именно тогда, когда вы этого совсем не чувствуете.

Нет, совет, данный на основании большого опыта, предполагает, что некая подготовка в течение недели даст вам максимальный шанс как можно больше извлечь из квакерского богослужения, а также позволит вам отдать ему все, что вы только способны отдать. В предыдущих главах этой книги я говорил, что на самом собрании люди открывают для себя пути, которыми они могут наиболее естественно войти в его жизнь. Точно такой же принцип применим к методам подготовки к богослужению, но, разумеется, стоит узнать, какие рекомендации предлагает Общество в отношении подготовки сердца и ума. Существует явное указание (и я уже ссылался на него в главе «Учиться быть тихим») на то, что следует ежедневно уделять какое-то время внутреннему отдохновению – странная фраза, полюбившаяся квакерам предыдущего поколения. К счастью, Общество предлагает совет в более общих терминах и предоставляет Друзьям самим решать, какое время суток выбрать для периода покоя.

Многие Друзья считают самым подходящим раннее утро, а другие предпочтут более позднее время. Схожая свобода предоставляется в отношении того, как используется это время. Спокойный период может включать чтение Библии или других писаний и религиозных книг, а также размышление над ними. Поощряется практика молитвы, и этой практике, вместе со схожими предметами медитации и созерцания, я уделю внимание далее в этом разделе.

На данном этапе я должен отослать своих читателей обратно, к разделу этой книги, касавшемуся роли молчания, где я, в частности, упомянул двоякую цель времени внутреннего отдохновения. Первая цель: личное подкрепление своих религиозных представлений и ценностей; вторая: реальная подготовка себя к совместному действию на молчаливой молитве. Опять, как и в случае попытки описать квакерское богослужение, решение может быть найдено в достижении одного, непосредственного выражения всего, что нужно сказать. Потому что невозможно разбираться с многочисленными составляющими элементами по одному.

Необходимо предварительно оговорить четыре момента. Во-первых, не существует совершенного порядка, согласно которому следует осуществлять анализ. Поэтому я выбрал тот, который мне нравится, но я понимаю, что другие квакеры разбирали бы вопросы в ином порядке. Во-вторых, каким бы частным духовным дисциплинам мы не следовали для поддержания своей внутренней жизни, они неразрывно связаны с нашей реальной подготовкой к богослужению и взаимодействуют друг с другом. В-третьих, нам никогда не следует считать подготовку к богослужению случаем специально заготовить высказывание, которое мы намерены сделать на собрании. Я разберу этот пункт подробнее в следующем разделе. В-четвертых, мы должны постоянно помнить о том, что условия для периодов спокойного размышления, включая их продолжительность и содержание, будут сильно отличаться в зависимости от человека, а также будут различными у одного и того же человека в разные периоды его жизни.

Структурированный подход

Поскольку я предполагаю начать с описания того, что можно назвать более структурированным подходом, должен сразу заметить, что лично мне он не кажется очень полезным. С моего англиканского периода, охватывающего тесные связи с евангелической нижней церковью и срединной позицией, а также и с традицией англо-католической высокой церкви, меня заставляло постоянно чувствовать свою вину неизвестно кем установленное практическое положение о том, что утреннее время свидетельствует о большей набожности, чем любое другое время суток. Так уж получилось, что для меня раннее утро – не самый лучший период, и все мои попытки проделывать какие-либо духовные упражнения в это время суток приводили лишь к тому, что я снова засыпал. Когда же я действительно добился регулярности своих спокойных периодов, они не произвели никаких видимых для других конструктивных результатов, что заставило меня еще больше чувствовать свою вину. Эти переживания убедили меня в том, что нам следует относиться в высшей степени честно и бережно к самим себе, а также к тому, какой вид внутреннего отдохновения для нас наиболее приемлем, даже если другие отказываются его признавать. Не пытаясь навязывать свой путь другим, мы можем просить их проявлять такую же чуткость по отношению к нам.

Каким бы ни был наш подход к отстранению от насущных дел и занятий нашей жизни, остается важным включение в период отстраненности времени молчания. Оно даст нам возможность совершить путешествие во внутреннюю часть самих себя и повторно открыть центр спокойствия. Все, что я уже сказал о разнообразии способов, которыми это внутреннее путешествие может совершаться и совершается на молитвенном собрании, равным образом применимо и к тому, что происходит с нами в частных условиях. Поскольку многим из нас нелегко резко отключиться от

потоков мыслей, протекающих через наш ум, будет полезно сконцентрировать внимание на каком-либо конкретном объекте.

Как я уже упомянул, Общество поощряет своих членов к ежедневному чтению Библии, хотя я догадываюсь, что число Друзей, регулярно делающих это, относительно невелико. Библия, или что-то еще из подобной литературы, особенно полезны для вступления в период индивидуальной медитации. Систематическое чтение таких книг вполне способно оказаться средством, помогающим нам войти в измерение, в котором религиозным целям жизни придается самое важное значение. Но чтение должно осуществляться таким образом, чтобы осмысление текста руководствовалось желанием раскрыть, какую религиозную интерпретацию отрывок дает обычному человеческому опыту, на котором основано его содержание. Желаемая концентрация может быть достигнута чтением одного-двух предложений, что отвлечет наше внимание от активных мыслей, и мы сможем сконцентрироваться на истинном значении слов и перейти к более глубокому размышлению.

Упомянув Библию и подобные ей книги, я осознал, что концентрация внимания может быть достигнута любым набором средств. Многие Друзья, к примеру, считают очень полезным чтение поэзии или жизнеописаний, некоторые способны обходиться и без печатных источников, полагаясь на собственные воспоминания как на отправную точку своего путешествия вовнутрь.

Размышление о жизни

Никакая программа не в состоянии в точности передать природу внутреннего исследования, но можно перечислить некоторые его вероятные свойства. Комментарий Платона о том, что неосознанная жизнь не достойна проживания, будет здесь уместен, поскольку в нашем поиске мы, конечно, размышляем о свойствах своей жизни, пытаюсь рассматривать их в свете ценностей, которым мы преданы. Не нужно бояться быть благодарными за те вещи в нас, которые приближаются к идеалам человеческой жизни, показанным в Иисусе. Путешествие к внутреннему центру не должно осуществляться мрачным усилием или беспрестанным самоанализом, раскрывающим в нас лишь злое; это скорее – радостное приятие добра, красоты и истины.

В то же самое время, если наш поиск честен, мы неизбежно откроем, что многое в нашем опыте далеко от человеческого потенциала, показанного в жизни Иисуса. Традиционно это осознание эгоцентризма и чувства несоответствия восхищающим нас идеалам называется грехом – слово, которое сегодня не в почете по ряду причин. Две из них особенно важны. Популярное использование слова не учитывает детерминизм давления, возникающего из нормальных человеческих потребностей, которые составляют нашу психологию. Также это слово подразумевает состояние человеческого несовершенства, противного Святому Богу, и неизбежно отделяющему нас от него. Одно из замечательных озарений, дошедших до нас от квакеров семнадцатого века, было выражено Уильямом Пенном так: «Внутренний Свет Христа, который есть Свет Миру, а также свет, открывающий вам правду о вашем состоянии, ведет всех, кто принимает в нем убежище, от тьмы к Божественному чудесному свету; ведь свет растет из послушания... Поэтому, о, друзья, обратитесь, обратитесь, умоляю вас. Где яд, там и противоядие; там вы желаете Христа, и там вы должны найти Его – и там, да будет Бог благословен, вы можете найти Его». (48)

На самом деле, Уильям Пенн заявляет, что хотя мы можем открывать темноту внутри, мы также можем открыть в свете и внутреннее противоядие от ее яда. В современных терминах это означает, что мы можем принять и простить себя благодаря нашему убеждению в том, что любовь – это истина жизни. Любить – значит быть готовым прощать, а Бог есть любовь. Другая черта нашего внутреннего путешествия определенно заключается в повышенной восприимчивости к природе наших взаимоотношений с другими людьми. Нам может быть необходимо попытаться простить и принять их или сделать особые усилия, чтобы понять их отношение к нам и наше – к ним.

Важный принцип, содержащийся в предыдущих параграфах, нашел мощное выражение в смелом и чувствительном письме в журнале «The Friend» от 23 февраля 1973 года. Анна Уилсон написала: «До того, как меня спас психоанализ, я испытывала постоянное чувство вины, осуждала и наказывала себя за совершенно естественные человеческие промахи. Мне казалось, что приемлемо одно лишь совершенство. Следствием стало продолжающееся и мучительное беспокойство, а также значительные физические недомогания из-за возникшего в результате напряжения. Этот синдром, в разной степени его тяжести, широко распространен. Мир полон людей, которых преследует неоправданное чувство вины из-за того, что они не в состоянии принять свою собственную природу, и поэтому боятся зла, которое могут причинить. Я часто спрашиваю, что может сказать таким людям христианство, в том виде, как оно воспринимается нами – бедными слабыми существами, так мало понимающими человеческую природу. Именно мой психолог показал мне, что лишь те, кто любит себя, способны любить других, и что только те, кто может простить себя, способны простить всех. Люди, которые осуждают себя, склонны к зависти, а потому желают другим зла.

Мы не можем любить своих ближних по приказу. Если мы с любовью относимся к самим себе, а потому спонтанно любим и других, тогда мы спонтанно раскаиваемся, если наносим им вред, и стремимся возместить причиненный ущерб.

Не будет ли более разумным перестать требовать от себя слишком много и, вместо этого, решиться признать и принять всю сложность и неоднозначность нашей природы? Вместе с подобным признанием может прийти понимание и любящая доброта, которая дает новое осознание таких идей, как осуждение, самодисциплина, вина, покаяние, изменение и ответственность».

До сих пор я описывал то, что можно назвать личным аспектом нашего путешествия внутрь. Но есть и другой аспект, которого мы не в силах избежать. Друзья всем сердцем приняли молитву Джона Уилема Раунтри: «... возложи на нас бремя мирового страдания». Как современные люди, мы лишь еще острее ее осознаем, понимая, что не мы видим выхода из трудностей человеческих ситуаций. Трудности настолько велики, что размышление об этих ситуациях способно заставить нас либо прекратить попытки изменить положение дел, либо ожесточиться, так чтобы нас уже не трогала чужая боль. Путешествие внутрь помогает нам оставаться чуткими, чтобы мы делали то, что в наших силах, одновременно давая нам возможность осознать, что от нас не требуется взваливать на себя все.

Молитва

Христиане традиционно использовали слово «молитва» для описания как нашего внутреннего состояния, так и нашего взаимодействия с другими, ведь молитва – это процесс общения с Богом как от себя лично, так и от имени других людей. Современным людям слово «молитва» представляется перегруженным и трудным для применения, поскольку оно, практически, лишено смысла. В основном, это происходит из-за того, что молитва предполагает личное обращение к Богу с оттенком самовнушения, поскольку для многих людей Бог – это просто проекция человеческих глубоких неосознанных желаний. Даже тем, кто считает Бога реальным, молитва часто кажется попыткой склонить его к более милосердному обращению с нами или с другими людьми, для чего требуется нарушение естественных законов. Таким образом, молитва представляется попыткой манипулировать Богом, который, даже не будучи проекцией, в лучшем случае остается удаленным на большое расстояние существо, к которому неуместно обращаться за помощью в трудные моменты нашей жизни.

Вспоминая о своем детстве и о том, чему меня учили в отношении молитвы, я перестаю удивляться тому, что в нас укоренены подобные странные представления о молитве. Был, к примеру, случай, когда, собрав свою игрушечную железную дорогу, я оказался в полной растерянности из-за того, что не мог завести ее механизм, потому что ключ куда-то подевался. Все больше волнуясь, я в отчаянии искал его, затем с ребяческой верой опустился на колени около железной дороги, умоляя Бога показать мне, где же находится ключ. На несколько мгновений успокоившись, я вспомнил, где ключ – он представился моему внутреннему взору лежащим на комод. Без промедлений я поднялся с колен, подошел к комоду и там, конечно же, был ключ. Это происшествие убедило меня в том, что молитва обладает таинственной силой, и я почувствовал, что открыл верный путь к исполнению желания, которое доминировало в то время у меня в голове. Я отчаянно хотел, чтобы Оксфорд победил Кембридж в предстоящем университетском лодочном соревновании. Невзирая на усердие, с которым я просил Господа за Оксфорд, они потерпели безнадежное поражение!

После этого молитва стала казаться фактически ритуалом, который требуется в христианстве, но эффективность которого весьма сомнительна, хотя от него и рискованно отказываться полностью! Взрослея, я постепенно сознавал, что отношусь к молитве по-детски и с ожиданием волшебства. Я без особого успеха пытался изменить это, и все-таки продолжал молиться, поскольку мне была привита сильная потребность к молитве, но мало-помалу данная деятельность утратила свое былое значение. Это меня смущало, поскольку я поступал не так, как подобает христианину. Наконец, я полностью отказался от практики формальной молитвы, и тогда, разумеется, почувствовал себя еще более виноватым, чем когда-либо.

Как я только присоединился к Обществу Друзей, мой интерес к молитве, как значимой возможности для взрослых людей, возродился. Это произошло, в основном, благодаря тому, что многие из моих знакомых квакеров показывали такое позитивное отношение к жизни. В их личности и характере проявлялись искренность, сила и уверенность, чему явно способствовала их практика молитвы. Для них молитва была радостным, естественным событием: обретением богатств своей внутренней жизни. Они говорили о молитве, как о способе простого и регулярного общения с любящим Богом, что придавало спокойствие их жизни. Меня особенно поразил тот факт, что те из них, которые казались самыми искренними, настоящими людьми, неохотно соглашались использовать слово молитва. Когда я собирался предстать перед судом, как отказчик от военной службы по мотивам совести, и особенно нуждался в их поддержке, они сказали, что

будут «думать обо мне». Тогда как большинство других христиан предложили бы «помолиться за меня». Я знал, что для моих друзей-квакеров думать обо мне означало глубокое, искреннее, образное, содержательное действие, которое основано на их любящей заботе обо мне, как о личности, и соединено с их реальным опытом целенаправленной любви, возникающей внутри обычной жизни, но превосходящей обычную жизнь.

Благодаря другому событию, также связанному с детьми, я смог в полноте понять, что существует другой подход к молитве. Когда мои дети были маленькими, у меня вошло в привычку смотреть на них перед тем, как пойти в постель. Когда я видел их мирно спящими и при этом такими беззащитными, из глубин моего существа поднималось несказанное стремление должным образом выполнять родительские обязанности в отношении своих детей в соединении с сильным ощущением преданности этому пониманию отцовства, так чтобы они могли вырасти в атмосфере любви и безопасности.

Молитва как любящее мышление

Постепенно я осознал, что это мое молчаливое действие было чем-то очень близким к тому пониманию молитвы, которое могло бы стать для меня реальным. Это был совершенно обычный человеческий опыт, в котором также присутствовало сверхъестественное качество, и который был открыт для религиозного толкования. Молитва, в этом смысле, служит естественным откликом с нашей стороны и не может быть отделена от нашего путешествия вовнутрь. Это путешествие и есть наша молитва, наше отдохновение и отклик на значение любви в жизни. Может оказаться, что во время своего внутреннего отдохновения мы захотим специально подумать о ком-то, нуждающемся в ободрении или поддержке. Тогда мы обращаем к ним свое внимание, стараясь представить себе их ситуацию, и позволяя своим мыслям наполниться глубоким желанием того, чтобы у них все было хорошо. «Молитва, - говорит Джон Маккуорри, - это основополагающий способ мышления, страстный и сострадательный, отзывчивый и благодарный, который глубоко укоренен в нашей человечности и который находит проявление не только среди верующих, но и также и среди серьезно мыслящих людей, не исповедующих никакой религиозной веры». (49)

Когда мы молимся посредством любящего мышления за членов своего собрания или за других людей, мы принимаем на себя обязанность, насколько это только возможно, откликнуться на собственную молитву каким-то действием на благо человека, за которого мы молились. Если подобное прямое действие невозможно, тогда мы должны подумать, каким образом нам стать агентами любящего и творческого добра для человека, находящегося в нашем окружении.

Нам следует быть как можно более откровенными в деле любви, принятия и прощения другого человека. Будучи уверенным в том, что мы должны к этому стремиться, я также убежден в том, что это – одно из самых трудных наших призваний. Какие бы усилия ни были нами приложены, очень часто оказывается, что мы терпим неудачу. Порой, если мы по-настоящему честны, нам удается признать, что мы даже и не желаем расставаться со своим недовольством в отношении человека, который чем-то не угодил или прямо-таки навредил нам.

Даже те, кто решительно интерпретирует свой опыт, как прямое общение с Богом, а потому чувствует себя способным искать божественную помощь для достижения примирения, с

готовностью признают, что эта задача не из легких. По отношению к другим людям и поведению некоторых из них видно, что они, на самом деле, не простили обиду, невзирая на благочестивые речи, которыми они убеждают нас в обратном! Мне, намного менее уверенно говорящему о молитве в общепринятых терминах, из личного печального опыта известно, насколько трудно бывает принять и простить кого-то, ранившего мое самолюбие, задевшего чувство моего личного достоинства. Поэтому я считаю себя совершенно неспособным давать наставления в этой области отношений. Все, что я могу сделать, это представить три абсолютно недогматических комментария, возникших из моего собственного опыта.

Во-первых, ощущение недовольства как жизнью в целом, так и конкретными обстоятельствами или человеком, ввергает нас в ожесточенное, нездоровое состояние и принижает нашу личность. Во-вторых, тот факт, что мы в этом признаемся, уже служит, по меньшей мере, одним позитивным признаком того, что мы движемся в правильном направлении. В-третьих, мне показалось полезным стараться избегать поспешного столкновения с человеком, которым я недоволен, поскольку это часто приводит к причиняющим боль и неконструктивным взаимным упрекам, и мы говорим то, о чем впоследствии сожалеем. В то же самое время, я полностью сознаю опасность подавления чувства гнева, в дополнение к тому факту, что нежелание ставить людей в известность о том, что они нас обидели, показывает недостаток искренности, что разрушительно для подлинных человеческих взаимоотношений. Конечно, есть люди, настолько сильно любящие и обладающие таким совершенным самоконтролем, что они могут быть деликатными и конструктивными в состоянии прямой конфронтации. Но такие люди редки, и многие из тех, кто чувствует себя к этому способными, по моему опыту, настолько часто обманывают сами себя, что как мне кажется, им стоит повнимательнее рассмотреть свою позицию.

Преодоление агрессии

Моим способом преодоления этого аспекта проблемы служит заполнение «дневника ненависти», в котором, в случае необходимости, я описываю, как можно более подробно, живо и точно свои мысли об обидевшем меня человеке и детали его отвратительного поступка, какими я их вижу, а также то, как он явно неверно истолковал мои благие намерения. Записывая все это, я, прежде всего, даю выход своим агрессивным чувствам. Кроме того, вопреки моему текущему настрою, осознание справедливости зарождается во мне, пока я пытаюсь описать позицию своего противника. Мало-помалу я начинаю видеть ситуацию лучше и в более сбалансированной перспективе. Конечно, бывают случаи, когда для исправления ситуации необходимо какое-то незамедлительное действие, но там, где только возможно, я бы все-таки предпочел определить позиции на бумаге. Только на сей раз, это будет иметь форму письма к обидчику с моими доводами, которое не будет отправлено, по крайней мере, до следующего дня. По прошествии нескольких часов раздумий, я редко посылал что-либо, похожее на первоначальный вариант, и даже бывало не посылал ничего. Ведь перечитывая то, что было написано со жгучим ощущением праведности моей позиции и справедливости моих непосредственных реакций, я обнаруживал свои неизбежные преувеличения. Это помогало мне суметь изложить свою точку зрения с умеренностью, происходящей из моего ощущения, что я тоже в значительной мере разделяю ответственность за недопонимание.

На самом деле, какую бы форму ни принимало написанное, результатом становится возможность отстраненного и спокойного обсуждения ситуации с моим противником, разговор, способный проложить дорогу к большему пониманию и окончательному примирению. То, как мы справляемся со своими внутренними и внешними конфликтами, составляет важный аспект нашей жизни, к которому мы должны относиться очень внимательно, признавая, что могут пройти годы, прежде чем мы, наконец, окажемся в состоянии преодолеть недовольство, принять и простить вызвавшего его человека. Еще труднее бывает, когда человек, о котором идет речь, ничего особенно плохого нам не сделал. Просто его отношение и подход к жизни нас раздражают, возможно, из-за несовпадения характеров. Всегда следует помнить, что нас просят любить людей, но это не значит, что они обязательно должны нам нравиться. Подобным образом, мы должны учиться любить себя через готовность принимать себя просто как обычных людей, склонных к ошибкам, которые нам не особенно нравятся и которыми мы недовольны. Одно из последних преимуществ заполнения «негодующего» дневника состоит в том, что он превращается в источник развлечения и обучения, когда, годы спустя, мы заглядываем в отчеты, написанные нами по какому-то случаю, вызвавшему нас тогда настолько жестокою агонию. Делая это, я не перестаю удивляться тому, что мог дойти до подобного состояния из-за столь незначительных событий – кажущихся незначительными лишь по прошествии времени!

Многие люди могут добиваться ощущения равновесия, которое служит первым шагом на пути к примирению, ничего не записывая. Я имею в виду такого рода упражнение, как восхитительно отображенное Доном Камилло в его беседах с самим собой перед Распятием об имевшем место сражении между ним – священником маленького итальянского городка, и коммунистом – мэром этого городка. На самом деле, чтобы добиться качественного приближения к тому, чем служит традиционная молитва для религиозных людей, все подобные диалоги, как молчаливые и происходящие внутри, так и обсуждение с доверенным другом или в письме, должны вестись в свете наших сигналов трансцендентности. Такого рода дисциплины, безусловно, способны нам сильно помогать, когда мы вовлекаемся в действие отстраненности от обычной жизненной активности, и они не менее ценны, чем какие-либо другие формы молитвы, которые использовались нашими предками, чья религиозность носила более привычный характер. Практикуемые с усердием, эти дисциплины, также помогают нам придерживаться более христианско-религиозного поведения, когда мы бываем призваны справиться с ситуацией, не терпящей промедления.

Медитация

Точно так же, как в тишине совместной квакерской молитвы мы опускаемся глубже и глубже в спокойный центр, так и в нашей личной молитве мы обнаруживаем, что наши мысли уступают место глубокому молчанию ума. Ступени к достижению этого состояния в классическом христианстве были описаны, во-первых, как медитация, определяемая Джоном Маккуорри как «... дозволение уму погрузиться в концепции, символы, учения, догматы и истории христианской веры». (50) Это утверждение расширяет квакерскую формулировку, данную Томасом Грином, в своей Свортмурской лекции описавшим медитацию, как «концентрирование мысли на определенном религиозном предмете». (51) Наш швейцарский Друг Пьер Лаку, который так понятно написал о дисциплине внутреннего молчания в работе «Бог есть молчание», ведет нас к

следующей ступени, а именно, к созерцанию. Как он пишет: «созерцательное молчание – это способ видеть, не нуждаясь в объекте. Его можно определить лишь как направление. Это взгляд в направлении чего-то, а не на что-то. Идеи о Боге хороши, если только я быстро перемещаюсь от них к чему-то еще». (52) Цель нашего частного богослужения, куда мы вовлекаем друзей, за которых молимся, – это глубинный неподвижный центр в сердцевине нашего существа. Именно здесь мы воплощаем в жизнь слова Питера Бергера о том, что «фундаментальный религиозный импульс – не теоретические рассуждения, а богослужение». (53)

Определенно, сегодня многим Друзьям практика медитации, кому-то в строго христоцентричном смысле, другим – с сильным влиянием восточных идей, представляется полезной, а вовсе не мешающей частному и публичному богослужению. Кроме того, многие современные квакеры, которые писали о богослужении, подчеркивали значимость расслабления тела и одновременного контроля за дыханием. Мне было интересно узнать от многих Друзей, то, как, например, связанные с йогой упражнения, вне зависимости от того, следуют ли эти Друзья всей философии йоги, составляли для них жизненно важную часть следования совету общества регулярно практиковать время внутреннего отдохновения.

В определенных частях Америки я заметил, что некоторые Друзья сидят на собраниях в позе лотоса. В этой стране у меня также была возможность поговорить со многими молодыми квакерами, которые дважды в день занимались своей личной медитацией. Они начинали ее, принимая позу лотоса, как наиболее благоприятную для полного расслабления всех мышц, что достигалось впоследствии через концентрацию на каждой мышце по очереди. Следующим шагом в процессе было перемещение дыхания из легких за счет концентрации на диафрагме и последующего медленного вдоха воздуха в глубоком ритмичном дыхании.

Продолжительное повторение «мантры» - особого слова, предназначенного для каждого отдельного человека, или схожее использование фразы, помогает им отвлечься от самих себя, ведь цель их медитативного действия – достичь пустоты ума. Они отмечают, что избавиться от мыслей нелегко, но в те краткие моменты, когда это состояние достигается, они говорят о том, что получили «опыт божественного», хотя и предпочитают не использовать это слово, но рассматривают свой опыт как «выявление» источника энергии в центре всей жизни.

У них, тем не менее, есть ясное представление о том, что хотя медитация полезна для их частных целей, они не станут практиковать ее на квакерском собрании, поскольку там им хочется быть открытыми для людей и заниматься совместной формой медитации, в чем я с ними полностью согласен.

Неструктурированный подход

В брошюре, на которую я уже ссылался, Пьер Лаку замечает, что если мы хотим быть духовно сознательными, «нам следует принять решение четко и намеренно выделять ежедневно определенный период времени для духовной жизни». (54) Я уделил достаточно внимания тому, как это время может быть использовано, потому что уверен в том, что многие Друзья с удовольствием соблюдали бы подобную дисциплину, которая нужна им для усиления их духовного существа. Ранее в этом разделе (стр.76, *английского текста, - прим.перев.*) я указывал,

что мне самому не кажется полезным такой упорядоченный, дисциплинированный подход, хоть я и признаю его обоснованность и очевидную ценность для тех, кто его практикует. У меня есть все основания верить, что я в этом не одинок, поскольку существует большое число Друзей, которые говорили мне, что они их ответ на данный совет Общества не вписывается в традиционные рамки. Наш подход, как нам кажется, соответствует широко распространенному квакерскому представлению о том, что вся жизнь – это подготовка к богослужению. Данное представление широко распространено, потому что одинаково подходит тем Друзьям, которые специально выделяют период времени для культивации духовных ценностей, и тем из нас, кто придерживаются менее дисциплинированного подхода.

Существует одна очевидная опасность, с которой приходится непосредственно сталкиваться тем, кто заявляет, что вся жизнь – это подготовка к богослужению; она заключается в том, что жизнь может проскальзывать так легко, почти незаметно, и мы смещаемся на позицию, в которой никаких конкретных шагов не предпринимается и никакой активной подготовки, на самом деле, не происходит. Но именно признанием этого пути был для меня рост более рассеянного подхода в моем опыте, который показал его эффективность для меня. Он, видимо, совпадает с квакерским ощущением отсутствия строгой границы между так называемыми священными и мирскими вещами. Он также соответствует предположению о природе религиозного опыта, которое я так настойчиво подчеркивал в этой книге, а именно, что этот опыт относится к обычным повседневным событиям жизни, тщательно отслеживаемым, истолкованным в религиозном смысле и рассматриваемым в качестве сигналов трансцендентности. Такое отношение, действительно, предполагает определенную дисциплину наблюдения за опытом, возникающую из самообучения продолжительному взгляду на мир с определенной точки зрения. Бывают также случаи, когда человек сознательно посвящает время осмыслению опыта и уделяет внимание практике его истолкования, но это не происходит в установленном порядке.

Жизнь как подготовка к богослужению

Поэтому я, со всей честностью, должен признать, что неосознанно развил модель, схожую с практикой внутреннего вдохновения, хотя мне было бы трудно рассматривать ее как осуществляемую регулярно или каким-либо дисциплинированным образом. Действительно, многие годы, а возможно, в какой-то степени, и всю мою жизнь, меня увлекали и волновали поиски смысла жизни. Эта любознательность в моем случае находила выражение в великом множестве вариантов, некоторые из которых я временами воспринимал как религиозные. Когда в детстве и юности я был застенчивым, и мне не доставало уверенности в себе, какая-то внутренняя потребность побуждала меня преодолевать это посредством сознательного стремления заводить друзей. Прежде всего, это удовлетворяло мою потребность, но постепенно я принял данную практику, открыв для себя обоюдное освобождение и развитие, происходившее в личных отношениях. Радость дружбы давала долговременное удовольствие, и она также раскрывала трансцендентное измерение. Ведь дружба поощряла меня к попыткам понять, что заводит людей; чем они мотивированы; их интересы и, особенно, их взгляды (или чуждые им взгляды) на религию, а также их отношение к жизни. Меня в равной степени интересовали книги, которые они читали, фильмы, театры, телевизионные программы и музыка – все, что их увлекало. Соединяя это с подобными же своими интересами, я, как мне помнится, копил богатство человеческого опыта.

Обо всем этом я, как оказалось, постоянно и осознанно размышлял, так что на протяжении многих лет посвятил значительное количество времени этой деятельности, и мне кажется, что это верно и для других квакеров.

Чтение также служило источником великой радости и включало широкое разнообразие книг, от современных романов до биографий и даже теологии (что необычно для квакера). Священные книги не казались мне полезными, и хотя меня воспитали на ежедневном чтении отрывка из Библии, я давно прекратил эту практику, заменив ее чтением конкретной главы или книги, которая привлекала мое внимание. Подобным отношением я руководствуюсь при чтении квакерской литературы, такой как «Христианская Вера и Практика». Поскольку любящие взаимоотношения составляют столь важную часть моей жизни, я часто обнаруживаю, что думаю о своих друзьях и знакомых. Это побуждает меня писать им письма, в качестве одного из способов поддерживать дружбу. И, по крайней мере, мне кажется, что я могу считать это своими молитвенными мыслями о них. Не помню, чтобы я когда-либо практиковал какой-то из этих видов деятельности в качестве сознательно направленного усилия во время внутреннего отдохновения, поскольку все возникало естественно в обычном течении жизни. Действительно, часто наступают моменты, когда мне хочется обдумать конкретный вопрос или сконцентрировать свое внимание на радостях или нуждах определенного человека. И я чаще всего нахожу, что мне легче сделать это во время прогулки. Таким образом, я могу сказать, что продолжаю традицию Джорджа Фокса, который рассказывает нам, что он «часто гулял в Барнет Чэйз, в ожидании Господа». (55)

Я написал о своем опыте (не пытаюсь, впрочем, включить сюда опыт других квакеров, которые следуют этому более открытому подходу к подготовке к богослужению), потому что я убежден в существовании многих членов Общества, а также и новичков на собраниях, которые не учитывают того, что модель, естественно вырастающая внутри их опыта – это верный путь поддерживать их личное понимание религиозных ценностей и своей подготовки к богослужению. На самом деле, существует много общего у более структурированного, упорядоченного метода и у более открытого подхода, и бывают случаи, когда люди пользуются тем или другим методом в разные периоды своей жизни.

Квакеры и мистицизм

Я подозреваю, что большинство квакеров согласились бы с тем, что Общество, в принципе, попадает под категорию мистических религиозных групп. Многие Друзья пытались определить, что же это значит. Руфус Джонс завершает Введение к своему «Изучению мистической религии» утверждением о том, что «Общество Друзей – это религиозная организация, которая предпринимает серьезную попытку объединить внутреннюю мистическую религию с активными, социальными начинаниями». (56) Его брат, американский квакер Говард Бринтон, дает следующее определение этого слова: «... мистицизм означает прямой, непосредственный опыт Божественного, подлинный опыт, сравнимый с тем, на котором основана наука». Он продолжает цитатой из комментария Дина Инга о том, что «... Общество Друзей – это самая мистическая секта в христианстве». (57) В своем памфлете «Квакерское собрание» Говард Кольер подчеркивает, что «мистический опыт – признак здорового, свободного характера: это не болезненное состояние». (58) Данное утверждение развивает Пьер Лаку, чье эссе я уже цитировал. Он пишет, что: «Для

некоторый «мистический» - это синоним «исключительного», что предполагает видения, переходы, левитацию... Так, важные вещи отодвигаются на второй план, центральное – на периферию. Для Павла мистик – это человек, который знает полноту Христа, который живет, исполняясь святым духом». (59)

Тем не менее, важно, что само Общество Друзей обычно с большой осторожностью относилось к мистицизму и мистическому опыту. На самом деле, на него нет ни одной прямой ссылки в индексе «Христианской Веры и Практики». Такой осторожный подход находит существенную поддержку в современных христианских источниках. «Мистицизм, - говорит Питер Бергер, - говоря в широком смысле, это всякая религиозная практика или доктрина, которая утверждает высшее единство человека и божества». Он добавляет, что «мистическая традиция, поэтому, всегда ищет спасения в предполагаемых глубинах самого человеческого сознания», что, как он замечает, «диаметрально противоположно библейской концепции Бога, находящегося вне и напротив человека». (60) Питер Бергер также обращает внимание на строгие ограничения «мистического или любого другого предположительного опыта сверхъестественного», который доступен не каждому.

Джон Маккуорри проясняет это положение, когда пишет: «Мистический опыт – самый настоящий и основополагающий... но все же, сам по себе, мистический опыт не является знанием, это скорее видение того, что следует узнать. Само по себе видение самыми разными путями обуславливается специфическими влияниями, традициями мысли и деятельностью, организациями и привычками, которые постоянно воздействуют на жизнь мистика и формируют его сознание». (61) Он добавляет, «чтобы видение вылилось в знание, оно должно найти выражение и определение в мысли и языке». Подобное заявление делает Кэйтлин Блисс: «Мистический первоначальный опыт божественного, если он подлинный, обретает человеческое выражение, как только о нем начинают говорить». (62)

Алистар Ки представляет краткий, но полезный итог двух основных типов мистического опыта. Один из них касается нового способа видения внешнего мира, в то время как другой предполагает полное и окончательное удаление от этого мира. Алистар Ки утверждает, что «мистический опыт должен быть поистине выдающимся опытом ... вне зависимости от того, происходит ли он спонтанно, или же бывает вызван духовными упражнениями, либо использованием наркотиков». (63) Для Алистара Ки, тем не менее, важный вопрос состоит в том, можно ли принять мистицизм в качестве свидетельства существования Бога. И он дает отрицательный ответ, с одобрением цитируя У. Т. Стэйса: «... концепция Бога – это интерпретация опыта, но не сам опыт». (64)

Эти комментарии выдающихся христианских мыслителей, подтверждая корпоративную позицию Религиозного Общества Друзей в его отказе полностью полагаться на мистический опыт как основу своей жизни, тем не менее, не отдают должного интуитивной склонности многих квакеров к мистическому истолкованию религиозной веры, как христианской, так и нехристианской. Возможно, позиция многих Друзей точно выражена в описании Солженицыным одной из героинь романа «Август 1914»: «...она чувствовала, что определенные концепции восточной религии прекрасно дополняют христианскую веру. Ее разум не считал их соединение хоть сколько-нибудь противоречивым; они были только альтернативными проявлениями прекрасного». (65)

Индивидуальное и совместное богослужение

До сих пор в этом разделе подчеркивалось существенное пересечение полезных подходов в уединенной практике путешествия вовнутрь и того же самого путешествия, осуществляемого совместно и в компании других людей. Не всегда бывает легко отделить одно от другого, но я уверен, что, невзирая на трудности, некоторые различия можно и даже необходимо отметить.

Во-первых, бывает полезно проводить совместное богослужение регулярно и в установленное время. Хотя для меня не важно назначать периоды для частного поклонения, я абсолютно уверен, что, с чисто практической точки зрения, совместное богослужение, в силу самой своей природы, нуждается в согласии всех, кто хочет в нем участвовать, собраться в определенное время, в определенный день и в определенном месте. В качестве очевидного следствия, я бы добавил важность соблюдения каждым участником пунктуальности и регулярности своего присутствия. Данные положения издавна подчеркивались Обществом ради блага всей молитвенной группы.

Во-вторых, каков бы ни был отправной пункт нашей медитации или путешествия во внутреннюю сторону жизни, нашим намерением должно быть осуществление этого упражнения сообща, предоставляя свои души друг для друга.

В-третьих, телесное расслабление, вероятнее всего, имеет место, но степень, до которой оно практикуется, не должна выводить из равновесия остальных присутствующих. Как экстремальный пример: хотя расслабление обеспечивается положением лежа на спине или стоя на голове (обе позы, как я понимаю, входят в упражнения Йоги), эти позиции уместны для нашего уединения, но не для публичного молитвенного собрания.

Мой четвертый довод касается частного чтения книг на собрании (что отличается от публичного чтения в качестве устного служения). И снова я могу показать, что имею в виду, на экстремальном случае. Вспоминаю свое участие в собрании в какой-то период времени, когда несколько присутствующих Друзей, едва заняв свои места, начинали читать книги (наиболее подходящие для этого книги, которые они приносили с собой) и так и не прекращали читать. Когда, по прошествии некоторого времени, нечитающий Друг поднимался, чтобы что-то сказать, читающие закладывали свои книги пальцем, чтобы не забыть, на чем они остановились. Как только устное служение закачивалось, читатели убирали палец из книги и продолжали читать. Это собрание никогда не становилось сплоченным – как бы могло такое произойти? Ведь большинство молящихся было озабочено лишь своими частными мыслями, вызванными прочитанным, и явно не предпринимали никаких попыток разделить жизнь собрания со своими товарищами. Здесь не имеется в виду, что отдельный участник не может с пользой прочитать про себя короткий отрывок, чтобы собрать рассеявшееся внимание, так что он потом более эффективно вступает в общность собрания. Ранее в этом разделе я упоминал личную пользу, извлекаемую мной из письма – но подобному упражнению, я думаю, совершенно нет места на собрании.

Пьер Лаку высказал замечание, с которым я согласен, связанное с моим предыдущим утверждением о намерении сплоченности, с которым нам следует приходить на богослужение. Он пишет: «Молчание религиозного опыта никогда не бывает молчанием, в котором душа замыкается в изоляции. Это молчание, открывающееся вечному в истинном единении умов и сердец, в настоящем единстве, основанном на уважении к различиям ... душа, собравшаяся на молчаливую молитву никогда не бывает одинока с Богом. Это всегда сообщение с душами всех

остальных молящихся; молчание души включает ее в тот внутренний свет, который освещает каждого человека». (66)

Мое пятое и последнее различие между тем, что уместно для нашего личного поклонения, но требует изменения на публичном богослужении, имеет отношение к молитве. Наедине с собой мы можем концентрировать наше особое внимание на нуждах конкретного человека или, разумеется, на своих собственных нуждах, думая о них со страстью и состраданием. Делать это будет для нас естественным также и на молитвенном собрании, но с небольшим и важным отличием в подходе. На собрании мы молча пытаемся держать наших любимых или самих себя в растущей жизни собрания. Должен признаться, что я ощущаю легкое чувство раздражения, когда люди говорят о квакерских собраниях, как о «времени молитвы», потому что, как мне кажется, они обычно имеют в виду то, что каждый Друг индивидуально ищет частного общения с Богом, а не то, что каждый всем сердцем соединяется с другими в действе общего единения.

Совместное созерцание

Это побуждает меня прокомментировать высказывание, сделанное много лет назад Эвелин Андерхилл в ее книге «Богослужение». Касаясь квакерского молитвенного собрания, она говорит: «примечательно, что Общество Друзей, единственное христианское объединение, сделавшее созерцательную молитву нормой богослужения, не породило великих созерцателей и не добавило ничего существенного к нашему знанию о внутренней жизни души». (67)

Целью Общества Друзей никогда не было порождение выдающихся лидеров в какой-либо конкретной сфере духовной жизни. Примечательное достижение – на протяжении трехсот лет сохранять форму богослужения, в которой люди на любом уровне духовного развития могут соединиться в совместном и безмолвном созерцании, в поклонении трансцендентности, которую молящийся, при желании, может справедливо назвать Богом.

В этом разделе я попытался показать некоторые из способов, которыми каждый из приходящих на квакерское собрание может поддерживать свою внутреннюю жизнь, так чтобы его разум получал питание в течение недели, а также готовить себя к более полному вхождению в молчаливое богослужение квакерского собрания. Теперь нам следует рассмотреть вопрос, которым могут одинаково задаваться как вновь пришедшие, так и официально принятые в члены собрания Друзья. Когда бывает правильным нарушить молчание каким-либо устным служением, и какого рода высказывания могут быть наиболее полезны собранию?

5

ГОВОРИТЬ ИЛИ НЕ ГОВОРИТЬ

Когда много лет назад я впервые начал посещать собрание, одна пожилая квакер объяснила мне, насколько ужасно бывает взять на себя ответственность «нарушить молчание», сказав что-то на собрании. Для этого Друга, и здесь я с ней полностью согласен, уникальность квакерского собрания заключается в том, что оно состоит из людей, согласившихся участвовать в тихом,

совместном молчании, с определенной степенью риска, что я и пытался описать в этой книге. Полностью молчаливые собрания чрезвычайно полезны, если только их молчание – живое и творческое. «В объединенной неподвижности истинно «сплоченного» собрания присутствует сила, узнаваемая лишь на собственном опыте, и остающаяся тайной даже для тех, кто с ней знаком».(68)

С другой стороны, бывают собрания, на которых молчание не становится живым и творческим, а остается лишь простым отсутствием слов. Итог таких встреч кратко подвел Л. В. Ходкин: «Мертвое молчание никуда не ведет. Это не путь, а стена, преграда, запертая дверь».(69) Томас Грин описал эти два типа: «Есть живое молчание и мертвое молчание. На слух они могут быть одинаковыми, но для духовной восприимчивости существует глубокое различие».(70)

Не думаю, что нужно обладать особенно высокой чувствительностью, чтобы отличить живое и мертвое молчание; и все же я не разделяю позицию той пожилой женщины-Друга, которая придавала настолько большое значение ужасающей ответственности за «нарушение молчания» каким-либо высказыванием. Мое небольшое расхождение с этими хорошо обоснованными взглядами происходит из того факта, что путь молчаливого богослужения, по своей сути, наиболее естественен. Оговорив эти небольшие условия, хочу подчеркнуть, что я действительно признаю лежащую на говорящего на собрании человека реальную ответственность за проявление подлинной чуткости к растущей жизни собрания.

Приветствие новым голосам

Самыми ценными на собрании бывают высказывания, которые честно отражают подлинный опыт и выражены в простой форме – это истинно, вне зависимости от возраста говорящего. Поскольку значительная часть этого раздела посвящена размышлению о трудностях, вызываемых неуместными высказываниями, я хочу для начала подчеркнуть, какую огромную пользу могут получить собрания от энтузиазма новичков, включая молодых людей, выросших в Обществе, а также и тех, кто раньше никак не был связан с Друзьями. Они привносят свежие взгляды на жизнь.

Как и сами Друзья, они пожелают откликнуться на дух собрания, но мы не хотим, чтобы их настолько ограничивало чувство ответственности за свое высказывание, что они не смогут произнести ни слова. Хотя на первый взгляд мы можем показаться довольно скучными, уважаемыми людьми, не приемлющими новые идеи, позвольте мне уверить читателей, что это впечатление обманчиво – я всегда поражался открытости Друзей.

В сегодняшнем Обществе присутствует огромное уважение и признание идеализма молодежи. Неустанный поиск, происходящий из искреннего любопытства будет воспринят старшими Друзьями как вызов и прививка новой жизни на собрании, конечно, если говорящий не пытается шокировать только ради самого шока. Я обнаруживаю среди новичков и молодых людей истинное наслаждение молчанием. Когда они говорят, их высказывания бывают краткими и уместными. В действительности, им хочется больше, а не меньше, молчания, и они смущаются, когда Друзья говорят слишком часто или слишком подолгу.

Опыт семнадцатого столетия

Обзор квакерской истории поможет рассмотреть предмет в перспективе. «Ведь нам неведомы абсолютно молчаливые собрания (на которых принято решение не говорить)», - сказал Исаак Пеннингтон о квакерстве семнадцатого века.(71) Он продолжает: «Но мы ожидаем Господа – либо ощутить его в словах, либо в молчании духа без слов, как ему будет угодно». Совершенно ясно, что ранние Друзья считали свои богослужения периодами времени, когда присутствующие ожидали Бога в глубочайшем спокойствии ума, в молчании, которое иногда продолжалось часами. Они всегда делали это в духе открытости, описанном Робертом Баркли, как «святое подчинение разума Богу... пока не смогут быть рождены слова, происходящие из Божьего духа».(72)

Мы также признательны Роберту Баркли за его указание на разнообразие людей, которые действительно говорили на собрании, поскольку «... свободной воле Бога предоставлено выбрать любого, богатого или бедного, слугу или хозяина, молодого или старого, мужчину или женщину».(73) Многие из этих «трудящихся и механистических людей, без какого-либо образования», так сильно повлияли на Роберта Баркли, что он написал: «Сердце мое часто разрывалось и смягчалось добродетельной жизнью, происходящей из мощного служения этих безграмотных людей».(74)

Согласно другому раннему квакеру Томасу Стори, их слова могли быть очень разными, что включало в себя «доктрину, толкование Святых Писаний, порицание, наставление в морали или что-либо, способствующее убеждению неверующих, утверждению колеблющихся, наставлению церкви и тела Христа и совершенствованию освященных в нем».(75) Поспешу добавить, что не считаю намерением Тамаса Стори провести идею о том, что все эти вещи должны проявляться на каждом собрании; он просто отмечал, какого рода предметы могут быть выражены в произносимых на собрании словах.

Для квакера семнадцатого столетия «нарушение молчания», хотя он бы не использовал этой фразы, означало говорить, только повинуясь мощному побуждению к этому со стороны духа Бога.

Период квиетизма

Между энтузиазмом начального периода квакерства и нашим временем находится не только значительное расстояние между общим пониманием хода вещей ранних Друзей и нашим отношением к жизни (см стр.53, - *английского текста, - прим. пер.*), но также и так называемый «квиетистский период» квакерской истории. Его семя уже присутствовало и в раннем квакерстве, поскольку мы обнаруживаем, что Исаак Пеннингтон писал: «Ибо человеку надлежит войти в свою нищету, принижение, в ничто, в молчание собственного Духа перед Господом, в отказ от всех своих Знаний, Мудрости, Понимания, Способностей, от всего, чем человек является, что он сделал или может сделать...» (76)

В восемнадцатом столетии эта тенденция развилась до экстремального положения, когда Друзья, выступающие на собрании, согласно Джону У. Грэхэму, «боролись с любой своей мыслью, любой своей целью ... в отчаянном усилии достичь Присутствия эти проповедники отбрасывали также все, что было хорошим в их личностях. Они принижали себя, свой разум и волю перед Господом.

Приглашение к служению должно приходиться как драгоценный Божественный дар без какого-либо усилия с их стороны. Они погружались в тишину перед Господом, становясь по возможности «Ничем, Ничем».(77) Тем не менее, я не порицал бы всецело «квиелистский период», поскольку это было бы несправедливым суждением; многое из того, что есть хорошего в современном квакерстве, возникло тогда. Однако, именно в тот период устное служение на собрании стало восприниматься как ужасающая ответственность за «нарушение молчания».

Восстановление баланса

Порядок вещей постепенно менялся, сначала под влиянием евангелического возрождения, потом – и с еще более важными последствиями – с возобновлением ближе к концу девятнадцатого века отношения, более тесно привязанного к истокам квакерства. Таким образом, Общество восстановило баланс между словами и молчанием на богослужении. Теперь перед нами стоит задача посмотреть на существующее сегодня положение и спросить: «Как возникают высказывания на наших собраниях?».

Американский квакер Томас Р. Келли, который написал «Свидетельство преданности», один из классиков подобной литературы нашего времени, сказал в другом месте: «... слова должны не нарушать молчание, но продолжать его. Ибо Божественная Жизнь, которая проявлялась посредством молчания – та же самая Жизнь, которая теперь выражается через слова. И когда подобные слова поистине произносятся «в Жизни», тогда, по их окончании, молчание и богослужение продолжают *непрерывными*, ведь молчание и слова были одной природы, единым целым».(78)

Поскольку оставшаяся часть этого раздела будет посвящена связанным с устным служением вопросам, в настоящий момент кажется правильным отдать дань тем верным Друзьям, которые приходят на собрание регулярно, но никогда не говорят. Тем не менее, они вносят огромный вклад в молчаливое богослужение своим глубоко собранным спокойствием. Они кротко, терпеливо воспринимают устное служение других Друзей, вне зависимости от того, помогает им оно или нет, что служит примером для всех нас и указанием на то, как негативные высказывания могут быть, благодаря такому позитивному восприятию, преобразованы в благословение для целого собрания.

Как я ранее заметил, всякий может говорить на квакерском собрании, если высказывание отвечает растущей жизни собрания. В Обществе нет выделенных служителей, хотя с ранних времен Друзья, за которыми была замечена очевидная способность к высказываниям в «служении», признавались «Публичными Друзьями» или «Записанными Служителями». Эта практика была прекращена Лондонским Годовым Собранием в 1924 году с надеждой на то, что более широкое число Друзей сможет в большей степени ощутить ответственность за высказывания на собрании. Так было подчеркнуто признание современными Друзьями важности устного служения, хотя они и продолжают, подобно любому раннему Другу, высоко ценить и уважать молчание, из которого возникает речь.

Отвечая жизни собрания

В этом разделе и еще несколько раз в других местах этой книги я использовал слова, как «только если это делается с чуткостью в отношении растущей жизни и духа собрания», чтобы объяснить свое утверждение о том, что высказываться на собрании может любой человек. В противовес этому, читатели заметят, что в цитатах из источников семнадцатого века явно провозглашается, что те, кто говорили, делали это в результате «ожидания Господа» или «в святом подчинении разума Богу». Первые квакеры были одинаково убеждены в том, что произносят слова «от духа Божьего». Я намеренно использую другую терминологию, хотя мне известно, что существуют современные Друзья, которые без малейшего колебания использовали бы язык, в значительной мере схожий с языком Друзей семнадцатого века, но я также знаю, что есть и другие, у кого это вызвало бы серьезные затруднения. Тем не менее, даже они, разумеется, признали бы что высказывание на молитвенном собрании имеет особенное значение и требует особого отношения.

Я надеюсь на то, что все Друзья могут обрести единство в общем описании религиозного опыта, сделанном мной в этой книге. Имеется в виду способ видения нашего совокупного опыта и его интерпретация в терминах трансцендентности этого опыта, что взывает к молитвенному чувству и религиозной преданности. «Ибо богослужение – неотъемлемая часть естественной человеческой религиозности», - говорит Питер Бергер. Он добавляет: «В богослужении снова и снова реализуется прототипический жест религии. Это жест, который человек делает в надежде достичь трансцендентности».(79) Я также надеюсь, что Друзья смогут принять интерпретацию, которую дал Святому Духу Гарри Уильямс: «Дух – это мы сами в глубине своего существа ... это место, где я неразличимо сливаюсь с Богом». (80) И в ответ на чувство трансцендентности в нашем глубочайшем существе появляются высказывания на собрании.

Высказывания в начальный период собрания

В начале каждого молитвенного собрания все присутствующие соединятся друг с другом, отправляясь в совместное внутреннее путешествие. Может оказаться, что в группе присутствует человек, невероятно чувствительный к невидимому, молчаливому, неосознаемому процессу, который сам пройдет так быстро и так далеко в направлении глубокого, неподвижного центра, что сможет несколькими краткими словами поддержать или усилить движение к такой же глубине в других. Но лично для себя я чувствую, что только лишь ошеломляющее чувство уверенности в том, что это необходимо сделать, в соединении с большой осторожностью и подлинным смирением, может оправдать высказывание в начальный период собрания, до того, как оно явно станет глубоко сплоченным. Эта точка зрения находит поддержку у Томаса Грина, который сказал: «думаю, в идеале, служение должно помогать медитации, что по-моему, в любом случае, нормально на позднем этапе молитвенного собрания». (81)

Одним возможным исключением бывает предложение произносимой вслух молитвы, что иногда оказывается весьма ценным в начальный период собрания. Хотя я не буду отрицать возможной ценности подобной молитвы, мне все же кажется, что даже такое высказывание должно произноситься с величайшей чуткостью и осторожностью.

Предыдущие параграфы иллюстрируют проблему описания содержания и временных рамок высказываний на богослужении. Очень легко попасть в ловушку предположения о том, что

существует определенная последовательность, которой должно придерживаться каждое собрание. Из-за присущей квакерскому собранию спонтанности такой последовательности быть не может. Я могу, например, представить себе обстоятельства, в которых какое-то высказывание в начальный период собрания может быть уместным. Из-за той же самой спонтанности трудно избежать риска показаться авторитарным, пытаюсь перечислить подходящие идеи и слова.

Использование языка

Мне представляются наиболее полезным общим руководством следующие комментарии Кэйтлин Блисс, хотя они и написаны в совершенно другом контексте. Ее слова поражают меня свежестью и силой, поскольку исходят не от квакера. Она пишет: «Если язык – инструмент творчества, тогда мы должны смело использовать его, чтобы описывать себе и другим все, что кажется нам истинным и подлинным. Дисциплинируя это использование, привнося в него необходимую экономию и искренность, мы проверяем свою жизнь, обнаруживая, что ограничивает и что расширяет наше знание и практику истины и любви. Если мы открыты возможностям языка, мы будем чуткими к его использованию другими людьми, признавая, что другие могут говорить о глубоко религиозных темах и без использования традиционного языка».(82)

Устное служение на квакерском собрании не нуждается в выражении на каком-либо общепринятом духовном или религиозном языке, поскольку мы – дети своего века, и должны обязательно думать и говорить в опыте, формах мысли и словах нашего времени. Тем не менее, нашим высказываниям необходимо отражать опыт и идеи, которые для нас действительно важны, потому что мы прожили их, размышляли над ними, обдумывали как можно глубже и, таким образом, приняли их для себя.

То, что мы говорим, должно всегда обладать внутренней способностью превзойти обычный человеческий опыт, при этом оставаясь его частью, но все же указывая на большее измерение и видение жизни. Повседневный язык почти всегда бывает резким, хотя нам знаком и смех.

Вопросы к себе

Каждому, кто чувствует потребность высказаться, следует принять дисциплину задавать себе вопросы, прежде чем открыть рот. Основной целью этих вопросов будет выяснение причины, по которой он хочет говорить. Мне приходят на ум вопросы такого рода: « Будут ли опыт или идея, которыми я собираюсь поделиться со своими товарищами по богослужению, способствовать чуткости жизни собрания и помогать ему достичь осознания трансцендентности? Поможет ли мое высказывание передать ощущение трепета, удивления, восхищения, хвалы и благодарности – утверждение великолепия и доброты жизни, ее высшей цели в любви и истине?

Подобные позитивные высказывания всегда будут обладать способностью достигать разума и чувств некоторых, если не всех, людей в собрании. Произнося свое послание, говорящий может узнать нечто, подобное опыту, очень хорошо описанному Томасом Келли: «Когда в таком (сплоченном) собрании кто-то поднимается, чтобы говорить, у него бывает ощущение что *его используют*, на нем играют, через него говорят». (83)

У нас может возникнуть побуждение отрицательно ответить на предложенные мной вопросы, если мы вспомним слова Томаса Грина, когда он сказал, что считает «испытанием христианской выдержки обязанность слушать проповедь о каком-либо аспекте морали спустя несколько минут после погружения в молитвенное молчание». (84) Если то, что мы собираемся сказать в какое бы то ни было время на собрании, окажется испытанием христианской выдержки кого-либо из присутствующих, скорее всего наше высказывание не было нужно! Все, что отдает саморекламой или своекорыстием, либо имеет характер полезной информации, об обладании которой нам хотелось бы сообщить людям – должно заставить нас, мягко говоря, сильно усомниться в уместности такого высказывания. Согласно прочно установившемуся обычаю, каждый человек на одном собрании говорит только один раз. Практически невозможно представить себе ситуацию, когда отступление от этой проверенной временем традиции было бы оправданным.

Как я отмечал ранее, дары опыта и восприятия, которые мы приносим на собрание, бывают очень разными и могут служить источником огромного духовного обогащения. Это, конечно, включает многие уровни интеллектуальных и образовательных достижений, и наличие у некоторых из присутствующих разнообразия возможностей вербализировать свои мысли и идеи. Обществу необходимо постоянно предотвращать анти-интеллектуальное смещение, признавая ценность вдумчивых высказываний, способных с точностью прояснить религиозную проблему. Примером того, что я имею в виду, может быть служение Друга, чье глубокое познание Библии освящает все происходящее на собрании, чья фразеология никогда не бывает высокопарной или в каком-либо смысле условной; он говорит как хорошо информированный ученый и глубоко чувствующий человек. Также, к сожалению, истинно и то, что интеллектуально одаренные Друзья могут считать себя обязанными говорить слишком часто и подолгу, неосознанно приобретая привычку «думать вслух» на собрании. Если у такого Друга явно имеется что-то конструктивное для высказывания, это может быть не так вредно, как в том случае, когда Друзья в меньшей степени оправданно ощущают у себя интеллектуальные наклонности. Тогда их неудачная привычка «думать вслух» вырождается в «хождение вокруг да около» и почти всегда – весьма пространное. Уверен, что такие Друзья обычно не сознают, что делают. Но любому Другу будет полезно дисциплинировать себя, и вспомнив последние несколько собраний, в которых он участвовал, спросить себя, как часто и насколько долго он говорил. Л. В. Ходжкин написал мудро. В многословном собрании «каждый друг, который чувствует себя призванным подняться и произнести длинную речь, должен спросить себя, как можно более пытливо, нельзя ли передать послание меньшим количеством слов или даже посредством собственно его (или ее) личности в полном и доверительном молчании». (85)

Говорить слишком много

Некоторые из моих читателей могут почувствовать, что я делаю слишком большой упор на моменте излишнего многословия и бесполезного служения. Самое поверхностное знакомство с квакерской историей, в соединении с обобщенным опытом современных собраний, печально являет ошеломляющее свидетельство о том, что большее число собраний страдает от многословия, нежели от недостатка в высказываниях. Если бы только нам всем учесть совет, данный Джорджем Фоксом в его *Послании* 150, написанном в 1657 году. «Не превосходите меру Духа Божьего и не угашайте его; ибо когда он угашается, он не может испытывать вещи. Итак, если

у кого есть, что сказать, в жизни Бога встань и скажи, если только это будут Два или Три слова, и снова садись». (86) Но даже современники Фокса были невнимательны к его совету, поскольку Томас Стори записал в своем дневнике о собрании, на котором он присутствовал: «Было столпотворение ... по большей части не проходило и одной минуты между окончанием одного свидетельства и началом другого – непристойность, которая мне всегда не нравилась. (87) В терминах, подобных словам Джорджа Фокса, Самюэль Баунас написал спустя сто лет: «Как ты начинаешь с Духом, так и держись его в продолжении и завершении своей речи, и это не позволит тебе утомить твоих собратьев, заставляя их желать твоего молчания». (88)

В Послании Джорджа Фокса, которое я только что цитировал, он советует Друзьям «не угашать Дух, ибо когда он угашается, он не может испытывать вещи». Несомненно Фокс имел в виду такого рода служение, в котором присутствует что-то от Ветхозаветных пророков, чувствовавших себя обязанными, как это делали и сами первые Друзья, «провозглашать День Господень». Весь квакерский опыт подтверждает, что на молитвенных собраниях временами Друзьям случается с абсолютной уверенностью и с позиций своего собственного опыта ощущать, что то, что они собираются сказать, скорее всего, потревожит спокойную атмосферу собрания, если только они будут честными. Ведь чтобы быть искренними, высказывания на собрании должны выражать не только радующее, утешающее, прекрасное и хорошее в нашем опыте, но также и то, что истинно, и хотя такие высказывания часто бывает радостными, они могут быть и неудобными, поскольку задевают наше самодовольство и бросают нам вызов. Оглядываясь на прошедшие годы, я признаю силу, пользу и ценность подобного служения, которое приводит собрание к более глубокому ощущению трансцендентных ценностей.

Ловушка ролевой игры

Также оглядываясь назад, я со всей откровенностью признаю, что иногда чувствовал такого рода требование в отношении самого себя, и надеюсь, что воспринимал это со смирением. Я также верю в то, что страх стать непопулярным никогда не будет удерживать Друзей от таких высказываний. Но с той же самой откровенностью мне следует заметить, что я помню случаи, когда сам становился жертвой пророческого синдрома, попадая в ловушку ролевой игры в «квакерского служителя» и высказываясь, если и не совсем неистинно, то ради удовольствия слушать собственный голос и наблюдения драматического эффекта, который мои слова оказывали на собрание. На мгновение появляется ощущения могущества, но оно быстро сменяется неприятным чувством игры и неискренности. Это деликатная тема для обсуждения, потому что всех Друзей по праву поощряют ощущать свою ответственность за устное служение. Я с радостью признаю, что с великой преданностью и часто дорогой для самих себя ценой, большое число Друзей с чуткостью откликается на это поощрение и приносит пользу своему собранию. Нам следует, тем не менее, помнить, насколько тонка, на самом деле, грань между этим творческим откликом и деструктивным, ведь у всех нас существует сильная склонность осуждать других за их идеи, отношение и поведения, за счет чего мы весьма успешно повышаем свою самооценку.

В одном из предыдущих разделов этой книги я сказал, что наиболее прискорбным состоянием, в которое может скатиться собрание, является состояние спорящего общества. Ничто так не способствует установлению подобного положения, как это делает выступление со служением, затрагивающее политику и очень противоречивые вопросы. У людей, приходящих на собрание,

как правило, бывают строгие убеждения по этим вопросам, и подобное служение почти наверняка породит дух противоречия и спора в их умах. Люди могут оказаться достаточно дисциплинированными, чтобы не возражать тому, что было сказано, но, все равно, вскипающий в них дух противоречия, неизбежно будет проникать в чуткую атмосферу собрания.

Как нам помочь спасти самих себя и защитить свои собрания? Здесь я могу говорить только от себя лично. Если я чувствую, что меня охватывает пророческое рвение, или же возникает искушение выступить в роли «квакерского служителя», тогда мне представляется необходимым взывать к своей совести и разбираться в собственных мотивах еще внимательнее, чем всегда. Одним из «стоп-сигналов» для меня (хотя, боюсь, что я не всегда им следую) будет хоть малейшее ощущение того, что я собираюсь кого-то поправить. В подобных случаях бывает еще труднее принять решение говорить или не говорить, потому что бывают случаи, когда высказанная точка зрения явно, хотя часто и непредумышленно, бывает неверной; честность и правдивость требуют ее исправления. Но такое служение нуждается в самой требовательной самопроверке, величайшей духовной чуткости и максимально осторожном выборе слов, чтобы в результате найти нечто конструктивное и развить это. И снова нам могут быть полезны слова Джорджа Фокса. «Кому молчать и кому говорить, - пишет он, - внимайте тому, где находится Наблюдающий, и где Молящийся, они – в Свете, в том, который заставляет молчать Плоть, ведь слова в нем исходят от наблюдения. А потому, познайте наблюдение, прежде чем говорить». (89)

Поучающее служение

Подобное самокритическое наблюдение всегда представлялось мне применимым и в нескольких других направлениях. Время от времени, можно услышать, как, в особенности, пожилые Друзья стремятся вернуться к блаженным дням поучающего служения. Должен признаться, что я никогда не понимал, что под этим подразумевается, но я воспринимаю эту фразу, как обозначающую устные служения, которые содержат инструкции о природе квакерской интерпретации христианской веры, и особенно, ее доктринальных аспектов. На первый взгляд, это может показаться вполне достойным предметом, но на практике можно настолько легко впасть во что-то очень похожее на проповеди или мини-лекции – именно то, от чего Баркли предостерегал Друзей семнадцатого столетия в своем образном высказывании «составленный и собранный материал». Я пишу с волнением, поскольку на протяжении нескольких лет участвовал в собрании, где весьма регулярно тот же самый Друг в одно и то же время каждое воскресенье в буквальном смысле давал собранию урок. Его угрожающий тон не улучшал ситуацию, к тому же он намекал на то, что мы явно плохо слушали его на прошлой неделе, и считал своим долгом повторяться снова. Некоторые из его высказываний были блестящи, поскольку он обладал хорошим научным умом, но дух и намерение, с которыми он говорил, уничтожали для многих из нас конструктивные части его служения.

Все зависит от отношения и намерения, в которых выдержано поучающее содержание. Если служение отвечает духу собрания и предложено таким образом, что углубляет чувство трепета, восхищения и осознания трансцендентности – тогда оно может быть творческим и ценным, и будет обращаться к присутствующим в их состоянии, так что их «умы будут накормлены». Если же, напротив, скрытым мотивом будет использовать собрание в качестве своего рода лектория и, положившись на восприимчивость аудитории, давать инструкции по квакерству, христианству

либо какой-либо другой религии или философии, тогда, почти наверняка, высказывание не будет уместным, и, скорее всего, оно воспрепятствует росту созерцания и богослужения – молчаливого аккомпанемента путешествия в глубокий внутренний центр.

С проблемами поучающего служения тесно связано чтение вслух на собрании Библии или других подобных книг. Ничто не может оказаться более созидательным для духа глубокого богослужения, чем краткое чтение нескольких стихов из Библии, когда они выбираются в ответ на растущий, всеобщий дух собрания. Но очень часто библейское чтение, сопровождаемое, как правило, не совсем полезным комментарием, кажется внедряемым в собрание, а не происходящим из него. Подобное неестественное использование Писаний отчасти возникает из-за того, что не все Друзья знакомы с ними так хорошо, как это было когда-то. Впечатление того, что отрывок был подобран заранее, появляется потому, что означенный Друг не может повторить его по памяти (что было старым квакерским идеалом использования Писаний на собрании) или затрудняется найти отрывок, который ему хотелось. Итак, я вновь попросил бы себя или любого другого квакера быть особенно самокритичным, ощутив побуждение почитать из Писаний. Одно из наихудших использований Библии было продемонстрировано несколько лет назад на собрании, которое я тогда посещал. Если возникала «опасность» полностью молчаливого собрания, одна из старейшин обязательно читала отрывок из Исайи, просто чтобы какие-то слова были произнесены, особенно в случае присутствия новичков. Ей недоставало понимания того, что одной из радостей для пришедшего в квакерство искателя бывает открытие простоты и красоты молчаливого пути богослужения.

Советы и вопросы

Раньше или позже вновь пришедший на квакерское собрание увидит, как кто-нибудь читает из «Советов и вопросов». Они входят в число избранных произведений квакерской литературы и обновляются в каждом поколении всем Обществом, так что «Советы и вопросы» очень точно отражают корпоративные представления Друзей.

«Советы и вопросы» предназначены для использования в наших собраниях и для личного богослужения. Их применение будет отличаться в разных собраниях, в соответствии с потребностями членов. Как правило, бывает полезным организовать чтение «Советов и вопросов» на молитвенных собраниях в особые периоды, позаботившись о том, чтобы эти чтения не были жестко ограничены по времени». (90)

Инструкция *Церковного Управления* предоставляет гибкость в использовании «Советов и вопросов» на квакерском богослужении. На практике я ощущаю насколько тонка граница, отделяющая их конструктивное использование от негативного. Существует тенденция читать слишком много за один раз. По моему опыту, на собрании человек может воспринять только небольшое количество из того, что бывает прочитано. Кроме того, «Советы и вопросы» обычно читаются в начальный период собрания, в то время, когда, как я уже заметил, никакое устное служение, как правило, не бывает особенно полезным; впрочем, хочу напомнить своим читателям, что я также отметил, насколько они могут быть полезными, если предлагаются с великой чуткостью. Некоторые Друзья, как мне известно, считают чтение из «Советов и вопросов» вскоре после начала собрания очень полезным, поскольку это помогает направить их

молитвенное молчание. В целом, я должен сказать, что у меня не было такого опыта. И снова я могу лучше всего проиллюстрировать свою точку зрения случаем, когда как-то в воскресенье я добрался до собрания запыхавшись, но торжествуя, поскольку мне удалось не опоздать! Встречающий участников у двери Друг вручил мне брошюру «Советов и вопросов» и сказал, что я должен прочитать один конкретный отрывок. Я украдкой просмотрел текст, пока усаживался на собрании: по мере углубления молчания, мне все больше становилось ясно, что требуемый по порядку наших чтений отрывок не был созвучен растущей жизни на собрании в тот день. Я сидел спокойно и ждал, один или двое Друзей произнесли очень полезные высказывания. Содержание их слов еще в большей степени убедило меня в том, что текст, который меня попросили прочитать, не был подходящим; в то же самое время, я также пришел к убеждению о том, что совершенно другой отрывок будет максимально соответствовать состоянию собрания. Я прочитал этот отрывок, и, впоследствии, из сказанного мне Друзьями понял, что, видимо, правильно почувствовал тогда жизнь собрания.

Поэзия и гимны

Разбирая вопрос чтения на собрании, я хотел бы кое-что сказать об использовании поэзии. Здесь снова та же ситуация – стихи, которые человек глубоко воспринимает, и которые он может прочитать искренне и просто, без актерства и в соответствии духу собрания, могут быть весьма трогательными и полезными. На протяжении многих лет я получаю благословение от служения женщины-Друга, которая, благодаря своему знанию и пониманию Шекспира, оказывается в состоянии, используя его прекрасный язык, донести до нас глубину шекспировских откровений.

Тем не менее, иногда на собрании чтение или произнесение по памяти стихотворения не кажется полезным; так обычно бывает, когда Друг приносит с собой свой любимый сборник и зачитывает из него вслух одно из самых глубокомысленных произведений. Хотя для него оно может что-то значить, так как он с ним близко знаком, но собранию, скорее всего, трудно будет с первого раза воспринять это произведение. Это либо заставит собрание пуститься в интеллектуальную гонку за смыслом, либо будет раздражать тех из нас, кто вряд ли способен понять хоть строчку, либо, что хуже всего, побудит чтеца дать пространное толкование того, как он понимает смысл поэмы. Наверное, рассуждая о поэзии, вряд ли будет справедливо вспомнить здесь Друга, который время от времени, извлекал из кармана весьма неудачную книжку гимнов (некогда очень полюбившуюся Друзьям) и читал оттуда гимн. Так как он был Другом от рождения, и поэтому впитал в себя квакерскую традицию не готовить заранее материал для собрания, он всегда предварял свое чтение словами: «По странному совпадению сегодня утром я принес книгу гимнов и чувствую побуждение прочитать такой-то гимн». Тут он раскрывал книгу, извлекая закладку из выбранного места. Самым странным было то, что, хотя он вовсе не был хорошим оратором, его искренние, но неуверенные комментарии на эти, зачастую ужасающие, слова гимна действительно передавали чувство трансцендентности, поскольку были истинным выражением его подлинных и глубоких убеждений, что было бы намного более полезным без чтения гимна!

Упоминание гимнов естественно поднимает вопрос пения в собрании. Хотя временами гимны исполнялись на собрании всеми присутствующими Друзьями, обычно считается, что песнопения не полезны, в основном – потому что они требуют определенной степени планирования, а также

из-за самих слов, которые, возможно, смогут искренне пропеть не все Друзья. Время от времени кто-то из Друзей исполняет гимн без аккомпанемента, в качестве своего вокального служения. Недавно я присутствовал на ежедневном богослужении в Пендл Хилле. Собрание уже вошло в глубокое единение, когда одна женщина-Друг спела по-английски хорал Баха. Это было наиболее совершенным выражением жизни собрания. Но ведь она умела петь, а это не всегда свойственно Друзьям, предлагающим такое служение на собрании. Вспоминаю, что также в Америке во время моей предыдущей поездки туда, на собрание пришла девушка с гитарой. Позже она сыграла и спела, но в этом случае мне показалось, что, хотя она пела хорошо, все-таки ее выступление внедрялось в богослужение извне, а не возникало из глубокой жизни собрания.

Побуждение говорить

Рассмотрев различные виды выступлений на молитвенном собрании, и то, каким образом они возникают, мы теперь обдумаем, какие еще указания могут помочь узнать, когда нам следует говорить. Было и до сих пор остается широко распространенным мнение, что учащенное сердцебиение, которое сопровождает растущее прояснение в мыслях о том, что может быть сказано, служит верным признаком того, что это следует сказать. Хотя мне очень не хотелось бы принимать эту конкретную физиологическую реакцию за непогрешимое руководство к действию, я, в то же самое время, не собираюсь полностью игнорировать это мнение. Некоторые люди явно чувствуют, что такая реакция представляет собой полезное, хотя и некомфортное, указание на их ответственность. Я еще не встречал Друга, который никогда, ни в какие периоды своей жизни, не побывал бы в подобном состоянии. Первые квакеры видели в этом не призыв говорить, а отклик на внушающее трепет присутствие Бога.

С нашим сегодняшним знанием о воздействии выработки адреналина в кровяном потоке, как части естественного хода нашей подготовки к встрече с известной и неизвестной опасностью, мы стали менее склонны принимать данное физическое состояние в качестве позитивного призыва высказаться. Могу только сказать, что порой, когда мое сердце бьется сильнее всего, мне приходится признать, что мое высказывание было, определенно, не в жизни собрания, хотя в других случаях оно оказывалось в жизни собрания. Я ощущал подобные сердцебиения и в очень далеких от квакерских встреч ситуациях. Также истинно и то, что мне доводилось говорить на собраниях, иногда – конструктивно, а иногда – нет, и при этом я был физически совершенно спокоен.

Думаю, что можно понять, говорить или нет, выстраивая постепенно в уме картину возможного высказывания, одновременно проверяя ее такого рода вопросами, как я предложил ранее. Многие Друзья в этот момент обратятся за водительством к духовному опыту в глубине своего существа: «том месте, где Бог и я сливаемся неотличимо». Какую бы терминологию мы не использовали, нам захочется хранить свое зачаточное послание в спокойном, тихом центре, ведь, как сказал Джон У. Грэхэм: «... служение может возникнуть только из молчания, и выразить то, что происходит в молчании. Оно не может возникнуть вне нашего опыта, и оно может достигать его высоты». Ведь каждый, кто говорит на собрании, использует свои собственные слова, опыт и идеи, но будет говорить не только за себя, но от имени всех собравшихся вместе». (91)

Друг, которому я послал первый черновик этой книги, следующим образом прокомментировал свой опыт высказывания на собрании: «По мере приближения к тому, чтобы встать и начать говорить, не только учащается мое сердцебиение (как Вы говорите – это не достоверный признак работы Святого Духа), но я также чувствую усиление умственной активности – истинное волнение: столкновение мыслей, побуждение к действию, обретение нового понимания. Внутренний Свет становится почти физической реальностью. Он озаряет содержимое разума, а под разумом я понимаю в общем как чувства, так и мысли, и затем освещает уже целое – так что в нескольких редких случаях мне представилось целиком то высказывание, которое я собирался произнести, и мне не нужно было подбирать слова; они были «даны». Хотя я затрудняюсь описать свой собственный опыт в настолько живых терминах, я действительно узнаю в написанном этим Другом то, что происходит перед тем, как я говорю, и мне кажется, что это может быть истинным и для опыта других.

Отложенное служение

Я вспоминаю состоявшийся много лет назад разговор с мудрым Другом и коллегой, когда мы вместе придумали фразу «отсроченное действие служения». Эта идея представлена в более величественных терминах в «Христианской Вере и Практике». Мы имели в виду, что некая мысль может прийти к кому-то в любое время на неделе, причем человеку сразу становится понятно, что это – зародыш значимого послания. Чем больше он размышляет над своей, возможно, достаточно обыкновенной, мыслью, и видит, как она раскрывает религиозную интерпретацию в терминах трансцендентности, тем больше шансов того, что этот человек придет на собрание с великолепно подготовленным посланием. И тогда возникает очень сильное искушение говорить, пока мысль еще свежа в голове. Состояние собрания может показать, что именно так и нужно поступить. Но вполне может оказаться, что это не нужно. В данном случае необходима чувствительность и самодисциплина, помогающая воздерживаться от высказываний. Тем не менее, спустя недели или даже месяцы, может прийти момент, когда человек интуитивно поймет, что собранию нужно именно это, долго хранившееся у него послание.

Некоторые Друзья, которые слишком часто говорят на собраниях, делают это потому, что чувствуют нежелание других брать на себя часть ответственности. Я не отказываюсь от слов, которые сказал ранее о верных Друзьях, никогда не высказывающихся, но вносящих такой позитивный вклад своим молчаливым благоговейным присутствием, но можно выделить и другой тип молчаливых Друзей, которые обладают способностью говорить, но редко высказываются или никогда этого не делают. Возможно такому Другу следует спросить себя, не будет ли правильным откликом на жизнь собрания, если он время от времени станет высказываться.

Один из моментов, когда «нарушение молчания» осознается острее всего, происходит, когда кто-то на собрании говорит первым. Руководство по этому поводу представляется мне в точности подобным тому, что я обозначил, разбирая вопрос возможности говорить в начальный период собрания, плюс, конечно, обычные вопросы к себе, относящиеся ко всякому устному служению. Высказываясь после кого-то, человек получает, как минимум, тот показатель уместности своего высказывания, который связан с одним дополнительным и очевидным вопросом, а именно, будет ли то, что ему хочется сказать, расширением и завершением предыдущего служения. Или, наоборот, будет ли это началом новой линии мысли? В качестве общего принципа, я думаю,

можно сказать, что обычно бывает полезным, если последующее высказывание строится на предыдущем, развивая то, что было раньше; но в этом отношении нет никакого жесткого и устойчивого правила. Может оказаться, что предыдущие высказывания были в чем-то непоследовательными и бесполезными. Тогда хорошо бы попытаться направить служение в новом направлении, которое больше соответствует глубинной творческой жизни собрания. Этого можно достичь за счет пересмотра того, что уже было сказано, или поиска новой позитивной интерпретации. Это, конечно же, должно быть сделано с большой чуткостью. В некоторых собраниях в Америке, а кое-где и в Британии, у Друзей существует тенденция «отвечать на послания». Мне было бы трудно принять эту практику, отчасти – из-за того, что ответ дается довольно быстро, а отчасти – потому что он нередко состоит из повторной интерпретации послания теми словами, которые кажутся интерпретатору более подходящими, нежели слова говорившего раньше.

По моему глубокому убеждению, в том случае, если высказывания на собрании бесцельно блуждают среди многообразия несвязанных друг с другом тем, тогда собрание нельзя считать действительно сплоченным, даже если каждое из высказываний хорошо само по себе. Ведь собрания, как правило, получают то послание, которое они заслужили в свете качества сплоченного молчания, которое ими достигается, и на которое они откликаются. Даже в таком собрании человек, действительно нашедший свой внутренний центр, невзирая на все отвлекающие моменты, часто может оказаться настолько чутким к состоянию собрания, что будет способен несколькими, искренне прочувствованными и высказанными, словами привести самое разрозненное собрание к подлинному ощущению единства в его завершающий период. Но способность сделать это опирается на те условия, о которых я только что говорил; любое преднамеренное усилие притянуть собрание к единству, будет немедленно разоблачено.

Молитва вслух на собрании

В прошлые времена, да и сейчас такое не редкость, произнесенная вслух молитва могла быть самым эффективным средством помочь движению собрания в направлении глубокого единства. Я уже коснулся трудностей, с которыми связана для многих Друзей молитва, произносимая вслух на собрании, ведь в этом случае человек молится не только от своего имени, но и в смысле целого сообщества Друзей. В предыдущем разделе я упомянул новые способы восприятия молитвы, которые могут разрешить сомнения некоторых Друзей. До сих пор для очень многих Друзей молитва к Богу остается простой реальностью, и когда они молятся вслух на собрании, делая это искренне, их молитва может быть с благодарностью воспринята всем собранием, даже если некоторые из присутствующих сочтут такую форму служения неестественной для себя. Ведь молитва, воспринимаемая как заботливое и сострадательное мышление в свете трансцендентности человеческих ценностей, служит основой для единства. Это может быть усилено, если молитва также воспринимается как чувство естественной, радостной сопричастности друг другу во внутреннем молчании. В качестве конкретного примера того, что я имею в виду, могу привести ситуацию, когда все собрание стремится духовно поддержать одного из своих членов, заболевшего или только что потерявшего кого-то из близких. Каждый член собрания будет молиться за этого человека по-своему, что будет сильно отличаться у разных членов собрания. Но все они соберутся и будут поддерживать больного или скорбящего Друга, во-

первых – в тишине внутри себя, а во-вторых – в тишине центра глубокой жизни собрания. Таким образом, отличия их разнообразных концепций молитвы будут, в конечном счете, обогащающими, а не разделяющими.

То же самое верно и в отношении других произносимых на собрании слов, поскольку, как прекрасно сказал Пьер Лаку, «Если я всё-таки говорю, то лишь для того, чтобы общаться с теми душами, чьё молчание созвучно моему, и которые слышат Молчание Бога в моих словах. И если я опять говорю, то делаю это затем, чтобы побудить к молчанию готовые принять его души. Но я убеждён, что ни произнесённое, ни написанное слово никогда не может быть столь же драгоценным, как молчание. Ибо для души, пребывающей в молчании, сам Бог есть Молчание».

(92)

Повторное открытие молчания

Это был длинный раздел, потому что я чувствовал самую большую необходимость для Общества в том, чтобы снова открыть уникальность своего молчаливого способа богослужения. Такое восстановление означает честное восприятие проблем, связанных с многословием на собрании. В этом разделе я только слегка затронул творческие и полезные виды молитвенных высказываний, потому что комментарии на эту тему были даны подтекстом в написанном мной в других разделах. Некоторые Друзья, особенно – члены наших многочисленных маленьких собраний, могут ощущать, что вместо попыток уменьшить высказывания, им бы хотелось получить совет о том, как к ним пробуждать. Мне известны проблемы маленького собрания, где члены настолько хорошо знают друг друга, что могут довольно точно предсказать, на какого рода высказывание способен каждый из них. Я убежден, что если подобные маленькие группы готовы посвятить себя эффективному использованию творческого, живого молчаливого исследования внутренней жизни, это может быть величайшей надеждой на полное возрождение поразительного факта квакерского богослужения. Существует несколько способов, которыми более широкое сообщество Друзей способно оказать им помощь, и об этих способах я расскажу в следующем разделе.

6

КВАКЕРСКОЕ СООБЩЕСТВО

Подобно любой человеческой группе общество Друзей создало свой собственный «внутренний» язык, способный привести в замешательство новичка, а также неумышленно заставить его почувствовать себя слегка посторонним. Там, где это только возможно, я стараюсь избегать квакерского жаргона или объяснять его, если он оказывается необходимым. И все-таки я подозреваю, что множество подобных специфических слов просочилось в написанное мной, потому что я насколько привык к этим словам, что просто их не замечаю. Так, я использовал слово «собрание» только в отношении богослужения, но, на самом деле, это слово, а также связанные с ним слова, используются у Друзей в нескольких различных значениях. Одно из самых широко распространенных значений этого слова относится к группе людей, которые связаны с квакерским

молитвенным собранием в каком-то месте. Слово «собрание» может быть также использовано в более точном смысле – для обозначения тех людей, которые вступили в члены Общества и принадлежат к определенному собранию. Оно также может означать членов конкретного собрания, встретившихся для рассмотрения своих дел и принятия решений. Так, после завершения молитвенного собрания можно услышать следующее объявление: «Собрание решило провести публичное собрание, чтобы познакомить жителей нашего района с квакерской верой и практикой». Существуют и другие варианты использования этого слова, которыми нам не обязательно сейчас заниматься.

Что мне действительно хочется рассмотреть в данном разделе, так это собрание в качестве сообщества людей, центр жизни которого находится в квакерском богослужении – молитвенном собрании, но которое также существует как сообщество внутри более широкого сообщества – общества в целом. Невозможно представить себе группу Друзей и других людей, которые собираются на совместное богослужение, но при этом не поддерживают никаких связей друг с другом в дальнейшем. Хотя слово «сообщество» в его прямом значении может быть применено к собранию только в общем смысле, все же на практике его содержание совершенно прозрачно. Качество богослужения напрямую зависит от степени, в которой собрание способно становиться истинным сообществом любящих друг друга и заботящихся друг о друге людей, и одновременно не замыкаться на самом себе, но быть открытым для окружающих; и, наоборот, качество собрания как сообщества напрямую зависит от его молитвенной деятельности.

Когда квакеры, наконец, определились со своим официальным названием – Религиозное Общество Друзей, одним из доводов в пользу этого выбора было то, что они чувствовали себя друзьями, собранными в сообщество, которое основано на религиозном взгляде на жизнь и делает один из своих практических акцентов на обычной человеческой дружбе. Но им, ни в прошлом, ни в настоящем, не оказывалось достаточным быть просто друзьями, поскольку Общество поощряет своих членов «узнавать друг друга в том, что вечно». Под этим подразумевается, что им следует признавать друг в друге готовность быть взаимно открытыми, встречаясь на самых глубоких уровнях жизни, так, как я это описал ранее. Это не значит, что каждому Другу следует вовлекаться в глубокие личностные взаимоотношения с каждым из остальных Друзей; помимо прочего, это было бы и невозможно из-за ограниченности человеческого времени и энергии. Это также не означает, что каждому Другу будут обязательно одинаково нравиться все остальные Друзья, ведь вкусы и интересы бывают очень разными. Но это, действительно, означает, что каждый Друг верен чувству любящей заботы о самом глубоком благополучии своих ближних Друзей, а также разделяет с ними убеждение в том, что такого рода взаимоотношения, оставаясь неотъемлемой частью человеческого существования, всегда превосходят его, указывая на подлинное значение и смысл жизни.

Взаимозависимость богослужения и жизни

Можно легко заметить, насколько важный вклад вносит в квакерское молитвенное собрание основанное на данном идеале сообщество. Во-первых, это достигается на практике тем, что члены собрания ходят на богослужение регулярно и, таким образом, формируют ядро молитвенного собрания, что обеспечивает начальную и значимую общую основу для отправной точки и растущей жизни собрания. Но квакеры ходят на свои собрания, прежде всего, не из чувства долга,

а потому что им этого хочется. Ведь на собрании они, тем особым образом, который я уже описал, втягиваются в глубокое общение друг с другом, интерпретируемое ими в религиозном смысле как единение с жизнью, любовью, истиной и Богом. Поэтому молитвенное собрание и квакерское сообщество взаимосвязаны друг с другом – нельзя отделить одно от другого. Это не значит, что никто не может извлекать огромную пользу из квакерского богослужения, если только он одновременно не включится в жизнь квакерского сообщества в целом. Тем не менее, если человек действительно намерен обрести свой духовный дом в Обществе Друзей, тогда, как я полагаю, в дополнение к участию в собрании, он также захочет быть вовлеченным в жизнь местного квакерского сообщества до определенной степени, которая варьируется от человека к человеку,.

Но в чем же состоит местное сообщество? В разных собраниях обстоятельства сильно отличаются. На них определенно оказывает влияние окружающая реальность: например, собрания в больших городах и их пригородах или собрания в провинциальных городах и сельской местности, где члены могут жить на очень большом расстоянии друг от друга. Время от времени, на всем протяжении истории Общества, а так же и в наши дни, некоторые группы Друзей селятся в маленьких коммунах, но это исключение из правил. Большинство Друзей обитает со своими семьями в отдельных домах, а одинокие люди находят самые разные варианты проживания. Относясь, в большинстве своем, к среднему классу, Друзья ничем не отличаются от других в выборе места для своей жизни. Существует мнение, что квакерская жизнь и богослужение особенно подходят людям интеллектуального склада. Мне не кажется, что это верно, ведь, хотя квакерство, по общему признанию, действительно привлекает таких людей, оно также интересно и многим другим людям, в особенности, тем, кому нравится религиозная свобода и самостоятельное мышление. Благодаря тому, что Друзья подчеркивают свое видение религии, как образа жизни, квакерство привлекает людей, которым нужна практическая вера. И оно по праву называется религией «сделай сам».

Дружба

Как же, тогда, можно называть сообществом подобную слабосвязанную группу людей? По моему убеждению, ключ к квакерскому сообществу содержится в двух словах: дружба и общение. Одна из очевидных черт для каждого собрания – пропитывающая его жизнь всеобщая атмосфера тепла и дружбы. Многие члены собрания устанавливают между собой хорошие и, в частности, близкие личные отношения, получая удовольствие от компании друг друга в обычном человеческом общении и повседневных радостях. На собрании эти дружбы обычно переплетаются с другими дружбами. Ясно, что людей будут особенно привлекать друг к другу общие интересы, хотя группам следует сознавать опасность обособления и замкнутости. Но такая дружба не носит исключительного характера, и всякий, пожелавший этого, новичок, быстро включится в группу, с которой, в первую очередь, почувствует свою близость, и мало помалу он будет узнавать все больше и больше людей в собрании.

Подобно тому, как Друзья не считают достаточным ограничивать поверхностным уровнем дружбу в своей среде, они также не захотят останавливаться на поверхностной дружбе с заинтересованными новичками. Ведь они убеждены в том, что подлинные личные отношения способны освободить и действительно выводят людей из узкого и ограниченного образа жизни в

полноценный и радостный образ, где они могут быть по-настоящему живыми. В этом смысле, новичок может дать Друзьям не меньше, чем они дают ему, и неудивительно, что они так радостно его приветствуют. Избегать поверхностности, вовсе не означает впадать в помпезность. Напротив, это ведет к подлинной жизни, где можно найти истинное счастье, радость и удовольствие, поскольку люди обретают уверенность в том, чтобы быть полностью самим собой через свою взаимосвязь с другими. По какой-то странной причине квакеры часто воспринимаются общественным мнением как люди хорошие и добрые, даже излишне, но, в то же самое время, по сути своей безрадостные и лишенные чувства юмора. Некоторые квакеры, конечно, слегка таковы, но в общем-то они обычно скорее радостные, отзывчивые, последовательные и любят людей.

Нам следует бережно поддерживать квакерскую традицию использовать свои дома в качестве мест дружбы и гостеприимства. Современные условия, со многими людьми, живущими поодиночке в маленьких квартирках, или когда только один из членов семьи квакер, не согласуются с прежней традицией открытого гостеприимства, но каждый Друг, у которого есть условия, чтобы пригласить членов собрания или новичков к себе домой, может оказать невероятную помощь квакерскому сообществу. И еще одна современная проблема – опасение того, что, отправившись навестить Друга, можешь найти хозяина полностью поглощенным его любимой телепрограммой. Собрание, время от времени, организует социальные мероприятия в разного рода домах собраний или дома у местного Друга. На всех подобных встречах новичку будут очень рады.

Общение

Общение – мое второе ключевое слово, раскрывающее характер квакерского сообщества. Друзья убеждены, что один из самых важных путей к открытию Бога лежит через их взаимоотношения друг с другом. Общество Друзей это сознает, как показывает часть тринадцатого Вопроса, которая спрашивает: «Признаете ли вы присутствие Бога в каждом, принимая, что это может проявляться необычным или труднопонятным образом» (93) [*в современном издании «Советов и вопросов» номер 17, - прим. перев.*] Один из способов искать Бога в людях – быть внимательным и чутким к их потребностям. К сожалению, так легко бывает ошибочно принять посылаемые другими сигналы за знаки доверия, в то время как, на самом деле, это знаки отчаяния.

Я осознал важность способности правильно определять подаваемые другими людьми сигналы, когда прочитал стихотворение Стива Смита «Не машущий, а тонущий». Оно описывает человека, который заплыл на глубину. Люди, которые это наблюдали, думали, что он забавляется и машет руками из бравады. Осознав свою ошибку, они винули холодную воду, поразившую его сердце.

О, нет, нет, нет она всегда была холодной,

(А мертвец все лежит, жалуюсь)

Был я так далеко всю свою жизнь

И не просто махал руками, а тонул. (94)

Одна из причин проводить квакерское собрание всем вместе в настоящей дружбе – то особое значение, которое придается Обществом личным взаимоотношениям. Эта общая забота делает реальной идею квакерского сообщества, где можно увидеть подлинность и практическое приложение наших идеалов. Это также означает, что сообщество, которое через своих членов пересекается с не-квакерскими группами, взаимопроникая с ними, служит продолжающейся в повседневной жизни подготовкой к молитвенному собранию, где яснее всего фокусируются и интерпретируются сигналы трансцендентности. Квакеры серьезно воспринимают Новозаветный призыв к ранним христианским общинам: «Дети, любите друг друга», а также и тот факт, что языческий мир, в котором они находились, свидетельствовал: «Посмотрите, как эти христиане любят друг друга». Определенно, если богослужение значимо, оно должно, как минимум, находить отражение в любящих проявлениях жизни практикующего его сообщества.

Квакерские группы

При всей своей свободе и гибкости, квакерское сообщество не лишено простых структур, которые добровольно принимаются членами собрания для укрепления его жизни. Несколько раз в этой книге я отмечал, что обсуждение, разногласия и споры, а также, до определенной степени, даже и наставление, неуместны на богослужении, но для них находится другое время. Согласно своему размеру и потребностям членов, местное собрание организует разнообразные группы для удовлетворения собственных нужд. Большинство собраний, время от времени, проводят группы обучения и обсуждения. Такие группы могут сильно различаться по своей тематике, которая охватывает любые вопросы, начиная с изучения Библии, квакерской веры, жизни и истории, вплоть до текущих вопросов социальной и политической заботы: местной, национальной и международной. В этих группах будет приветствоваться свежий взгляд новичка, а он, в свою очередь, приобретет ценное понимание квакерского подхода к жизни.

Кроме этого, многие собрания организуют маленькие группы в частных домах, что может оказаться в практическом смысле особенно полезным для новичка. Благодаря неформальной обстановке этих групп, он может почувствовать себя в них лучше, чем в большом собрании. Тот факт, что они предоставляют возможность встретиться с людьми в расслабленной социальной атмосфере, также дает новичкам шанс задать интересующие их вопросы о квакерской вере, практике и богослужении.

Кстати, там, где это только возможно, новичка следует поощрять посетить близлежащие собрания, где ему будут рады, а он расширит свое понимание квакерского богослужения, наблюдая, как оно практикуется еще одной группой Друзей. Я часто ощущаю, что новичку может потребоваться практическая помощь после посещения первых нескольких собраний, когда новизна такого рода богослужения для него исчерпается. Ему не следует бояться говорить о своих трудностях, а Друзьям не нужно стесняться проявить инициативу и спросить его с участием и ненавязчиво о том, как идет его встраивание в наш способ богослужения. Наилучшую помощь новичку можно оказать, отвечая на его вопросы откровенно и честно, а не стараясь ответить правильно, как это может показаться подобающим кому-то из Друзей.

Некоторые полезные эксперименты проводятся с группами общения, которые обычно называются группами общения в молитвенном духе, где, под руководством опытного Друга, участники могут

откровенно и свободно рассказать о своем опыте; это происходит в атмосфере богослужения, без каких-либо обсуждений. Такого рода группы, определенно, не для всех, но некоторые люди находят их по-настоящему полезными для себя и высоко оценивают значимость этих групп для помощи в решении личных проблем, обеспечения чувства поддержки, а также как способа интеграции в более широкое Общество, и особенно, в качестве возможности для лучшего использования молитвенного собрания.

В Обществе есть Друзья, которые воспринимают, как свое особое назначение, молитву за тех, кто болен; в любом конкретном собрании или местности, где находится достаточное количество таких Друзей, они собираются все вместе, как молитвенная группа, ставящая перед собой эту особую задачу.

Хотя я желаю Обществу быть особенно осторожным с радикальными изменениями квакерского способа богослужения, мне, тем не менее, представляются необходимыми эксперименты по изменениям. Маленькие группы, подобные только что описанным мной, кажутся мне идеальной средой для опробования новых подходов к квакерскому богослужению, их можно организовывать в дополнение к обычному молитвенному собранию, но не в качестве его замены. В такие эксперименты может быть включено использование музыки и театра, а также элементы других видов христианского и даже нехристианского богослужения.

Углубление духовной жизни

То и дело слышно, как кто-то из Друзей говорит о своем желании углубить духовную жизнь Общества. Среди практических способов достижения этой цели – маленькие группы, подобные тем, которые я только что описал, плюс более широкие региональные конференции, где выходные дни целиком могут быть посвящены размышлению об одном конкретном вопросе. Одним из признаков возрождения квакерства служит развитие практики совместного выезда на выходные Друзей и других людей (с обеспечением заботы и о детях) из крупного региона.

Должно быть, уже стало ясно, что я, в общем, разделяю заботу о большей глубине духовной жизни, иначе бы я не написал книгу с двойной целью, а именно: рекомендация квакерского способа богослужения, как значимого для современных людей, а также поиск путей к лучшему использованию молчаливого богослужения. И все же, способ, которым выражается это желание более глубоких качеств духовной жизни, часто наводит меня на мысли о том, не стремится ли, призывающий к этому Друг, возможно, и неосознанно, найти своего рода «духовную формулу», которая, будучи однажды открытой, быстро приведет все Общество к большей глубине. Здесь таится опасность, ведь я склонен думать, что подобное отношение к жизни часто бывает неосознанной попыткой избежать естественного, хотя и крайне трудного, пути поиска глубины через повседневную жизнь и восприятия своего опыта, как подлежащего толкованию в терминах трансцендентности. Следование этому пути, разумеется, должно сопровождаться обязательством проживать наши повседневные жизни в свете видения трансцендентности.

Когда меня охватывает жажда духовности, которую я позже определяю как ложную, это всегда происходит из-за того, что я пытаюсь уклониться от предъявляемых ко мне требований оставить свою гордыню и принять необходимость примирения с конкретным человеком. Учитывая это, я не

могу удержаться от замечания о том, что некоторых Друзей, сильнее всего настаивающих на углублении духовной жизни, часто подводит в их собственном поведении такое отношение к людям, которое мешает им жить в любви, сочувствии, восприимчивости и понимании других. В подобных обстоятельствах, моей и их обязанностью будет откликнуться на уже имеющиеся возможности практики любящих взаимоотношений, которые предоставляются самим существованием квакерского сообщества.

Друг, серьезно воспринимающий свое участие в Обществе, будет, насколько это возможно, использовать все те многие доступные ему возможности чтения и изучения квакерской, христианской и другой религиозной литературы. Такие материалы он найдет в библиотеке дома собраний или в библиотеке Дома Друзей и Вудбрука. В дополнение к этому, он может пользоваться публичной библиотекой и огромным числом брошюр на религиозную, философскую и связанные с ними темы, а также получать новое видение из художественной литературы и современных романов. Он может продолжить расширять свое мировоззрение, разумно используя телевидение и радио. Подобным образом, он может делать свои чувства более тонкими через просмотры фильмов и театральных постановок, слушая музыку. Для друзей и новичков одинаково важно использование всего этого для расширения своего кругозора, а не для концентрации лишь на тех аспектах, которые подкрепляют наши предубеждения. Многие группы обучения основаны на разделяемых участниками предубеждениях! Но, в конечном счете, именно трансцендентное качество жизни человека, достигнутое отчасти и через эти занятия, убедит окружающих Друзей в подлинности его призыва к более глубокой духовности, побуждая их добиваться этого для самих себя.

Старейшины и наблюдатели

Обществом признается, что некоторые из его членов обладают особенной чувствительностью к качествам жизни собрания и его членов, способствующим развитию его глубочайшей духовной силы. Друзья, по общему признанию обладающие такой чувствительностью, назначаются Старейшинами, которые в наше время исполняют свое служение на протяжении трехгодичных периодов. На них возложена особая ответственность за религиозную и духовную жизнь членов собрания, и старейшины делают все возможное для обеспечения ее развития. У них есть похожая ответственность (разделяемая всеми Друзьями) и за собственно молитвенное собрание. Именно к старейшинам Друзья и новички могут обращаться за советом и консультацией, не только по религиозным вопросам в общем, но и в частности – за руководством и одобрением по поводу таких предметов, как высказывания на богослужении. Общество благодарно за любящую заботу и преданность, с которыми многие из этих Друзей выполняют свои обязанности.

Непредвиденным и несчастливым последствием прекращения практики записи служителей стала растущая тенденция назначения Друзей старейшинами из-за их полезных высказываний на собрании. Другие, назначенные на это же служение, стали чувствовать себя обязанными регулярно говорить на богослужении. Следует обязательно помнить, что на старейшинах лежит ничуть не больше ответственности за высказывания на молитвенном собрании, чем на всех остальных Друзьях. Вторая связанная со старейшинами негативная тенденция – слишком сильный акцент на отрицательной стороне их обязанностей. Можно слышать, как кого-то призывают к порядку старейшины, что, попросту говоря, означает замечания, пусть даже очень тактичные, по

поводу высказываний на собрании. Третий негативный фактор (обнаруженный анкетой по богослужению, разосланной членам Комитетом Домашнего Служения Друзей) состоит в том, что нередко сами старейшины и оказываются теми Друзьями, которые говорят на собрании слишком часто и слишком подолгу.

Также существует идея, хотя она и абсолютно неправильна, о том, что назначение в качестве старейшины является признанием долгого и преданного служения собранию; и, как следствие, если назначение не возобновляется, это наносит ужасный удар по самооценке переставшего быть старейшиной Друга. По завершении периода служения многие мудрые старейшины просят освободить их от исполнения этой обязанности хотя бы на какой-то период времени, чтобы сделать перерыв в служении. Старейшины не обязательно должны быть пожилыми. Требуемые дары чувствительности, мудрости и понимания можно обнаружить в Друзьях самого разного возраста.

Другие Друзья назначаются наблюдателями, которые заботятся о практической жизни квакерского сообщества и играют в нем очень важную роль. Обе эти группы Друзей ощущают свою особую ответственность за потребности маленьких собраний своего региона, которым мы сейчас должны посвятить внимание.

Маленькие собрания

Многое из того, что я сказал в этом разделе, легко применимо к большим собраниям, но не так уж легко – к маленьким собраниям, чьи несколько членов настолько сильно заняты поддержанием выполнения минимальных требований квакерской организации, что у них не остается времени участвовать в дополнительных группах. И здесь им могут оказать помощь более широкие структуры Общества, и особенно – регулярными посещениями таких собраний чуткими к их трудностям Друзьями, посещениями в духе заботы. Я был в восторге от рассказа Томаса Грина о его посещении крошечного провинциального собрания (это не вошло в запись его Суортмурской лекции). Поднимаясь по дорожке к дому собраний, он заметил двоих других «весомых» Друзей из соседних собраний, которые тоже были преисполнены заботой о посещении. Как сказал Том: «Я знал, что начнется соревнование за то, кому из нас троих говорить первым». После самого короткого, из всех возможных, промежутка времени, Друг А поднялся и произнес длинное и, очевидно, заранее подготовленное обращение. Не смотря на всю ораторскую мощь, Другу А все-таки пришлось перевести дыхание, и пока он это делал, Друг Б вскочил на ноги со словами: «Друг А, ты использовал свою возможность, а теперь моя очередь». Затем, обращаясь к присутствующим трем местным Друзьям, он добавил: «А если будет говорить Томас Грин, не обращайтесь на него внимания – он унитарий!».

Эта не лишенная юмора история наглядно демонстрирует квакерские человеческие слабости, и показывает, как не надо посещать маленькие собрания. Рассказав о трудностях, с которыми они сталкиваются, я должен признать тот факт, что одним из лучших собраний, в котором я когда-либо участвовал, было маленькое собрание, и я постоянно поражаюсь той жизнеспособности, которую можно обнаружить во многих из них. Члены маленьких собраний больше стараются навещать друг друга дома, и часто они в своей деревне или городке вовлекаются в более здоровые

отношения с другими не-квакерскими группами, нежели члены больших собраний, которые склонны быть самодостаточными.

Один из самых трудных вопросов, на который сложно ответить, относится к идеальному числу участников квакерского молитвенного собрания. Мнения на этот счет бывают очень разными, и это было подтверждено ответами на анкету, о которой я ранее упоминал. Хотя, по общему признанию, двое Друзей, встретившись вместе, могут провести подлинное квакерское собрание, было также отмечено, что для регулярной группы, состоящей из менее, чем восьми, Друзей, квакерское богослужение будет несколько трудным; но подобная точка зрения всегда сопровождалась замечаниями о том, что все зависит от того, станут ли эти Друзья действительно сплоченными, будут ли они любить друг друга и заботиться друг о друге. Идеальным количеством кажется что-то между 20 и 50, но Друзьям явно не хочется догматизировать эти цифры.

Число, превышающее 50, считается слишком большим, хотя один Друг сказал: «Чем больше, тем лучше». В общем, почти все согласилось с тем мнением, что размер идеальной группы должен быть таким, чтобы все участники знали друг друга; один из Друзей добавил, что идеальной группой будет та, в которой каждого участника видно и слышно.

Значение дома собраний

Кажется, наступил момент, когда правильно снова поднимать вопрос о том, следует ли квакерам тратить деньги на строительство новых домов собраний или приспособлять для нужд квакерского собрания другие помещения. И здесь опять существуют разные мнения, некоторые Друзья чувствуют, что правильное решение – развивать идею «домашней церкви», собрания которой проводятся дома у Друзей. Другие находятся в замешательстве, поскольку, хотя они чувствуют, что тратить деньги на строительство домов собраний, и особенно – изысканных, это не по-квакерски, тем не менее, им понятна значимость для собрания собственного пространства. Такой позиции придерживаются члены собраний, которые арендуют помещение для своих встреч.

Исходя из своего собственного опыта популяризаторской деятельности, я не сомневаюсь в том, что, если мы хотим, чтобы к Обществу присоединялись новые люди, нам не следует делать общим правилом их приглашение на собрания в частные дома. Это указывает на необходимость каких-то публичных помещений. Мои наблюдения за превалирующей позицией Друзей показали мне, что Друзья считают возможным тратить деньги на строительство новых домов собраний или приспособление для нужд квакерского собрания других помещений, поскольку это – вложение в духовное будущее Общества. Они сознают, что учитывая современные расценки на строительство, никакой тип здания не будет дешевым. Поэтому, им хочется получить, по возможности – более экономичные, варианты домов собраний, которые могут использоваться на неделе для самых разных социальных и общественных целей, как квакерских, так и не-квакерских, а по воскресеньям – для молитвенных собраний. Существует растущий интерес к помещениям, в которых есть место для постоянного проживания зрителей домов собраний. Идея о том, что квакеры могут на экуменической основе использовать помещения совместно с другими религиозными организациями, вызывает некоторый интерес, но, в настоящее время, ее вряд ли можно назвать общей заботой, разделяемой всеми Друзьями.

Участие в экуменическом движении

Это упоминание экуменической основы побуждает меня сделать несколько комментариев об отношении Общества Друзей к другим ветвям христианской церкви, в том что касается богослужения. Во-первых, Общество Друзей несет ответственность и перед церковью в частности, и перед человечеством в целом, за сохранение своей конкретной и уникальной формы богослужения, основанной на живом растущем молчании. Некоторые Друзья склонны считать, что квакерское богослужение может быть обогащено сдвигом в христианском направлении, благодаря принятию практики причастия хлебом и вином в символическом повторении Господней Вечери. На мой взгляд, это полностью изменило бы природу квакерского богослужения, которое в своей существующей простой форме по-настоящему священо и жертвенно; ведь оно всегда подразумевает священную и жертвенную природу любви, воплотившейся в том, как Иисус встретил собственную смерть в качестве высшего сигнала трансцендентности. Одна из важных причин, по которым Друзья не практикуют внешние ритуалы, и в частности – Вечерю Господню, состоит в том, что достигнув глубокого единства на своих молитвенных собраниях, они всегда ощущали присутствие живого духа Иисуса Христа рядом с собой и не видели причин для внешних знаков его присутствия.

Это тихое, неструктурированное присутствие позволяет людям, для которых были бы препятствием формализованные ритуалы, найти свой путь в значимое для них богослужение. Учитывая сильный акцент на экуменическом движении, присутствующий во всех ветвях церкви, я ощущаю призыв к двоякому изменению в традиционном квакерском подходе к внешним ритуалам. Во-первых, мы, квакеры, должны перестать довольствоваться своим суждением о них, как о необязательных «подпорках», которые, если принять приписываемый Фоксу совет Уильяму Пену о его мече, практикующий ритуал христианин должен «носить, пока он только может носить»! Вместо этого неясного квакерского мнения, нам следует признать, что использование внешних ритуалов нашими братьями-христианами – это значимый акт богослужения, столь же реальный и эффективный, как и любое квакерское собрание, и мы должны относиться к ним с уважением и почтением. В то же самое время, мы должны строго соблюдать наш традиционный отказ от использования ритуалов в собственных собраниях. Второе требуемое изменение в квакерской позиции, по моему ощущению, касается следующего момента: когда Друг или новичок высказывают пожелание принимать какую-то форму Святого Причастия в дополнение к своему регулярному участию в квакерском богослужении, они вольны делать это, и не нужно заставлять их чувствовать себя виноватыми или своего рода второсортными квакерами. Я полагаю, что эти два изменения квакерских взглядов могут представлять собой трудность для наших братьев-христиан, поскольку я, во-первых, прошу их признать, что квакерское богослужение – это значимый ритуальный акт, духовно исполняющий то, что интерпретируется как желание Иисуса и его последователей. Во-вторых, я прошу, чтобы не крещеный в воде квакер был допущен к принятию Святого Причастия, если только он этого пожелает. Многие церкви уже согласны на такое, другие – нет. Пока эти изменения у квакеров и наших братьев-христиан еще не произошли, не может быть, на мой взгляд, полного включения Друзей в экуменическое движение.

Я понимаю, что изменения отношения, о которых я прошу, также представляют значительное затруднение для Общества Друзей, которое всегда считало, что дар Божьей благодати не зависит от внешних и видимых знаков, применяемых получившим особый религиозный статус священством, которое до сих пор включает, в основном, лишь мужчин. Но и квакеры в своем богослужении не полностью лишены внешних и видимых знаков: таковы, например, их подчеркивание равенства вкладов в молитвенное собрание мужчин и женщин, необходимая простота их домов собраний, а также использование молчания. Изменения позиции многих из наших братьев-христиан в отношении природы ритуалов имеет большое значение для помощи квакерам в принятии ими взглядов, которые я предложил.

Типы богослужения

Я верю, что церковь в целом должна обеспечивать, по меньшей мере, четыре типа богослужения, которые, для соответствия потребностям и темпераментам современных людей, следует открыть для всех пытающихся жить в духе Иисуса. Кратко говоря, это: 1) католическая традиция богослужения, что должно включать и Высокую англиканскую церковь; 2) свободная церковная традиция, что включает Среднюю и Нижнюю англиканскую церковь; 3) богослужение с духовными проявлениями пятидесятнических и евангелических групп; и 4) молчаливое не-литургическое или непрограммированное богослужение. Что было бы абсолютно губительным, так это – двигаться в сторону слияния христианских богослужений, пытаюсь удовлетворить все вкусы за счет смешивания всех этих традиций.

Данная книга, как я уже сказал, была написана в Америке, и нельзя не признать, что в этой стране многие квакеры (на самом деле – большинство из них) не практикуют описанную мной форму молчаливого молитвенного собрания. Вследствие исторических, географических и социальных причин, которые мне не хочется сейчас подробно описывать, среди американских квакеров в девятнадцатом веке развилась проводимая пасторами программированная форма богослужения. Она расцвела и распространилась по многим частям мира, благодаря миссионерскому рвению этих Друзей, так что количественно существует намного больше Друзей, которые, вместо традиционного молчания, используют программированное богослужение с музыкой, гимнами, чтением, молитвами и подготовленным посланием или проповедью.

Я всецело восхищаюсь христианской преданностью этих квакеров, а также тем, как они осуществляют на практике многое из традиционного квакерского свидетельства. Я также признаю их собрания-службы как значимые акты поклонения Богу; но, в то же самое время, мне трудно избавиться от ощущения, что они могли бы еще больше отвечать потребностям своей паствы, если бы, наряду с программированным богослужением, вновь приняли бы традиционную для Друзей молчаливую молитву.

Дети на собраниях

Одно из самых замечательных качеств программированного вида квакерства – это забота о детях. В любом сообществе Друзей дети занимают важное место, и всякое квакерское собрание сильно

выигрывает от их присутствия. Но как они откликаются на молчаливое богослужение? Было время, когда квакерских детей брали на собрание, и они должны были сидеть там от начала и до конца. В возрасте 13 лет Риченда Гарни не сомневалась в своих ощущениях. В своем дневнике за воскресенье 24 декабря 1797 года она пишет: «Мне нечего сказать об этом дне, поскольку нет ничего, что стоит упоминания. День прошел плоско, тупо, без какой-либо пользы и абсолютно повоскресному. Я провела на собрании четыре часа! Мне никогда не захочется снова увидеть эту гадкую дыру». (95)

Современные Друзья намного более разумны в отношении детей и богослужения. В наше время обычным бывает (как я уже ранее упоминал) участие детей в начальном и заключительном периодах собрания, а время их присутствия, как правило, составляет от десяти до пятнадцати минут. Я строго придерживаюсь мнения о том, что детям следует приходить в конце, а не в начале богослужения. Ближе к своему завершению, собрание бывает наиболее глубоким и сплоченным, поэтому дети ощутят воздействие молчаливого богослужения в его лучшем проявлении. Они, ни в коем случае, не бесчувственны к его невидимой власти и с готовностью откликнутся на нее. Обычным доводом против моей позиции бывает то, что появление на собрании группы маленьких, подвижных детишек вызывает ненужное волнение. На это я могу ответить, что, если собрание глубоко сплочено, оно бывает способно быстро растворить любую помеху в своем глубоком молчании.

Причина, по которой мне не так нравится присутствие детей в начальный период собрания, состоит в том, что оно еще не достигает своей глубины, и дети ощутят лишь процесс встраивания. Кроме того, у некоторых Друзей бывает сильное искушение заговорить с детьми, что я считаю, в любом случае, нежелательным, поскольку тогда высказывание будет предложено в начале богослужения, когда это обычно не бывает полезным, и вряд ли оно будет связано с растущей жизнью собрания. Дети обладают странной способностью распознавать отличие живого служения от слов, искусственно вводимых в собрание для их пользы. Вот почему мне кажется, что Друзьям следует избегать намеренного обращения к детям на собрании, ведь это обычно означает – говорить с детьми сверху вниз. На самом деле, для каждого, кто высказывается на собраниях, бывает превосходной дисциплиной стараться использовать понятные детям слова, но все-таки обращаться к состоянию всех присутствующих, потому что приходящие из глубины слова по-настоящему просты.

Важно включать детей и подростков в жизнь собрания, устанавливая с ними дружеские отношения. Единственное замечание, которое я хочу здесь сделать касается полноты их участия в богослужении. Старшие Друзья всегда бывают рады, если молодые люди, которые выросли на собрании, постепенно становятся его частью в качестве уже взрослых членов. И бывает грустно, если происходит обратное, и молодежь редко появляется на собрании или вообще не приходит. Я уверен, что нам не стоит об этом беспокоиться, и определенно не стоит, скрыто или открыто, заставлять их приходить. Когда они, как и всякий Друг или аттендер, вновь появляется после долгого периода отсутствия, многие благонамеренные Друзья зачастую приветствуют их шутивными словами, типа «Как приятно тебя видеть – уже почти не помню, как ты выглядишь!». Тем, к кому так обращаются, становится понятно, что они попали в категорию отсутствующих и посторонних, и они, возможно, почувствуют себя виноватыми. Поэтому не придирайтесь, но ограничьтесь простым дружеским приветствием. Такого же рода неудачные замечания часто высказываются в адрес молодого человека, который впервые заговорил на молитвенном

собрании. Обрадованные старшие Друзья часто бывают склонны ошарашить молодого человека похвалой или благодарностью, которые его смущают. Если то, что он сказал, было полезным, просто отметьте это и больше ничего не добавляйте.

Один последний комментарий о молодежи и Обществе: когда я был членом Центрального Комитета Молодых Друзей, мы обсуждали вопрос, постоянно появляющийся в повестке дня этого комитета: «Почему к Обществу не присоединяется большее число квакерских детей?». Эдгар Каствл, в то время директор школы Литон Парк, мудро заметил, что нам следует ждать, пока человек не достигнет, по меньшей мере, 30 лет, прежде чем прийти к заключению о том, что он или она будут бесполезными для Общества. Мое наблюдение за происходящим полностью подтверждает его комментарий.

Квакерские свадьбы

Существуют три особые формы, которые может принять квакерское богослужение, и которые имеют отношение к собранию как к сообществу. Здесь я хочу ограничить свои комментарии ролью молчания в них. Первая форма – это квакерские свадьбы. Специальное молитвенное собрание назначается для заключения брака, который «... всегда расценивался Друзьями, как религиозное, а не просто светское, соглашение». (96) Это – единственный случай, когда на квакерском богослужении требуется произнесение установленного набора слов. Вступающие в брак дают друг другу следующие обещания: «Друзья, я беру в жены такую-то, обещая, с божьей помощью, быть ей любящим и верным мужем, на всю нашу жизнь на земле». (97) Женщина дает подобные обещания. Квакерские браки признаются законом. Исходя из нашей задачи, важно заметить тот факт, что они, в отличие от имеющих обобщенное направление обычных молитвенных собраний, преследуют определенную цель. И, хотя свадебные богослужения открываются таким же периодом погружения всех присутствующих в молчание; их путешествие во внутреннюю сторону жизни бывает окрашено знанием того, что во время собрания двое людей официально станут мужем и женой. Квакеры всегда признавали, что пара вступает в брак в присутствии Бога. Собравшиеся Друзья не венчают жениха и невесту, а встречаются для молитвенного свидетельства этого счастливого, но также и торжественного события. В самой глубине существа вступающих в брак – в тихом и неподвижном центре – происходит это объединяющее действие. И в том же самом месте Друзья соединяются с ними в молитвенном сочувственном мышлении и благодарности за их радость и будущее счастье и свершения. Мне всегда казалось, что те, кто стали свидетелями такого важного события, должны ощущать свою ответственность не только за конкретную пару, но также и за все остальные знакомые им семейные пары, обещая сделать все возможное, чтобы откликнуться на их просьбу о поддержке, в какой бы то ни было форме.

Естественно, квакерские бракосочетания – это такие события, когда многие из присутствующих, возможно, никогда раньше не бывали ни на каком собрании Друзей. Конечно же, очень интересно бывает узнать их впечатления от этого мероприятия. Снова и снова эти посетители, в основном – молодежь, говорят о своем восхищении естественной красотой, достоинством и простотой церемонии квакерского бракосочетания, а также о своем ощущении его значимости.

Квакерские похороны

Квакерские похороны – это еще одно событие, многие из участников которого никогда не были на молитвенном собрании, и их отзывы бывают примерно такими же, как отзывы о свадьбах. Квакеры никогда не считали похороны только лишь периодом скорби, хотя они будут чуткими к чувствам близких умершего, понесших невосполнимую потерю. Друзья воспринимают похороны как время, когда может быть выражена благодарность за проявление Божьей милости в жизни покойного. Такое отношение может быть усилено квакерским убеждением в том, что подлинные жизненные ценности выходят за рамки времени и пространства и имеют качества вечности.

Широко распространившееся использование кремации внесло изменение в модель квакерских похорон. В прежние времена гроб вносили в дом собраний и короткое молитвенное собрание проводилось перед погребением, которое часто производилось на территории кладбища рядом с домом собраний.

В наше время обычно семья и несколько Друзей соединяются на квакерском богослужении в крематории. Позже может быть проведено поминальное собрание в доме собраний. Особое назначение собрания влияет на характер богослужения, хотя, как это обычно бывает на квакерском собрании, происходит спокойное погружение в тишину. В произносимом служении важно избегать восхваления умершего, следует пытаться искать в его жизни сигналы трансцендентности, которые указывают на вечные ценности, дающие жизни ее смысл и значение. И снова здесь на всех присутствующих лежит ответственность продолжать свои молитвы об утешении и поддержке в осмысленные, доброжелательные и обоснованные действия, которые продолжают помогать потерявшим близких отважно встретить свою новую жизнь и приспособиться к новым обстоятельствам.

Квакерское деловое собрание

Третья и последняя форма квакерского богослужения, в которой молитвенное собрание тесно связано с жизнью квакерского сообщества, - это богослужение, как важнейшая часть деловых встреч. Такие встречи могут проходить на местном, региональном или общенациональном уровне. Снова нашей единственной заботой будет рассмотрение реальной роли богослужения на этих собраниях. Они все будут открываться периодом тихого ожидания, во время которого может быть предпринято корпоративное путешествие к спокойному центру, где только и возможны принятие правильных решений. И вновь назначение данных собраний влияет на проводимое ими богослужение, поскольку они обусловлены практическими вопросами, требующими выработки единого решения. Квакеры принимают свои решения без голосования, поскольку квакерские деловые собрания скорее теократичны, нежели демократичны, что достигается за счет предоставления всем присутствующим свободы выразить свою точку зрения, если они чувствуют к этому побуждение. То, как они выражают свою точку зрения, будет похоже на то, как возникает служение на обычном молитвенном собрании. Мы стараемся высказываться не на поверхностном уровне ума, но из глубокого центра жизни. Конечно, следует соблюдать разумные пропорции в делах, поскольку существуют решения, которые могут быть приняты быстро и легко, без глубокого рассмотрения на собрании. Но будут и другие решения, настолько важные, что они потребуют самого тщательного исследования всей глубины вопроса, и даже когда это бывает предпринято, собрание может оказаться не в состоянии достичь единства. В подобных случаях мудрость и опыт Общества советуют не принимать решение – бывает лучше отложить действие, нежели идти на

компромисс, принимая положение, которое не отражает осознанного и прочувствованного всеми в глубине жизни собрания единства. По долгому опыту, мне стало понятно, что крайне неразумно делать догматические заявления о квакерском поведении; тем не менее, я готов быть догматичным в том, что, если решение попирает чувства и строгие убеждения большого числа присутствующих, тогда рано или поздно окажется, что оно ошибочно.

Невзирая на тот факт, что квакерские деловые собрания проводятся на основе продолжающегося богослужения, Друзьям не чуждо ничто человеческое, и время от времени у них происходит то, что американцы выразительно именуют «стычками». В такие периоды может возникнуть дух противоречия, который быстро разрушает атмосферу богослужения. В подобных случаях клерк обычно призывает к периоду молитвенного молчания. Учитывая то, что уже было сказано мной о природе квакерского богослужения, бывает интересно и даже удивительно наблюдать, как тихая, спокойная пауза может порождать истинное стремление к единству, часто приводящее к достижению реального единства. Затем обязанностью клерка будет записать найденное решение в форме протокола, оно может быть улучшено и окончательно принято, так что решение по данному вопросу признается Друзьями за волю Божию. И это удается чаще, чем не удается. Но деловые собрания Друзей, подобно их богослужениям, порой не дотягивают до идеала. Я уже говорил, что самое худшее состояние, в которое может впасть молитвенное собрание – это деградация до уровня бедного спорящего общества. Наихудшее состояние, в которое может впасть квакерское деловое собрание – это принятие решения по спорному вопросу, выродившееся в ситуацию крикливого большинства. Под этим я подразумеваю, что, прочитав запись протокола, которая явно не принимается несколькими серьезно обеспокоенными присутствующими Друзьями, клерк позволяет большинству собравшихся выкрикивать что-нибудь одобрительное. В таких обстоятельствах собрание теряет свой глубокий центр, и по-моему будет честнее отложить решение, нежели использовать голоса большинства, как при голосовании, что неприемлемо для Общества, поскольку это – метод, с помощью которого большинство может грубо попирать мнение меньшинства. В любом случае, я уверен в том, что такие методы не нужны; ведь благодаря своему терпеливому, спокойному и продолжительному поиску в глубине, всякий квакерский опыт указывает на возможность достижения поистине единого решения. И я согласен с тем, что это самым серьезным образом проверяется в поразительном факте квакерского богослужения.

Всякая подлинная квакерская деятельность берет начало в молчаливом поиске и жизни квакерского богослужения, и Общество всегда терпело неудачу в тех редких случаях, когда деятельность не рождалась из этой глубокой жизни, а бывала вызвана давлением какой-то группы. Случается так, что истинная квакерская деятельность зарождается вне нормальной деловой структуры Общества и, в конечном счете, становится общепринятой, поскольку ее истоки были явно укоренены в жизни глубокого центра. Такое, тем не менее, следует считать скорее исключением, и Общество поступает мудро, стремясь проводить свои решения через механизм, установленный им на местном и региональном уровнях – в Подготовительных, Месячных и Общих Собраниях, а также через Собрание в Поддержку Страждущих и Годовое Собрание – на общенациональном уровне.

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ КВАКЕРСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Некоторые Друзья способны вспомнить детали своего первого участия в квакерском собрании. Хотя я не помню, когда и где я впервые был на богослужении Друзей, у меня сохранились живые воспоминания о том собрании, которое я начал посещать регулярно.

Оно проводилось в довольно неприятном помещении: комната для собраний была мрачной и обветшалой. Мы сидели на расшатанных стульях, которые скрипели при малейшем движении. Само место оставляло не много надежды на то, что те, кто там молился, смогут уловить проблеск Божественного образа. Оно составляло явный контраст с роскошью англиканских церквей, к которым я привык, где через величественный ритуал живо изображалась красота святости.

Тем не менее, именно в этой мало обещающей обстановке я узнал то, что могу описать только как удивительную реальность квакерского богослужения. Именно в той неудобной комнате я обнаружил путь к внутренней стороне своей жизни, в глубоком центре которой я узнал, что я не одинок, и что меня поддерживает любовь, превосходящая всякое понимание. Эта любовь была явлена мне, прежде всего теми, кто молился со мной. Ведь мое странствие было не одиноким, но предпринятым совместно с друзьями, поскольку мы двигались друг к другу и вместе путешествовали вовнутрь. И все же я знал, что любовь, которая поддерживала меня, не могла быть ограничена нашей взаимной любовью и заботой друг о друге. Она была знаком трансцендентного, направлением за собственные пределы, к источнику всей жизни и любви.

В этой обыкновенной комнате группа обычных людей молча вступала в новое измерение, в котором повседневность преображалась и возносилась, когда мы обнаруживали глубины любящего единения, бесконечного и вечного по своим свойствам. Это достигалось совместным ожиданием в тишине и неподвижности, без помощи подготовленных служителей, ритуалов или программированного богослужения.

Среди нас присутствовало замечательное чувство свободы, поскольку мы не были связаны догмой или ограничены негативной стороной символов веры. В то же самое время, нас поддерживало сильное ощущение уверенности в том, что жизнь имеет смысл и цель. Наш опыт привел нас к представлению о том, что основой смысла и цели жизни была любовь.

Опыт можно описывать на многих уровнях и по-разному интерпретировать. На самом низком уровне его можно воспринимать как человеческую деятельность и выражать на мирском языке. На самом высоком уровне в нем можно разглядеть божественный прорыв, описываемый трансцендентным или религиозным языком. В группе присутствовал широкий спектр взглядов и подходов. Индивидуальный опыт был самым разнообразным. Между противоположными краями спектра, казалось, должно было возникать противоречие; и, тем не менее, в тихом и спокойном центре мы обрели единство, а не конфликт.

Некоторые люди на собрании естественно говорили о силе работающего в молчании духа, пожиная плоды ... «любви, радости, мира, доброты, благости, преданности, кротости и самообладания». (98) Кто-то говорил о присутствии среди нас Христа, передавая силу его искупительной любви. Кому-то казалось более естественным использовать неличный язык и говорить о потоке сознания или подобных этому вещах.

Диапазон интерпретаций не отличался от представленного Алистаром Ки и Питером Бергером, чьи книги я ранее цитировал. Первый из них видит в Христе раскрытие пути трансцендентности,

подлежащее описанию в чисто светских терминах. Второй же ищет сигналы трансцендентности, с помощью которых современное общество может вновь открыть сверхъестественность.

Врата трансцендентности

В той убогой комнате присутствовала вся жизнь, которая воскресеньем за воскресеньем в молчании преображалась во врата трансцендентности. Сообща мы знали простое счастье жизни. Вместе мы проходили моменты отчаяния и депрессии, когда истина, любовь и доброта, казалось, были стерты злом внутри нас и в окружающем мире. Но как бы ужасны ни были те черные периоды «... океана тьмы и смерти», мы, подобно Джорджу Фоксу, также видели «бесконечный океан света и любви, который затопил океан тьмы». (99) И также, подобно Джорджу Фоксу, мы видели во тьме и свете «бесконечную любовь Бога». Ведь все мы смотрели на наш мир и чувствовали потребность интерпретировать его суть, как любовь. Этой интерпретации мы посвятили себя и старались жить в ее свете.

Опыт моего первого знакомства с квакерским богослужением не оказался обманчивым. Он вновь и вновь повторялся в других бесчисленных собраниях. Иногда я встречался с Друзьями и другими людьми, которые чувствовали, что передавать основы интерпретации религиозного опыта лишь словами любви слишком легко и просто. Они говорили, что религия требует, прежде всего, нашего послушания. В ответ я могу сказать лишь то, что по-настоящему глубокая любовь к другому человеку – самое трудное требование, которое может быть нам предъявлено. Оно превосходит все обязательства закона и морали и нуждается в отклике всей нашей личности. Это дорогостоящая и жертвенная деятельность, истинная природа которой была показана смертью Иисуса на кресте.

Чем больше мы с любовью отвечаем другим людям и принимаем их любовь к нам, тем больше становится наша способность любить. Это невероятное свойство любви, имеющее созидательный характер, побуждает нас видеть в ней смысл, истину и реальность жизни. Так мы обнаруживаем, что тепло откликаемся на развивающееся осознание природы Бога, записанное на страницах Библии и достигающее своей кульминации в прямом новозаветном заявлении о том, что Бог есть любовь.

Квакерство представляет, по сути своей, эмпирический, а не теократический подход к религии. Квакеры приближаются к ней не через доводы о трансцендентности любви или существования Бога, но благодаря своей позиции, в которой они могут быть открытыми для получения опыта. Поэтому жизнь Общества Друзей можно увидеть в повторяющейся активности богослужения. Здесь квакеры вновь подтверждают значимость любви и, благодаря молчаливому пребыванию в присутствии этой любви, ощущают присутствие Бога не как теорию, а как реальный факт. Мне вспоминаются слова Уильяма Темпла, противопоставляющего свой опыт слушания музыки опыту участия в молитвенном собрании. После концерта он хотел, чтобы его не беспокоили, и чтобы он мог продолжать наслаждаться музыкой. После богослужения ему хотелось быть с людьми, чтобы поделиться с ними наполнявшей его сердце любовью и принять их любовь.

В семнадцатом веке Роберт Баркли описал свой опыт богослужения так: «... когда я прихожу в молчаливое собрание божьих людей, то чувствую «тайную силу» среди них, которая касается моего сердца; и уступая этой силе, я ощущаю, как зло слабеет во мне, а добро возрастает...» (100) В двадцатом столетии мы стали способны отождествлять «тайную силу» с созидательной силой любви. Наши интерпретации этого опыта будут столь же разными, как и пути нашего отклика на его ошеломляющие требования. В богослужении мы понимаем, что любовь – наиболее

человечное из всех человеческих переживаний, но, в то же самое время, любовь дается нам, чтобы мы могли с радостной уверенностью отвечать ее требованиям.

Каким бы образом мы не интерпретировали свой опыт любви в неподвижном и тихом центре нашего существа и его глубочайшее раскрытие для нас в единении богослужения, мы вряд ли найдем слова, способные выразить это более адекватно, нежели слова Святого Павла. «Ибо я уверен, - пишет он, - что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». (101)